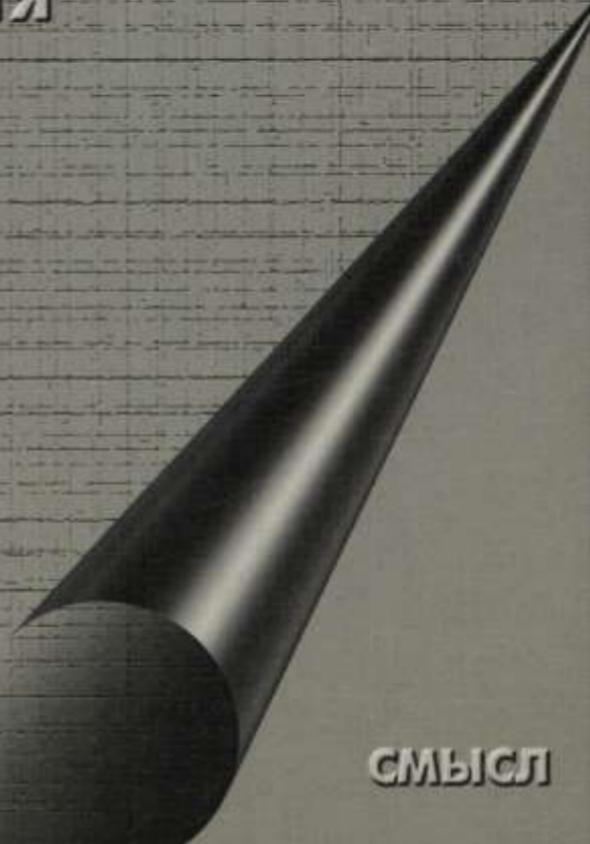

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.В. Улыбина

ПСИХОЛОГИЯ
ОБЫДЕННОГО
СОЗНАНИЯ

СМЫСЛ

Е.В.УЛЫБИНА

ПСИХОЛОГИЯ
ОБЫДЕННОГО
СОЗНАНИЯ

МОСКВА
СМЫС
Л
2001

УДК 159.9
ББК 88
У 501

Рецензенты

В.Ф.Петренко, д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН
В.А.Петровский, д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАО
А.Ш.Тхостов, д-р психол. наук, проф.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
(РФФИ), проект № 00—15—99425.

Улыбина Е.В.

У 501 Психология обыденного сознания. — М.: Смысл, 2001. — 263 с.

Монография посвящена обыденному сознанию личности: его диалогической природе и знаково-символическим механизмам функционирования. Автор сочетает общепсихологический и философско-культурологический аспекты анализа, использует данные оригинальных психологических экспериментов для реконструкции значимых аспектов

картины мира субъекта.

Психологам, представителям других гуманитарных дисциплин.

ISBN 5-89357-091-X

© Е.В.Улыбина, 2001.
© Издательство «Смысл», 2001.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Глава 1. Структура и функции обыденного сознания	
1.1. Знаковое опосредствование	
как определяющий признак сознания	9
1.1.1. Общественное сознание	11
1.1.2. Бессознательное.....	16
1.1.2.1. Особенности «языка» бессознательного.....	20
1.1.2.2. Развитие представлений о феноменах бессознательного в психологии	22
1.1.2.3. Типы и формы проявления бессознательного	24
1.2. Структура знака и структура сознания: возможности внутренней динамики.....	25
1.2.1. Язык и сознание. Роль словесных знаков в формировании сознания.....	25
1.2.2. Усложнение структуры отражения.....	29
1.2.3. Структура знака – структура знакового опосредствования	31
1.2.4. Диалогическая природа символа	35
1.2.5. Структура индивидуального сознания.....	43
1.3. Диалогическая природа сознания: генезис и форма существования.....	52
1.3.1. Роль другого сознания в становлении самосознания.....	52
1.3.2. Интерсубъективная природа сознания. От внешнего диалога к внутреннему.....	55
1.3.3. Диалог как форма существования сознания	57
1.3.4. Внутренний диалогизм сознания	60
1.4. Диалог как универсальный механизм развития	65
1.4.1. Понятие семиосферы. Континуальные и дискретные коды	67
1.4.2. Проблема перевода мифа как принципиально непереводимого текста.....	70
1.4.3. Особенности мифологического и бессознательного уровней отражения.....	71
1.4.4. Результаты перевода. «Правильные» и «неправильные» тексты.....	77
1.5. Обыденное сознание как пространство диалога.....	86
1.5.1. Феномен обыденного сознания. Понимание обыденного сознания в психологии	86
1.5.1.1. Нерациональный, противоречивый характер обыденного сознания	95
1.5.1.2. Социальный характер обыденного сознания	98
1.5.1.3. Обыденное сознание и языковая картина мира.....	99
1.5.1.4. Обыденное сознание и мифы.....	103
1.5.2. Особенности обыденного сознания, определяемые природой символа как доминирующего средства репрезентации.....	105

4 Содержание

1.5.1. Функции разных уровней сознания	111
1.5.3.1. Функции мифа и рационального уровня отражения	111
1.5.3.2. Функции обыденного сознания	114
<i>Выводы</i>	120
Глава 2. Семантическая структура образов «правильного» и «неправильного» мира	
2.1. Этноцентризм как проявление архаического уровня сознания	121
2.2. Психосемантическое исследование этноцентризма	124
2.2.1. Структура семантического пространства	129
2.2.2. Расположение объектов в семантическом пространстве	130
2.3. Семантика восприятия отдельных видов успешности	139
<i>Выводы</i>	142
Глава 3. Психосемантические аспекты феномена субъектности	
3.1. Проблема формирования субъекта через преодоление означенности	143
3.1.1. Связь формирования и развития личности с особенностями обыденного сознания. Постановка проблемы	143
3.1.2. Субъектность как свойство личности	146
3.1.3. Формирование личности в процессе овладения языком	151
3.1.3.1. Субъект как функция языка в концепции Ж.Лакана. Язык овладевает человеком	151
3.1.3.2. Овладение собой с помощью знака. Формирование субъектности через знаковое опосредствование в теории Л.С.Выготского	155
3.1.4. Проблемы идентичности. Мораторий как выход за пределы 157	
3.1.5. Креативная функция границ. Субъект как продукт сопротивления границе	160
3.1.6. «Разрыв». Понимание субъектности в работах С.Л.Рубинштейна	165
3.1.7. Опасность и притягательность неадаптивности	168
3.2. Образы «правильного» и «неправильного» мира как составляющие единой ситуации развития	171
3.2.1. Роль изменения формы знакового опосредствования в процессе развития	171
3.2.2. Волшебная сказка (образ «правильного» мира) как форма знакового опосредствования	177
3.2.3. Жестокий романс (образ «неправильного» мира) как дополнительная к волшебной сказке форма. Образ Снегурочки	181
3.3. Интерпретации образа Снегурочки в обыденном сознании	191
3.4. Психосемантическое исследование восприятия персонажей пьесы А.Н.Островского «Снегурочка»	200
<i>Выводы</i>	218
3.5. Категория врожденного и место субъекта в имплицитной теории личности	221
Заключение	239
Список литературы	244

ПРЕДИСЛОВИЕ

Термин «обыденное сознание» содержит в себе явный неуважительный оттенок. Возникающий по ассоциации смысловой ряд — обыденность, обычный, обыватель — вызывает мысль о чем-то скучном, примитивном. Обыденное сознание — это нечто, содержащее в себе стереотипы, предрассудки, искажения, неточности, отстающее от прогресса науки и далекое от точности и эффективности рационального познания.

Вместе с тем обыденное сознание — естественный уровень отражения действительности, который мы используем в повседневной жизни и который, несмотря на всю его иррациональность, обеспечивает нам возможность нормального приспособления к действительности. Если обыденное сознание с его искажениями и неточностями существует как факт и активно используется, то значит, оно для чего-то нужно и его функции важны, а его отличие от рационального уровня имеет позитивный смысл.

В отечественной психологии разработаны теоретические основания для анализа обыденного сознания с точки зрения его места в структуре сознания, особенностей знакового опосредствования, присущих данному уровню, выделения его специфики по отношению к другим формам сознания. Основы психологического анализа проблемы структуры сознания, его онто- и филогенеза заложили исследования Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, А.Р.Лурия, С.Л.Рубинштейна, Е.А.Климова, Е.В.Субботского и др., вопросы гетерогенности и уровневого строения сознания стали предметом изучения Е.Ю.Артемьевой, В.Ф.Петренко, А.Г.Шмелева, В.П.Зинченко, М.К.Мамардашвили, П.Тулльviste, Н.И.Чуприковой и др. Диалогическая природа сознания, проблема внутреннего диалога рассматривались в работах Л.С.Выготского, М.М.Бахтина, А.Н.Леонтьева, В.В.Столина, Е.Ю.Худобиной, А.Г.Ковалева, Л.А.Радзиховского, Ф.Е.Василюка.

Продуктивным подходом к изучению обыденного сознания можно считать психосемантический подход, позволяющий реконструировать категориальную структуру различных уровней сознания. В рамках психосемантического подхода, основанного на работах Дж.Келли, Ч.Осгуда, В.Ф.Петренко, А.Г.Шмелева накоплен большой и разнообразный материал, относящийся к семантической структуре созна-

Предисловие

ния, что дает возможность адекватно изучать обыденное сознание и его отдельные содержательные области как составную часть субъективной картины мира личности. Психосемантический подход предполагает исследование структурных, функциональных и содержательных сторон обыденного сознания с опорой на особенности доминирующей на данном уровне формы знакового опосредствования.

В зарубежной психологии проблемы обыденного сознания рассматривались, в частности, в работах сторонников школы С.Московичи, посвященных социальным представлениям. Проблемы социальной перцепции, зависимости процесса восприятия от социальных факторов, были предметом изучения Дж.Брунера и его последователей. Наиболее активно обыденное сознание изучалось в русле социальной психологии, где были выделены многие закономерности восприятия человеком других людей и самого себя (Ф.Хайдер, Э.Джонс, К.Дейвис, Г.Келли, Дж.Келли, Д.Бем, М.Лернер, Е.Уолстер, А.А.Бодалев, В.С.Агеев, Г.М.Андреева и др.).

В настоящее время продуктивно изучается близкий обыденному сознанию феномен менталитета. В работах сотрудников лаборатории психологии личности под руководством К.А.Абульхановой-Славской исследуются проблемы российской ментальности, предложена общая теоретическая модель ментальности (*Российский менталитет*, 1997). Активно изучаются различные аспекты национальной ментальности (*Бызова*, 1998, *Варга*, 1996, *Голдберг*, *Шмелев* 1993, *Закиров*, 1994, *Климов*, 1993, *Петренко*, *Сурманидзе*, 1993, *Пибоди*, *Шмелев*, *Андреева*, *Граменицкий*, 1993, *Чирикова*, 1997), провинциального менталитета (*Брушлинский*, 1997а, *Шкуратов* и др.), профессионального менталитета (*Артемяева*, 1980, *Ерина*, 1997, *Климов*, 1991, *Оборина*, 1994, *Петренко*, 1986, *Соснин*, 1998). Внимание исследователей привлекают продуктивные функции обыденного сознания в сфере науки: взаимодействие научного и обыденного отражения действительности (*Троссей*, *Розенцвейг*, 1997, *Черняк*, *Темиров*, 1995, *Черняк*, 1994, *Щербаков*, 1993, *Юревич*, 1993 и др.). Изучению психосемантических особенностей стереотипов обыденного сознания посвящены работы В.Ф.Петренко, Л.А.Нистратова, В.С.Собкина, А.Г.Шмелева и др.; отражение политической ситуации в обыденном сознании изучалось О.В.Митиной и В.Ф.Петренко (1997), имплицитная теория личности стала предметом исследования А.Г.Шмелева (1994 и др.).

Однако при разработанной общетеоретической базе остаются недостаточно исследованными следующие вопросы: доминирующая на уровне обыденного сознания форма знакового опосредствования; связь особенностей обыденного сознания с особенностями доминирующей на данном уровне формой знаковой репрезентации; функции обыденного сознания, определяемые его положением в структуре со-

знания и характером доминирующей формы знакового опосредствования; роль обыденного сознания в развитии личности.

Необходимо отметить, что в настоящее время в отечественной психологии обыденное сознание недостаточно четко дифференцировано по отношению к другим уровням сознания, не выделены его специфические особенности с точки зрения знакового опосредствования. Так, например, в последнее время для анализа различных аспектов обыденного сознания активно применяется категория мифа, во многих работах характер обыденного сознания связывается, прежде всего, с характером мифологического уровня отражения, что представляется недостаточно обоснованным. Смещение уровней мифологического и обыденного отражения не позволяет учитывать их специфические особенности и рассматривать динамику их взаимодействия. Особенности уровня психического отражения, как показывают работы З.Фрейда, Л.С.Выготского, Ж.Пиаже, Дж.Брунера, М.Коула, В.В.Давыдова и др., связаны с характером доминирующей формы знакового опосредствования. Анализ теоретических работ и эмпирического материала, накопленного в результате экспериментального изучения обыденного сознания, позволяет предположить, что доминирующей формой знакового опосредствования на уровне обыденного сознания является символ, что и определяет особенности обыденного сознания как формы отражения.

Как показывают исследования в области обыденного восприятия и социальной перцепции (Ф.Хайдер, Э.Джонс, К.Дейвис, Г.Келли, Дж.Келли, Д.Бем, М.Лернер, Е.Уолстер, А.А.Бодалев, В.С.Агеев, Г.М.Андреева и др.), обыденное сознание выполняет функцию адаптации личности в окружающем мире — через упрощение воспринимаемой картины мира, создание разнообразных стереотипов, поддержку «веры в справедливый мир» (согласно концепции М.Лернера), построение защит (Е.Уолстер) и пр. Но наличие только адаптивных тенденций взаимодействия человека с миром недостаточно для развития, для формирования личности как субъекта активности. Анализ работ А.К.Абульхановой-Славской, А.Г.Асмолова, А.Н.Леонтьева, В.С.Мухиной, В.А.Петровского, С.Л.Рубинштейна, Э.Эриксона, А.Ш.Тхостова и др. авторов, рассматривающих проблему неадаптивной активности в развитии личности, преодоления социальных, культурных, языковых границ, позволяет предположить, что наряду с функцией адаптации обыденное сознание осуществляет и функции дезадаптации, создавая условия для выхода за пределы адаптивного поведения, преодоления сложившихся в социуме форм приспособления. Особенности символа позволяют соединять в построении единой картины мира противоположные тенденции адаптации и дезадаптации, существующие одновременно. Возможность принятия неадап-

тивности по отношению к социуму обеспечивает повышение субъективной значимости личностной автономии, авторства, субъектности как качества личности. Данная работа и явилась результатом проверки этих предположений.

Представляемая работа посвящена весьма популярной теме, выходящей в настоящее время на первый план не только в психологических исследованиях. Однако даже самая высокая научная и практическая ценность проблемы никогда не станет реальной движущей силой исследования, если она не подкрепляется личностной значимостью для автора. Основания этого личного интереса далеко не всегда осознаются, по крайней мере полностью, однако в данном случае можно увидеть явную связь материала с глубоким недоверием и личной неприязнью автора к абсолютному знанию, единой истине, окончательным выводам и другим высоким и неоспоримым вещам. Гораздо привлекательнее выглядят моменты противоречий, амбивалентности, неустойчивости, связанные как с возможностью развития, так и с сохранением целостности мира. И, одновременно, опасные деструкцией, патологией, регрессом. Хотелось бы не выбирать между черным и белым, между да и нет, а сохранить и то, и другое, не свалившись в бездну. Эти сугубо личные интересы и склонности заставляли искать те механизмы психики, то место в структуре психического отражения, где эта неопределенность и терпимость к противоречиям могла бы комфортно существовать. Так в свое время возникло стремление показать единство и зеркальный характер процессов карнавализации и психоанализа, что позволило, впоследствии, остановиться на промежуточной линии обыденного сознания.

В заключение пользуюсь случаем выразить искреннюю благодарность В.А.Петровскому, В.Ф.Петренко, А.Ш.Тхостову, Е.Л.Доценко, Т.Ф.Базылевич, а также коллегам, друзьям и близким, без чьей помощи была бы невозможна эта книга.

Глава 1

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

1.1. ЗНАКОВОЕ ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ПРИЗНАК СОЗНАНИЯ

Приступая к исследованию обыденного сознания, необходимо определить его место в ряду других форм психического отражения и, прежде всего, показать те его свойства, которые детерминированы общими особенностями сознания.

Проблема сознания в психологии — одна из самых важных и в то же время самых сложных и далеких от решения. Высказываются мнения, что решение этой проблемы принципиально невозможно. Особую сложность изучения проблемы сознания М.К.Мамардашвили связывал с тем, что «сознание — это весьма странное явление, которое есть и которое в то же время нельзя ухватить, представить как вещь. То есть в принципе о нем нельзя построить теорию. Ни в виде предельного философского понятия, ни в виде реального явления, описываемого психологическими и другими средствами, сознание не поддается теоретизации, объективированию» (*Мамардашвили, 1990. С.3*).

Значительный вклад в разработку проблемы сознания, его формирования и структуры внесли отечественные психологи К.А.Абульханова-Славская, Б.Г.Ананьев, А.В.Брушлинский, Ф.Е.Василюк, Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, В.П.Зинченко, С.Л.Рубинштейн, А.А.Смирнов, С.Д.Смирнов и др.

По наиболее общему принятому в современной отечественной психологии определению, сознание — свойственный человеку способ отношения к объективной действительности, опосредованный всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей.

Сознание рассматривается как высшая форма психики, что подразумевает наличие существенных отличий от низших форм.

Это отличие, как показывает анализ основных теорий сознания, заключается прежде всего в разрушении непреодолимой, абсолютной связи с воспринимаемой реальностью. «Сознательное отражение, в отличие от психического отражения, свойственного животным, — это отражение предметной действительности в ее отделенности от наличных отношений к ней субъекта, т.е. отражение, выделяющее ее объективные устойчивые свойства» (*Леонтьев А.Н.*, 1972. С.263). Сознание позволяет выделять себя из окружающего мира, различать внешние впечатления и внутренние переживания: «в сознании образ действительности не сливается с переживанием субъекта: в сознании отражаемое выступает как “предстоящее” субъекту» (*Леонтьев А.Н.*, 1972. С.263). Выделенность из окружающей среды достигается знанием о самом факте восприятия, что позволяет строить отдельный от субъекта образ мира.

Можно сказать, что одной из важнейших особенностей сознания как высшего уровня психического отражения является его пограничный (отделяющий и в то же время соединяющий) характер. Сознание как форма психического отражения находится на стыке (в месте соединения и различения) субъекта и объекта, индивидуального и коллективного, природного и культурного, непосредственно-чувственного и общественно-исторического опыта в содержании и структуре психического отражения, в психике человека. В философии и психологии феномен сознания также определяется через противопоставление бытию, материи, бессознательному и пр.

Это пограничное положение определяет динамическую природу сознания, создавая условия развития психики как на уровне индивида, так и на уровне культуры в целом.

Предмет анализа данной главы — устройство и функционирование механизмов, обеспечивающих контакт между знаковым и дознаковым уровнем отражения в сознании. Предполагается, что именно процесс взаимодействия различных способов отражения, функционирующих на разных уровнях сознания, выполняет креативную, смыслопорождающую и развивающую функцию.

Специфические особенности индивидуального сознания как уровня психического отражения наиболее наглядно могут быть раскрыты при сопоставлении с другими уровнями психического отражения — прежде всего общественным сознанием и бессознательным, которые и онто- и филогенетически предшествуют формированию индивидуального сознания и продолжают сохранять с ним связь.

1.1.1. ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ

Согласно Э.Дюркгейму, внесшему большой вклад в изучение общественного сознания, у нас предположительно имеются два сознания — индивидуальное и коллективное; первое характеризует субъекта как индивидуальность, тогда как состояния, охватываемые вторым, — общие для целой социальной группы и выражены в коллективных представлениях. «...Коллективные представления являются внешними по отношению к индивидуальным сознаниям... они исходят не из индивидов, взятых изолированно друг от друга, но из их соединения...» (*Дюркгейм*, 1995. С.234). Коллективные представления, как составная часть социального сознания, обладают психологической реальностью, выходящей за пределы физиологической реальности мозга.

О реальности и своеобразии феномена общественного, группового сознания в отличие от индивидуального говорил В.Вундт, анализируя феномен психологии народов. «Различные формы духовного общения и различные виды развития речи, мифа и обычая представляют собой, следовательно, такие виды духовной связи и взаимодействия, которые, правда, во многих существенных отношениях отличны от связей между образованиями реального сознания, но которые, однако, не менее реальны, чем эти последние. В этом смысле связь представлений и чувств в пределах одной народности можно называть собирательным сознанием... При этом не следует, конечно, забывать, что эти понятия не означают чего-либо существующего вне индивидуальных процессов сознания и воли, как и сама народность есть не что иное, как соединение отдельных людей. Но так как соединение этих людей ведет к образованию таких продуктов, к порождению которых у отдельного человека существуют только незначительные зачаточные способности, и так как оно с самых ранних лет воздействует определяющим образом на развитие индивидуума, то оно должно составлять особый предмет психологии, так же как и индивидуальное сознание» (*Вундт*, 1912. С.272). Таким образом, существует сложная двойная детерминация — с одной стороны, собирательное сознание опирается на уже имеющиеся, пусть и незначительные способности индивидов, с другой — само оказывает влияние на развитие человека.

В психологии общественное сознание чаще рассматривается через феномены группового сознания. «Групповое сознание — это субъективный компонент групповой идентичности, то есть представления людей об основных особенностях группы, к которой они принадлежат» (*Шефер, Шлендер*, 1993. С.77). Сущность группового сознания, по мнению Б.Шефера и Б.Шлендера, состоит не в рефлексивных рас-

суждениях, как в случае индивидуального сознания, а управляется социальными представлениями и объективно действующими установлениями. Групповое сознание проявляется в когнитивных аспектах — общем для всех знании, и в аффективных — общих чувствах, эмоциональных реакциях на определенные объекты. Групповое сознание рассматривается как результат протекающего в историческое время социального взаимодействия, требующего не только участия в нем всех членов, но и безусловной подчиненности индивида группе. Нормативный, или обязательный характер этого процесса является центральным моментом социальных репрезентаций в их понимании Э.Дюркгеймом и С.Московичи.

В настоящее время в отечественной психологии при возрастании интереса к феноменам, связанным с коллективной психикой, существует разное понимание их природы. Речь идет не только и не столько об общественном сознании, сколько о групповой (национальной, профессиональной и пр.) ментальности, о коллективном или совокупном субъекте. Е.А.Донченко (1994) разрабатывает концепцию социентальной психики, в которой развивается мысль о социуме как субъекте психического, включающего в себя и осознаваемые, и неосознаваемые структуры. С.Лурье, анализируя этническую картину мира, выделяет в качестве составляющих сознание и бессознательное этноса. Традиционное сознание этноса включает в себя существенные искажения реальности, которые следуют из действия защитных механизмов, репрессирующих информацию, способную вызвать деструкцию этнического сознания (Лурье, 1994. С.55).

Активно используется понятие коллективной ментальности как формы межиндивидуального существования смыслов. «Под коллективной ментальностью мы понимаем психологические структуры, процессы и формы активности, носителем и субъектом которых выступает не индивид, а группа, уподобляемая единому организму и рассматриваемая — метафорически или нет — как единый субъект» (Леонтьев Д.А., 1999. С.370).

Такое понимание феномена коллективной психики позволяет рассматривать ее как более широкое образование, чем коллективное сознание. Однако стоит отметить, что во всех своих проявлениях, на всех уровнях общественная психика рассматривается практически всеми авторами, стоящими на достаточно разных позициях, как более архаичное образование, первичное по отношению к индивидуальному.

Некоторые авторы, в том числе С.Лурье, вообще считают, что хотя личностным сознанием может обладать каждый человек, «в действительности им обладает лишь незначительное число людей, поскольку личностное сознание предполагает не просто внесение в пси-

хику нового качества, а изменение всей психики, а это процесс болезненный...» (*Лурье*, 1994. С.63).

Специфика массовой психологии и массового, общественного, группового сознания в том числе, заключается в проявлении наиболее глубоких, древних и общих для всех качеств. Как показывают исследования, функционирование коллективной психики близко законам функционирования бессознательного.

Согласно наиболее распространенной в западной и отечественной психологии точке зрения, общественное, коллективное сознание первично по отношению к индивидуальному.

Мысль о первичности коллективной психики вообще по отношению к индивидуальной высказывалась, в частности З.Фрейдом, который связывал архаические слои, содержание бессознательного Оно, с массовой психикой, а более поздние, Я и Сверх-Я, — с индивидуальной: «психология массы является древнейшей психологией человечества; все, что мы, пренебрегая всеми остатками массы, изолировали как психологию индивидуальности, выделилось позднее, постепенно и, так сказать, все еще частично, из древней массовой психологии» (*Фрейд*, 19916. Кн.1. С.119). Индивидуальной психологией обладал, по мнению Фрейда, лишь отец первобытной орды, контролировавший соблюдение остальными членами выдвигаемых им норм и запретов. Потребовались определенные сложные и трагические действия, чтобы каждый член орды приобрел индивидуальное сознание. Но и в современном обществе обычный человек часто испытывает искушение отказаться от этого позднего образования и вернуться к архаическому, массовому, общественному сознанию.

В отечественной психологии представление об общественном сознании как филогенетически первичном по отношению к индивидуальному рассматривалось в работах К.А.Абульхановой-Славской, Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, Б.Ф.Ломова, В.С.Мухиной, Б.Ф.Поршнева, С.Л.Рубинштейна.

В культурно-исторической психологии Л.С.Выготского обосновывается идея об индивидуальном сознании как более позднем по отношению к коллективному, формирующемуся на его основе. Как подчеркивает О.В.Гордеева (19966. С.59), Выготский имплицитно полагал, что структура общественных связей и отношений может выступать источником и моделью структуры и связей индивидуального сознания. «Отношения между высшими психическими функциями было некогда реальным отношением между людьми: коллективные, социальные формы поведения в процессе развития становятся способом индивидуального приспособления, формами поведения и мышления» (*Выготский*, 1994. Т.4. С.221). Выготский развивал положение о рождении сознания, как и всех высших психических функций, из

совместного действия индивидов. Процесс формирования индивидуального сознания рассматривался им как процесс последовательной, включающей отдельные этапы интериоризации процесса коммуникации ребенка со взрослым. В процессе развития психики коллективное мышление и коллективное сознание выступали как промежуточные, предварительные этапы, на основе которых развивалась способность к автономии и формировалось индивидуальное сознание.

Особенно ярко положение об общественной природе сознания получило выражение в работах А.Н.Леонтьева. Индивидуальное сознание, подчеркивал А.Н.Леонтьев, может быть понято только в историческом контексте межсубъектных отношений. «Индивидуальное сознание как специфически человеческая форма субъективного отражения объективной реальности может быть понято только как продукт тех отношений и опосредований, которые возникают в ходе становления и развития общества. Вне системы этих отношений (и вне общественного сознания) существование индивидуальной психики в форме сознательного отражения невозможно» (Леонтьев А.Н., 1983. Т. 2. С. 170).

Об особенностях общеродового сознания, архаических этапах развития сознания можно говорить, опираясь лишь на косвенные данные, на гипотетические построения. Материал для таких построений дают работы этнологов, исследующих особенности жизни и культуры представителей дописьменных цивилизаций, анализ духовного наследия — мифологии, фольклора, религии, особенностей развития языка.

В отечественной психологии в работах Б.Ф.Поршнева, В.С.Мухиной и других психологов рассматривалась проблема выделения индивидуального сознания из общественного, общеродового. Так Б.Ф.Поршнева на основе анализа грамматики языков народов мира сделал вывод о том, что в истории человечества категория «Я» появляется позже категории «Мы», а категория «Мы» — позже «Они» (Поршнев, 1979). Формирование родового сознания первобытного общества предшествовало формированию индивидуального. А родовое сознание, в свою очередь, формируется на противопоставлении своих чужим, другой группе. Б.Ф.Поршнева, анализируя грамматику языков мира, пришел к выводу о первичности категории «Они» по отношению к «Мы». «Материал не только из истории первобытного общества, но и из истории разных эпох иллюстрирует, что может подчас быть очень слабо выражено или вовсе отсутствовать сознание “мы” при ясно выраженном сознании, что есть “они”. “Они” — это “не мы”, и наоборот: “мы” — это “не они”. Только ощущение, что есть “они” рождает желание самоопределиваться по отношению к “ним”, обособиться от “них” в качестве “мы”» (Поршнев, 1979. С.84).

Как подчеркивает Б.Ф.Поршнев, тенденция формирования образа «мы» позднее образа «они» универсальна, она присутствует всегда, в любых группах и на любом уровне взаимодействия.

Как отмечают практически все исследователи, занимающиеся данной проблемой, на ранних этапах развития общества сознание, существующее прежде всего как общественное сознание, имеет своеобразные черты, проявляющиеся в выраженной близости общественного и мифологического сознания с бессознательным.

В процессе эволюции человека происходит преодоление погруженности в общественное и постепенное выделение индивидуального сознания: «...капитальное изменение, претерпеваемое сознанием в ходе исторического развития, состоит в разрушении первоначальной слитности сознания трудового коллектива и сознания образующих его индивидов. Это происходит в силу того, что осознаваемым становится широкий круг явлений, включающий в себя явления, принадлежащие к сфере таких отношений индивидов, которые составляют *особенное* в жизни каждого из них», — отмечает А.Н.Леонтьев (1983. Т. 2. С.171).

К.А.Абульханова-Славская (1991) анализирует общественное сознание в соотношении с индивидуальным. Общественное сознание рассматривается как онтогенетически первичное по отношению к индивидуальному в некоторых аспектах. Общественное сознание передает индивидуально некие нормы, правила, не только не требующие теоретического осмысления, но и исключающие его. Содержание общественного сознания включает в себя нравы и традиции конкретного общества, отличающие его от любого другого, и определенную трактовку, интерпретацию общественной жизни, что составляет его идеологию. Индивид по отношению к общественному сознанию занимает пассивную позицию как объект воздействия. «Идеологические положения, оформленные в теорию на уровне общественного сознания, требуют не новых объяснений и доказательств, а веры, убежденности и принятия к социальному действию» (Абульханова-Славская, 1991. С.194).

Проблема связи развития индивидуального и общественного сознания рассматривалась Б.Ф.Ломовым как одна из центральных задач системного анализа психики. «Будучи общественным по своей сути феноменом, сознание существует не над индивидами, и не между ними, и не помимо них, а в их головах. Общественные идеи, взгляды, настроения и т.п. — это не нечто, “ витающее ” над людьми, а формирующиеся в процессе развития общества идеи, взгляды, настроения конкретных людей, живущих и действующих в конкретных исторических условиях» (Ломов, 1984. С 179). При всей значимости проблемы приходится отметить недостаточную ее разработанность,

особенно в отечественной психологии. Анализируя проблему, А.А.Митькин указывает на острый дефицит исследований, позволяющих выявить конкретные связи между динамикой разных форм общественно-го сознания и особенностями развития индивидуального сознания. «Приходится учитывать размытость и абстрактность самого понятия “общественное сознание”, которое якобы способно непосредственно воздействовать на сознание индивида, минуя многочисленные социальные звенья, в которые включен каждый конкретный индивид. Реально мы имеем дело с очень сложной и лабильной организацией горизонтальных и вертикальных связей, т.е. с динамической системой, определяющей (с достаточно широкой вариативностью) характер взаимодействия индивидуального и общественного сознания...» (Митькин, 1997. С.9).

Особенности общественного сознания, его архаический характер и слабо контролируемое влияние на индивидуальное сознание сбли-

1.1.2. БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

Понятие бессознательного использовалось со времен развития психологии в рамках философии, но в психологическую теорию и практику его ввел З.Фрейд. В дальнейшем были разработаны концепции бессознательного, существенно отличающиеся от предложенной Фрейдом модели, и в современном классическом психоанализе используется уже уточненная трактовка (Томэ, Кехеле, 1996; Гринсон 1994; Куттер, 1997 и др.).

В настоящее время в отечественной психологии при анализе вопросов ментальности в большей степени принято опираться на работы К.Г.Юнга, его теория архетипов коллективного бессознательного продуктивно используется, в частности, в работах по изучению российской ментальности (*Российский менталитет...*, 1997). Однако концепция З.Фрейда представляет для нас особый интерес в связи с семиотическим характером трактовки проявлений сознания и бессознательного. На ее анализе мы остановимся более подробно.

З.Фрейд, введший в психологический обиход представление об уровне строении психики человека, предлагал различать «вторичные» процессы, связанные с сознанием, определяющие деятельность Я, и «первичные», связанные с бессознательным, действующие в Оно. В его теории сознание характеризуется: субъективной очевидностью содержания; происхождением из «следов восприятия», т.е. построением на основе субъективного опыта; и, главное,

преимущественной связью со словами, детерминацией слышимыми словами и возможностью содержания быть выраженным в словах.

Основным дифференцирующим признаком сознательных психических процессов З.Фрейд называл субъективное знание о них. Этим они противопоставлялись бессознательным процессам, которые субъекту неизвестны: «мы называем процесс бессознательным, когда мы предполагаем, что он активизировался *сейчас*, хотя *сейчас* мы ничего о нем не знаем» (Фрейд, 1989а. С.343).

Однако в понимании знания о процессе есть свои тонкости. Фрейд позволил продвинуться в направлении объективного анализа феномена сознания, указав на наличие явлений «третьего рода», как их называл М.Мамардашвили. В этих явлениях бессознательные процессы «встроены» в сознательно наблюдаемые действия, что позволяет увидеть явное различие между ними. Это прежде всего симптомы невроза, ошибочные действия, образы сновидений и фантазий, ассоциации и пр. — явления, смысл которых ускользает от сознания и появление которых кажется случайным, бессмысленным. Они возникают, «случаются» с субъектом без его сознательного намерения, являясь при этом доступными сознанию. Человек знает, что собирался отправить письмо, но почему-то оставляет его на столе. Человек знает, что в определенных ситуациях у него начинает болеть голова, но почему с ним это происходит — ему недоступно. Получается, что в сознательные явления вмешивается нечто реально существующее, активное в данный момент, *сейчас*, но недоступное сознанию. Такие явления содержат как бы двойное дно, «в них упаковано что-то, что переживалось, не было понято или неправильно понято и ушло в эту вещественную монструозную форму» (Мамардашвили, 1994. С. 125), стало странным, неправильным образованием, несущим части разных явлений, разных ситуаций. Они создаются, считал Фрейд, в результате вытеснения идей, образов, мыслей, связанных с влечениями, удовлетворение которых могло быть приятно, но нежелательно при учете социальных и иных требований. Вытеснение приводит к тому, что человек утрачивает знание об этих идеях, мыслях, но сами они никуда не исчезают и активно проявляются в поведении, в образах сна, в симптомах болезни. Получается, что некоторая часть в нашей психике «знает» о вытесненном содержании, а другая — не знает, и в поведении человека проявляются одновременно знание и незнание.

Эти части психики различаются, прежде всего, своим происхождением. Сознание рассматривалось Фрейдом как пограничное образование, сформированное контактом с действительностью, опосредованное общением с другими людьми.

Являясь прижизненным образованием, сознание основано на опыте непосредственного восприятия действительности: «Относительно феномена сознания мы еще можем указать, что он изначально зависит от восприятия» (Фрейд, 1992. С.221). Согласно его пониманию накопленный опыт раздражения внешними и внутренними возбудителями создает устойчивое изменение, модификацию внешнего воспринимающего слоя, что обеспечивает дальнейшую избирательность в восприятии последующих раздражений. Представление о зависимости феноменов сознания от индивидуального опыта занимает важное место в концепции Фрейда, постулируя, тем самым, субъективность феноменов сознания, относительность достоверности отражения внешнего мира.

Необходимо уточнить, что для описания феноменов, связанных с осознанием некоторого содержания, Фрейд, кроме терминов «сознание» и «бессознательное», использовал и термин «предсознательное». Он подчеркивал, что необходимо различать два вида бессознательного: «одно, которое при часто повторяющихся условиях легко превращается в сознательное, и другое, при котором это превращение происходит с трудом и лишь со значительными усилиями, а может и никогда не произойти» (Фрейд, 1989а. С.344). То бессознательное, содержание которого легко осознается, Фрейд предлагал называть «предсознательным», а другому оставить название собственно бессознательного. При чтении работ Фрейда необходимо учитывать это различие использования понятия бессознательное, помня, что «...чисто описательно и предсознательное бессознательно, но мы так его не называем, разве что в свободном изложении, если нам нужно защитить существование бессознательных процессов вообще и в душевной жизни» (Фрейд, 1989а. С.344).

Предсознательное расположено между сознанием и бессознательным, образуя своеобразный буфер, переходный компонент между содержанием сознания и содержанием бессознательных инстинктов *Оно*. Собственно, все, что говорится Фрейдом о содержании и проявлении бессознательного, относится к предсознательному, так как о содержании собственно бессознательного судить невозможно, ибо оно выражено в «неизвестно каком материале» и просто не может быть напрямую доступно сознанию.

Предсознательное и бессознательное различаются не только возможностью осознания. Доступ в сознание детерминирован наличием или отсутствием потенциальной связи с языком: «...различие между БСЗ (бессознательными) и ПСЗ (предсознательными) представлениями заключается в том, что первое происходит неизвестно на каком материале, остающемся неизвестным. В то время как у последнего (ПСЗ) добавляется соединение со словесными представлениями...

Вопрос — как что-то осознается? — целесообразнее выражен следующим образом: как что-то предсознается? И ответ был бы: путем связи с соответствующими словесными представлениями» (*Фрейд*, 19916. Кн. 1. С.358). Хотя в формировании сознания принимают участие следы раздражений всех органов чувств, «словесным впечатлениям» отводится приоритетное место. Выраженности в других формах — тактильных ощущениях и зрительных образах придается гораздо меньшее значение. И хотя нельзя «отрицать возможность осознания мыслительных процессов при помощи возврата к зрительным остаткам», такое мышление имеет весьма ограниченный характер, позволяя осознавать только конкретный материал, ибо «мышление образами лишь весьма несовершенное мышление. Оно ... как-то ближе к бессознательным процессам, чем мышление словами, и, несомненно, онто- и филогенетически старше, чем последнее» (*Фрейд*, 19916. Кн. 1. С.359).

Соединение со «словесными впечатлениями», слышанными словами определяет его связь как с социально-историческим контекстом, так и с ситуацией коммуникации. Эти аспекты семантики сознания только обозначены в работах Фрейда и более подробно рассматриваются другими авторами, в частности, Жаком Лаканом.

Речь, слово важны как конечная цель практической работы психоаналитика с пациентом, которая заключается в восстановлении утраченной связи вытесненного в предсознательное содержания со словами, ибо «мыслительные процессы и то, что может оказаться их аналогом в *Оно*, сами бессознательны и добывают себе доступ в сознание через связь с остаточной памятью о восприятиях зрения и слуха при опосредовании речевой функцией» (*Фрейд*, 1992. С.221). Опосредованность речью не только делает бессознательное известным, но и позволяет овладеть вытесненным содержанием, лишить его патогенного воздействия, потому что «соматическое и аффективное влияние душевного движения, ставшего сознательным, никогда не может быть так велико, как бессознательного. Мы владеем нашими душевными движениями только благодаря тому, что обращаем на них наши высшие, связанные с сознанием, душевные акты» (*Фрейд*, 19916. С.56). В результате работы с психоаналитиком приходит осознание, признание чувств, мыслей, желаний, которые ранее человек отрицал, рассматривал как чуждые, не свойственные ему. Принятие, осознание их реальности снимает патологическую зависимость и ослабляет их воздействие. «Психическое и соматическое могущество желания ... значительно сильнее при его существовании в области бессознательного, чем в сознательной; так что переход такого желания в сознание ослабляет его» (*Фрейд*, 1989а. С.380).

Казалось бы, что это парадокс — бороться с грешными мыслями и желаниями, не подавляя и не отказываясь от них, а признавая их

как существующие, свои собственные. Но клинический опыт показал действенность этого парадокса. Ослабление достигается за счет определенного «отстранения», опосредования бессознательных инстинктивных импульсов знаковыми средствами, культурными, искусственными образованиями. Происходит своего рода усложнение, удвоение системы отражения. Это усложнение ослабляет связь с непосредственным восприятием, а значит и связь с реальностью: «...сознательное представление включает представление вещи плюс представление слова, относящегося к ней, в то время как бессознательное представление — это представление только вещи. Система бессознательного содержит привязанность к вещи, к объектам, оно содержит первую и истинную привязанность к объекту; система предсознательного действует благодаря представлению вещи, которая оказывается сверхпривязанной через связь с соответствующим ей представлением-словом» (Молнар, 1995. С. 143). Именно на этом свойстве сознания — создавать эффект отстраненности, давать возможность выхода за пределы непосредственного восприятия, и строился основной механизм психоанализа как клинической практики.

11.1.2.1. ОСОБЕННОСТИ «ЯЗЫКА» БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Бессознательное (вытесненное бессознательное) образуется не в результате физического, механического вытеснения, погружения некоторого содержания на глубину, вглубь сознания. Это особая психическая деятельность, семиотический процесс, заключающийся в изменении формы и способа означивания содержания, перекодирования информации, а тем самым и изменения самого содержания. Изменение формы выраженности приводит к тому, что субъект не прочитывает, не понимает содержания собственной психики.

Язык, на котором «говорит» бессознательное, форма, в которой проявляется содержание бессознательного, имеет свои характерные особенности.

Невозможность разделить содержание и средства выражения содержания. «Если в ... других системах топической модели широко используется символическое и абстрактное изображение и всегда сохраняется связь между символом и категорией событий, к которой он относится, то в бессознательном этого нет в принципе. ...С символом обращаются таким образом, словно он занимает место реальной вещи... Абстрактные слова и рассуждения могут восприниматься там совершенно буквально и конкретно» (Холдер, 1998. С.249). Например, когда человек не может вспомнить травматические события, переживания детства, но вместо этого неосознанно воспроиз-

водит, повторяет их в актуальных отношениях. При выражении того же содержания на уровне сознания человек использует слова как средство передачи чувств. А на уровне бессознательного воспроизводит сами чувства, не прибегая к дополнительным способам их означивания. Содержание бессознательного проявляется как жизненная реальность — головная боль, навязчивое пересчитывание окон, чувство ревности по отношению к партнеру. Человек вынужден мыть руки, намыливая их ровно по 15 раз, так как иначе он будет чувствовать мучительное беспокойство, ему будет казаться, что случится какое-то несчастье.

Низкий уровень обобщения, невозможность использовать и выразить

абстрактные понятия. Как отмечал Фрейд, репрезентация бессознательного в образах сновидений и симптомах значительно искажает исходное содержание: «...благодаря работе сновидения содержание мыслей сновидения растворяется в его сыром материале объектов и деятельностей» (Фрейд, 1989а. С.110); язык бессознательного в качестве средств выражения располагает только наглядными образами, тактильными ощущениями, совершением внешних действий типа навязчивых движений, ошибочных действий и пр. Так, работа сновидения направлена на то, «чтобы выраженные в словах скрытые мысли перевести в чувственные образы по большей части зрительного характера ... работа сновидения заставляет мысли пройти регрессивный путь, лишает их достигнутого развития...» (Фрейд, 1989а. С.113). В бессознательном не существует абстракций, не существует способности к обобщению, которая появляется только при переходе к уровню сознания, по мере овладения языком.

Своеобразие категории времени, отсутствие линейного времени.

«Мы

установили, что бессознательные душевные процессы сами по себе находятся “вне времени”. Это прежде всего означает, что они не упорядочены во времени, что время ничего в них не изменяет, что представление о времени нельзя применить к ним» (Фрейд, 19915. С.220—221). Время в бессознательном имеет не линейный, а циклический характер. Это определяет безусловную значимость в течении всей жизни событий, происшедших в раннем детстве, перенос сложившихся паттернов поведения, стереотипных реакций на новые ситуации, циклическое воспроизводство одной и той же ситуации. На уровне сознания человек отчетливо понимает, что находится в другой ситуации, что разговаривает с начальником, а не с отцом. Но реагирует на начальника так же, как когда-то в детстве — на отца.

Отсутствие отрицаний и законов логики вообще. «...С противоположностями работа сновидения поступает точно так же, как с совпа-

быть противоположностью, может, таким образом, означать себя самого, а также свою противоположность или иметь оба значения...С этим связан тот факт, что в сновидении нельзя найти изображения “нет”, по крайней мере, недвусмысленного» (Фрейд, 1989я. С.111). Отсутствие отрицаний неизбежно приводит к невозможности противоречий, к нарушению законов логики. «Поскольку видение противоречий предполагает определенную степень формального мышления и соответствующей компетентности, такие суждения, где с противоречащими друг другу элементами обходятся так, словно они целиком друг с другом сочетаются и словно они могут находиться рядом друг с другом, не приводя к конфликту, могут существовать только в бессознательном» (Холдер, 1998. С.248). Образы сновидений, симптомы болезни, ошибочные действия в силу символической, дознаковой природы, не могут выражать сложно организованных мыслей.

1.1.2.2. РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ФЕНОМЕНАХ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ПСИХОЛОГИИ

По утверждению В.П.Зинченко и М.К.Мамардашвили (1991), вклад теории психоанализа в развитие представлений о бессознательном и сознании трудно переоценить. Однако, как отмечают авторы, декларируемое Фрейдом понимание бессознательного было в значительной степени натуралистическим, опирающимся на представление о перераспределении энергии, перемещении в пространстве — «погружении», «подавлении» некоторого содержания. Фрейд не раз заявлял о надежде, что будут найдены химические эквиваленты динамики психических процессов и психоанализ обретет долгожданное материалистическое основание. Надежды Фрейда на сегодняшний день оцениваются как неперспективные, но «несмотря на очевидную теперь недостаточность натуралистической трактовки и сознания и бессознательного, равно как и психики вообще, категория бессознательного играла (и продолжает играть) положительную роль в развитии психологии» (Зинченко, Мамардашвили, 1991. С.35). Реально Фрейд трактовал бессознательное как вневременное и метапсихическое, что во многом, на уровне метода и конкретной пластики анализируемых примеров, нейтрализовало его собственные натуралистические взгляды.

В последующем были продуктивно использованы другие идеи Фрейда — об уровне строения психики, — и семиотическая характеристика этих уровней.

Фрейд, развивая существовавшую с античных времен идею об уровне строения психики, наполнил ее новым, конкретным се-

миотическим содержанием. Анализ семиотического характера теории Фрейда дан в работах Ж.Лакана, Ю.М.Лотмана, В.Н.Цапкина, Ю.Кристовой и др. Рассматривая вклад Фрейда в формирование семиотического подхода к проблеме бессознательного, В.Н.Цапкин констатирует: «несмотря на действительно многочисленные ссылки на лингвистику... собственно лингвистические представления Фрейда были довольно наивны. А его знакомство с учением Соссюра, которое, по словам Х.Шендза, могло бы коренным образом изменить судьбу психоанализа, так и не состоялось» (Цапкин, 1994. С.87). Заложенные в работах Фрейда структурно-семиотические идеи получили развитие в работах других психологов. Как отмечают В.П.Зинченко и М.К.Мамардашвили, «не подлежит сомнению, что психологические идеи фрейдизма и неофрейдизма оказали влияние на развитие исследований высших психических функций... 3.Фрейд, в попытках объяснить поведение и деятельность как нечто целостное пришел к тезису о трехуровневом строении психики... В соответствии с идеей сложного, уровневого строения психики во фрейдистской традиции происходит отказ от универсальной единицы исследования и предполагается строить определенную таксономию таких единиц, чтобы каждому из уровней соответствовал свой тип единиц.

Эти идеи с большей или меньшей полнотой можно обнаружить в любом современном направлении исследований высших психических функций. Следы дихотомии “сознательное — бессознательное” обнаруживаются в таких широко используемых в современной психологии оппозициях, как “внешнее — внутреннее”, “произвольное — непроизвольное”, “нерефлексивное — рефлексивное”. Идея интериоризации, равно как и распространенные ныне иерархические модели когнитивных процессов, связана с фрейдовскими идеями об уровневом строении душевной жизни» (Зинченко, Мамардашвили, 1991. С.35—36). И так же как и у Фрейда во всех отмеченных случаях противопоставление строится на различении форм репрезентации, определяемых характером связи с языком.

Речь, в самом общем смысле, идет об известном, но, по выражению Мамардашвили, «трудном для усвоения» факте. Внутри самого сознания мы оперируем различием двух родов явлений: 1) явлений, контролируемых сознанием и волей, и 2) явлений и связей, хотя и действующих в самом же сознании, но неявных по отношению к нему и им не контролируемых, и в этом смысле не контролируемых субъектом. Таким образом «нечто в сознании же обладает бытийными (и поддающимися объективному анализу) характеристиками по отношению к сознанию в смысле индивидуально-психологической реальности. Степень и мера проявления ... бытия в сознании обратно-пропорциональна степени и мере отражения им собственного, печатью

«Я» отмеченного акта деятельности и его объектов в мире» (Зинченко, Мамардашвили, 1991. С.37).

1.1.2.3. ТИПЫ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО

Явления, относимые к бессознательным и отвечающие вышеприведенному определению, выходят за пределы описанных Фрейдом.

Понятие бессознательного несмотря на различные идеологические проблемы никогда полностью не исчезало из отечественной психологии. О возможности действия неосознаваемых мотивов деятельности говорил А.Н.Леонтьев. О неполном отражении в психике содержания отражения, о наличии бессознательного отражения писал С.Л.Рубинштейн; проблемы бессознательного рассматривались в теории установки Д.Н.Узнадзе.

Понятие бессознательного, используемое отечественными психологами шире феномена, бывшего предметом анализа у Фрейда. А.Г.Асмолов, опираясь на теорию деятельности А.Н.Леонтьева, определяет бессознательное как «совокупность психических процессов, детерминируемых такими явлениями действительности, о влиянии которых на его поведение человек не отдает себе отчета» (Асмолов, 1996. С.375), а эти явления не сводятся только к описанным Фрейдом феноменам.

Прежде всего стоит отметить, что к явлениям бессознательного могут быть отнесены не только патологические, но и, прежде всего, высшие психические процессы, в том числе процессы творчества. «...Мы можем наблюдать и контролируемо фиксировать действительно высшие психические функции и содержания, т.е. самосушие проявления жизни ... неконструируемые последовательности в некотором непрерывно прослеживаемом действии» (Зинченко, Мамардашвили, 1990. С.39). Эти явления, как и в случае патологии, всегда связаны с вещественно-символическими построениями. В случае формирования симптомов — это «неудачные» построения, оставляющие следы своих неудачных сцеплений в психической жизни, следы, переозначенные эмпирическим сознанием и потому патогенные. В случаях творчества — это продуктивные формы, но законы, по которым они строятся, так же скрыты от сознания субъекта, как и законы построения симптомов.

Речь идет о том, что некоторые психологи, в том числе Жан Пиаже, называют когнитивным бессознательным, в противоположность аффективному бессознательному. Мы можем не осознавать то, как именно протекает процесс мышления, на какие законы мы опираем-

ся и какой логики придерживаемся. Мы можем очень хорошо знать, что именно думаем по тому или иному поводу, но не отдавать отчета в тех структурах, которые определяют содержание наших мыслей. «Познавательные структуры не являются осознаваемым содержанием мышления, однако именно они навязывают мышлению одну форму, а не другую» (Пиаже, 1996. С.126). Когнитивное бессознательное действует как в области научного мышления, так и в обыденном, повседневном мышлении детей и взрослых.

Осознание когнитивного бессознательного, так же как и аффективного, связано со сложной семиотической деятельностью. «Когнитивное бессознательное составлено из сенсорных и сенсомоторных операциональных схем, уже организованных в структуры. Эти схемы выражают то, что субъект может *делать*, но не то, что он *думает*» (Пиаже, 1996. С. 129). На этом уровне нет знаков, слов, понятий — и вообще каких-либо средств репрезентации. Значит, сознание должно быть прежде всего переводом с одного языка на другой, требующим создания новых понятийных систем, обеспечивающих адекватность выражения.

В отечественной литературе признается, что существуют различные формы существования бессознательного, но единой типологии не существует, хотя выделяемые разными авторами формы вполне соотносимы между собой. Существует несколько подходов к классификации типов бессознательного, предложенных, в частности, А.Г.Асмоловым, П.В.Симоновым, Ю.Б.Гиппенрейтер. При всей разнице данных феноменов они, как и фрейдовское бессознательное, лишены связи с языком и обладают безусловным, непреодолимым воздействием на поведение и чувства человека.

1.2. СТРУКТУРА ЗНАКА И СТРУКТУРА СОЗНАНИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ДИНАМИКИ

1.2.1. ЯЗЫК И СОЗНАНИЕ. РОЛЬ СЛОВЕСНЫХ ЗНАКОВ В ФОРМИРОВАНИИ СОЗНАНИЯ

При том, что существуют различия, касающиеся частных проблем, связанных с представлением о роли языка в формировании сознания и определении доли словесно обозначенных феноменов в ткани сознания, большая часть психологов и физиологов признает решающую роль овладения языком в формировании сознания в фило- и онтогенезе.

Физиологи (В.П.Симонов, Н.И.Чуприкова, и др.) склонны отождествлять язык и сознание. В вузовском учебнике по физиологии высшей нервной деятельности сказано четко: «Осознать — значит получить возможность сообщить, передать свое знание другому. А все то, что не может быть сообщено — неосознаваемо... Отсутствие словесного отчета об условной реакции означает отсутствие ее осознания. Неадекватная вербализация — это неадекватное осознание реально действующего стимула и совершённой реакции» (Данилова, Крылова, 1997. С.393).

Специфические особенности мозга человека сложились в процессе антропогенеза под влиянием трудовой деятельности и языка. Они аккумулировали, закрепили во многих деталях своей морфологии и тонкой структуры результаты и предпосылки тех тонких и совершенных процессов анализа и синтеза, которые служат материальным носителем сознания человека. Морфология и структура мозга как раз таковы, что он может самым различным образом раздробить приходящий в кору поток эфферентных импульсов на несколько независимых самостоятельных очагов возбуждения и сразу связать, синтезировать эти очаги в новом расчлененном единстве (Чуприкова, 1985. С. 153). Важнейшую роль в дифференциации и синтезе играет символично-знаковая система опосредования восприятия. Н.И.Чуприкова, анализируя проблему связи сознания с вербализацией данных чувственного опыта и, с физиологической стороны, с активацией речевых областей левополушарного взаимодействия, отмечает, что в актах вербализации возбуждения из анализаторов первой сигнальной системы не просто передаются к речевым отделам левого полушария, но что сами анализаторы осуществляют развернутую аналитико-синтетическую деятельность под контролем словесных отделов мозга.00

Различие вызванного потенциала на осознаваемые и неосознаваемые словесные раздражители свидетельствует о том, что активация неспецифических систем осуществляется через кортикофугальные пути от семантических механизмов. При осознании стимула возникает локальная активация в корковых структурах, воспринимающих данный раздражитель, за счет кортико-таламо-кортикового механизма. Неосознаваемый стимул вызывает более диффузную и более слабую активацию коры больших полушарий. «В целом каждый акт осознания действительности, который имеет форму вербализации отдельных ее сторон и аспектов, выступает как результат сложной интегративной деятельности всего мозга. Не надо только забывать, что смысл этой интеграции не в сложности самой по себе, а в том, что она обеспечивает расчлененное упорядоченное отражение действительности» (Чуприкова, 1985. С.152).

О связи сознания с речевой деятельностью действительно говорят многочисленные данные нейрофизиологических исследований, в частности, проводимых в институте нейрохирургии им. Н.Н.Бурденко под руководством С.М.Гриндель (*Гриндель*, 1985). Эти исследования показали, что восстановление сознания у больных с тяжелой черепно-мозговой травмой совпадает по времени с восстановлением связей между моторно-речевыми зонами левого полушария (у правшей) и другими областями коры (*Гриндель*, 1985). Э.А.Костандов (1984) на основе многочисленных экспериментов пришел к выводу о том, что «активация связей гностических корковых участков с двигательной речевой зоной является решающим звеном в структурно-функциональной организации механизмов, обеспечивающих осознание раздражителя» (*Костандов*, 1984. С.403).

Именно знаковый характер отражения, определяющий возможность коммуникации, выделяет как важнейший признак сознания П.В.Симонов. «Среди всех существующих определений наиболее адекватным для естественно-научного анализа нам представляется такое, где сознание определяется как знание, которое с помощью слов, математических символов и обобщающих образов художественных произведений может быть передано, став достоянием других членов общества. Сознание — это знание вместе с кем-то (сравни с со-чувствием, со-переживанием, со-трудничеством и т.п.). Осознать — значит приобрести потенциальную возможность сообщить, передать свое знание другому, в том числе другим поколениям, в виде памятников культуры» (*Симонов*, 1996. С.4). Однако в данном определении сознательное отражение уже не привязывается столь жестко к словесной опосредствованности, и наряду со словом рассматриваются другие знаковые системы, в частности зрительные или музыкальные образы.

В психологии связь с языком рассматривается в контексте тех изменений, которые вносит опосредствованность словами (и другими знаковыми системами) в процессе отражения.

Язык создает дополнительный план отражения, позволяя выйти за пределы непосредственного восприятия, преодолеть слитность с окружающим миром, включить обобщенный, а значит и непристрастный, опыт в субъективный образ мира. «Огромный выигрыш человека, обладающего развитым языком, заключается в том, что мир удваивается. Человек без слов имел дело только с теми вещами, которые непосредственно видел, с которыми он мог манипулировать. ...Слово удваивает мир и позволяет человеку мысленно оперировать с предметами даже в их отсутствие» (*Лурия*, 1979. С.37). Удвоение мира происходит на основе разных способов его отражения, а значит миры тоже могут получаться разными.

Мысль о невозможности индивидуального сознания вне системы общественных, конвенциональных знаков высказывал и замечательный отечественный мыслитель М.М.Бахтин. Знак позволяет отстраниться от непосредственно переживаемого чувства, от физиологического ощущения и создает пространство рефлексии, дающей возможность, поднявшись «над», соотнести субъективное переживание с общим культурно-историческим опытом. «Сознание слагается и осуществляется в знаковом материале, созданном в процессе социального общения организованного коллектива. Индивидуальное сознание питается знаками, вырастает из них, отражает в себе их логику и их закономерность... Сознание может приютиться только в образе, в слове, в значащем жесте, и т.п. Вне этого материала остается голый физиологический акт, не освещенный сознанием, т.е. не освещенный, не истолкованный знаками» (Бахтин, 1986. С. 14).

В самой крайней форме мысль об определяющем влиянии слов на восприятие действительности высказана в гипотезе лингвистической относительности Сепира—Уорфа. «...Язык, несмотря на его огромную роль, напоминает в некотором смысле внешнее украшение более глубоких процессов нашего сознания, которые уже наличествуют, прежде чем возникает любое общение, происходящее при помощи системы символов или сигналов, и которые способны ментально создать такое общение (хотя оно и не будет истинным соглашением) без помощи языка или системы символов», — пишет Б.Уорф (1960. С.190—191). Но это внешнее украшение очень важно, оно создает основу разделения потока впечатлений на отдельные фрагменты, из которых мы строим упорядоченный мир, о чем очень определенно писал Э.Сепир: «Люди живут не только в объективном мире вещей, и не только в мире общественной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной степени находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. Было бы ошибочным полагать, что мы можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, или что язык является побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления. На самом деле “реальный мир” в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы... Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или иные явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения» (Сепир, 1993. С.261). Но сама эта упорядоченность — производная от того конкретного языка, который мы употребляем. «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и

типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном — языковой системой, хранящейся в нашем сознании» (*Ворф*, 1960. С. 174). Разница языков порождает разницу сознаний, а значит и миров, в которых живут люди.

1.2.2. УСЛОЖНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ОТРАЖЕНИЯ

Словесное, знаковое опосредствование не только удваивает мир, создавая дополнительную плоскость отражения, но и меняет саму структуру отражения, внося в него качественные изменения, сближая со знаковой структурой самого слова. Изменение процесса отражения за счет включения в него опосредствующего элемента рассматривалось Л.С.Выготским как процесс формирования высших психических функций.

В отличие от З.Фрейда, лишь указавшего на роль слов в формировании понятий по принципу ассоциативной связи, соединения следов слышимых слов со следами внешних и внутренних воздействий, Л.С.Выготский ставил акцент на творческой, преобразующей роли слова в восприятии действительности: «отношение мысли к слову есть прежде всего не вещь, а процесс... Мысль не выражается в слове, но совершается в слове» (*Выготский*, 1982. Т.2. С.305). Слову принадлежит ведущая роль в формировании сознания: «не одна мысль, но все сознание в целом связано в своем развитии с развитием слова» (*Там же*. С.305). Выготский рассматривал слово как инструмент, не только повышающий эффективность воздействия на внешний объект, но и преобразующий первоначальное естественное действие субъекта. Прямая линия, соединяющая стимул, обладающий непосредственной значимостью (личностным, субъективным смыслом), и реакцию (потребность и объект), разрывается и вновь соединяется, включая в себя «стимулы второго порядка». Этим стимулом второго порядка служит знак, связанный не только с объектом, но и с субъектом действия. Важно подчеркнуть, что слово, опосредующее связь стимула и реакции, нагружено обобщенным культурно-историческим опытом, позволяющим соединить субъективную значимость стимула с его общественным значением. Таким образом слово служит соединяющим звеном индивидуального способа отражения действительности с коллективным, общественным.

Л.С.Выготский отмечал существование различных форм сознания в зависимости от опосредствованности речью, языком: «Если ощущающее и мыслящее сознание располагает разными способами отра-

Глава 1. Структура и функции обыденного сознания

жения действительности, то они представляют собой и разные типы сознания» (*Там же*. С.361). Но далее подчеркивал, что мышление и речь оказываются ключом к пониманию природы сознания и определяют его специфику как собственно человеческого уровня отражения действительности, не уточняя, существует ли не *человеческое* сознание и речь. «Сознание отражает себя в слове, как солнце в малой капле воды. Слово относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания» (*Там же*. С.361). Необходимо подчеркнуть, что слово рассматривается как малый мир, как определенного рода аналог, структурные и функциональные свойства которого близки структурным и функциональным свойствам сознания. Более подробно эта мысль развивается в работах других отечественных психологов.

Слово как малый мир сознания и речь как структурный эквивалент последнего рассматривались в работах С.Л.Рубинштейна. Хотя С.Л.Рубинштейн и активно критиковал западную идеалистическую философию и психологию за «формалистическое понимание языка как совокупности знаков», в его работах есть указания на прямую структурную связь языка и сознания. «Сознание связано с речью, с языком как формой сознания. Формула Маркса, объединяющая сознание с языком как практическим сознанием, реальным для другого и тем самым для меня самого, выражает общность не только происхождения, но и строения: сознание, как и язык — семантическое (смысловое) образование.

Сознание, теоретическое сознание человека в его специфическом отличии от психики вообще — это облеченный в форму слова, т.е. *имеющий то же строение, что и речь* (курсив наш. — *Е.У.*), опосредствованный общественными отношениями познавательный снаряд, включенный в бытие и обращенный на него» (*Рубинштейн*, 1973. С. 148—149). Практическое сознание, включающее в себя непосредственные переживания значимости мира, рассматривается так же по аналогии с речью, высказыванием, нуждающимся в дополнительном понимании, истолковании. «Показания сознания, “непосредственные данные” переживания подлежат — в целях подлинного их познания — такому же истолкованию, как текст речи» (*Рубинштейн*, 1973. С. 150). Последние слова Рубинштейна трудно не соотнести с известнейшими словами Ж.Лакана о том, что бессознательное говорит, и что бессознательное структурировано как язык (1995, 1997). Хотя у С.Л.Рубинштейна речь идет о сознании, но по сути отмечается тот же феномен — сознание говорит («дает показания»), а значит обладает планом содержания и планом выражения, не совпадающими между собой, его строение аналогично строению речи, структурировано как язык.

И С.Л.Рубинштейн, и Ж.Лакан указывали на разговорную, коммуникативную природу сознания и на неполную эквивалентность плана выражения и плана содержания сознания. То есть подчеркивали, что хотя язык и есть практическое сознание, но оно, как и речь, еще нуждается в дополнительном истолковании.

При огромной роли языка в формировании сознания, выраженность содержания не является абсолютно точной; между языком и содержанием сознания, как отмечается, есть зазор, заполненный общественной практикой. Этот зазор определяется именно сложной структурой знака, анализ которой необходим (которую необходимо рассмотреть) для адекватного понимания структуры сознания.

1.2.3. СТРУКТУРА ЗНАКА - СТРУКТУРА ЗНАКОВОГО ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ

Структура языка как знаковой системы и собственно знака — предмет изучения лингвистики, семиотики и многих других наук, располагающих на сегодняшний день разнообразными и сложными моделями, рассмотрение которых не входит в задачи настоящей работы. Однако некоторые наиболее общие положения поданному вопросу необходимо отметить.

Сложности начинаются с того, что единого понимания термина «знак» не существует, и разные исследователи используют этот термин применительно к разным реалиям. В некоторых вариантах знак противопоставляется понятиям индекс и символ, а в некоторых выступает как родовое понятие. Н.Г.Салмина (1988), рассматривая роль знака в обучении, вообще говорит о знаково-символических средствах, не дифференцируя знаки и символы. Подробный анализ соотношений понятий знак, сигнал, символ и др. в разных концепциях представлен в книге Л.Ф.Чертова «Знаковость» (1993).

Упрощая проблему, мы будем рассматривать понятие знак в общем смысле как родовое по отношению к индексам, символам и собственно знакам.

Знак, по Ф. де Соссюру (1977) — «двусторонняя психическая сущность», включающая в себя означающее и означаемое, связанные между собой подобно двум сторонам листа. Соссюр рассматривал языковые знаки, относя к означающему прежде всего «акустический образ», а к означаемому — понятие, к которому данный акустический образ отсылает.

Исходя из положения о произвольности (конвенциональности) знака, Соссюр показал, что значение, содержание знака определяет-

ся не столько связью означающего и означаемого, «акустического образа» и «понятия» и, тем более, не соотношением слова с предметом, а, прежде всего, связью означающего с другими означаемыми: «...для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием ... его надо, кроме того, сравнить с подобными ему значимостями, то есть, с другими словами, которые можно ему противопоставить» (*Соссюр*, 1977. С. 148), — значение слова «любовь» определимо через соотношен-

ность со словами «чувство», «дружба», «ненависть», «привычка» и многими другими. Соссюр отмечал, что «...мы ...находим вместо заранее данных понятий значимости, вытекающие из самой системы языка. Говоря, что они соответствуют понятиям, следует подразумевать, что они в этом случае чисто дифференциальны, то есть определяются не положительно — своим содержанием, но отрицательно — своим отношением к прочим членам системы. Их наиболее точная характеристика сводится к следующему: быть тем, чем не являются другие» (*Соссюр*, 1977. С.149). Как подчеркивал Ж.Лакан, в этом заключается специфика человеческого языка, ибо способ передачи информации (сигналы) животных «отличает ... от языка как раз жесткая корреляция его знаков с той реальностью, которую они обозначают» (*Лакан*, 1995. С.67). Когда пчелы передают посредством танца весьма сложные сообщения, то движения соотносятся с элементами ландшафта, наклоном солнечного луча и степенью утомления, но не с другими движениями.

В представлении о структуре знака, существующем в семиотике Ч.Пирса и Ч.Морриса, выделяются три компонента — сам знак, реакция субъекта на знак — «интерпретанта» и класс возможных объектов, к которым может быть отнесен данный знак. Пирс и Моррис понимают знак более широко, чем Соссюр, и в качестве знака рассматривают не только слова естественного языка, но и объекты, функционирующие как знак, означающие нечто — например, дорожные знаки, математические символы и пр. В их понимании, кроме того, подчеркивается включенность знака не только во внешнюю материальную реальность — как акустический образ, и в реальность социально-исторической ситуации — как содержание понятия, но и во внутреннюю реальность адресанта, того, кто реагирует на знак, для кого он как знак существует. При таком понимании в структуру знака обязательно должна входить реакция субъекта, принимающего знак. «Процесс, в котором нечто функционирует как знак, можно назвать семиозисом. Этот процесс в традиции, восходящей к грекам, обычно рассматривается как включающий три (или четыре) фактора: то, что выступает как знак; то, на что указывает знак; воздействие, в

знаком. Эти три компонента семиозиса могут быть названы соответственно *знаковым средством* (или *закононосителем*), *десигнатом* и *интерпретантой*, а в качестве четвертого фактора может быть введен *интерпретатор*» (Моррис, 1983. С.39), т.е. сам субъект.

Широкое распространение, особенно в психологических работах, имеет модель Г. Фреге (1977, 1997), включающая в себя также три компонента: значение имени, смысл и знак, материальный носитель. «Собственное имя (слово, знак, сочетание знаков, выражение) выражает свой смысл и означает, или обозначает, свое значение» (Фреге, 1997. С.30). В данной модели значение можно рассматривать как близкий эквивалент десигната, а смысл — интерпретанты. По красивой формулировке Н.Л.Мусхелишвили и Ю.А.Шрейдера, «смысл — это информация, которую знак несет о своем денотате» (Мусхелишвили, Шрейдер, 1997.С. 80). Значение не совпадает со смыслом знака. Например, имена «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда» обладают одним значением, отсылают к одному объекту, но имеют различный смысл, несут разную информацию о планете Венера. Смысл близок к понятию интерпретанты, хотя и не столь явно указывает на вызываемую реакцию субъекта. В системе субъект-объектных отношений место смысла представляется Фреге посередине между этими двумя полюсами: оставаясь идеальным явлением по отношению к денотату, смысл вместе с тем выступает как нечто объективное по отношению к субъективным образным представлениям или эмоциям отдельных индивидов. Три составных части имеет и модель Ч.Огдена—А.Ричардса, включающая в себя отношения знака, его содержания (значения) и его предметной отнесенности (денотата, денотативного значения). Однако семиотический треугольник Огдена—Ричардса, как отмечает В.Ф.Петренко, имеет определенные ограничения, он «объясняет структуру только таких знаков, значение которых задается через остенсиональные определения, т.е. через указания на объекты, входящие в объем понятия» (Петренко, 1997. С. 19). Модель Огдена-Ричардса на самом деле имеет ограничения, отмеченные в свое время Соссюром. Ни одно значение слов человеческого языка не может быть определено через простое соотнесение с объектом, так как любой объект может служить иллюстрацией множества понятий — указывая на карандаш, мы можем определять его как «карандаш», «дерево», «красный», «принадлежащий Васе», «сломаный» и пр. Таким образом денотат, объем понятия, задается через сумму множества объектов (материальных или идеальных), как «псевдопонятия» по Выготскому, а не через связь с другими понятиями, как научные понятия. Денотат в модели Огдена—Ричардса имеет отношение в основном к онтогенезу знака, а не к его функционированию на более зрелом уровне.

Сравнивая различные подходы к анализу структуры знака, можно сказать, что при наиболее общем понимании в структуре знака принято выделять три компонента, связывающих знак: 1) с объективной реальностью и ее отражением в значениях (культурно-историческом, социальном наполнении знака); 2) с субъективной реакцией на знак, его смыслом, и 3) с объективацией этого значения в знаке. Именно трехплановость, соединение различных типов реальности есть важнейший критерий знака. Двухплановость соссюрдовской модели некоторые исследователи (Н.Г.Салмина и др.) предлагают считать лишь частным случаем трехкомпонентной модели (Салмина, 1988. С.29).

Для данной работы необходимо отметить, что в структуре знака можно выделить составляющие (компоненты), обладающие границами разной степени четкости, определенности. Так, в соссюрдовской модели означающее — «акустический образ» — имеет более строгую дифференциацию по отношению к другим означающим, чем означаемое — понятие. Например, акустические образы названий цветов «малиновый» и «вишневый» более дифференцированы, чем соответствующие определения оттенков красного цвета.

В трехкомпонентной модели знака сами знаки (знаконосители) четко отграничены друг от друга, обладают дискретной природой. Разница соответствующих значений определяется общественным опытом и конвенцией, и, хотя здесь могут существовать более размытые границы, относительная определенность разграничения понятий определяет эффективность использования знака, эффективность коммуникации. А разница между отдельными смыслами или реакциями субъекта (интерпретантами в терминологии Пирса-Морриса) может быть гораздо более смутной, не очень четкой и слабо осознаваемой.

Такая разница в дифференцированности отдельных компонентов определяет внутреннюю подвижность, динамизм знака и закладывает возможности его развития. По мнению занимавшихся данной проблемой авторов, структура знака представляет собой многоуровневое разномодальное образование, связь отдельных компонентов которого между собой не жестко закреплена.

Общественно-исторический опыт употребления знака (слова) приводит к изменению его предметного содержания, объема его понятия, что сказывается и на изменении содержания понятия. Относительная однозначность и конвенциональная определенность слова подрываются условностью связи со слабо дифференцированным означаемым.

Кроме того, слово, как материальная форма может выступать не только как знак, но и как символ, допускающий гораздо большее число толкований, обладающий принципиальным отсутствием един-

ственно правильного значения. Неисчерпаемость содержания символа при возможной элементарной внешней форме становится, как указывает В.П.Зинченко, его ведущей характеристикой. «По сравнению со знаком и даже со словом символ вообще допускает множество интерпретаций. Его внешняя видимая форма может быть крайне элементарной, а внутренняя — бесконечной» (Зинченко, 1996. С. 18). На характеристике символа как форме связи означающего и означаемого необходимо остановиться подробнее.

1.2.4. ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СИМВОЛА

Термин «символ» относится к числу чрезвычайно распространенных и его содержание имеет различные оттенки в зависимости от того, в какой области знаний он используется. Так, в культурологии символ определяется через особенности его содержания, а в семиотике — через особенности его строения. Однако эти определения связаны между собой, и содержательные особенности символа в культурологическом смысле связаны с его семиотической структурой.

Символ, как и знак, — многозначное понятие. Иногда оно отождествляется с понятием «знак», например Ч.Пирсом (1983), а иногда различается, дифференцируется, как например Ф. де Соссюром (1977) и Ж.Пиаже (1986). Так как нам нужно выделить своеобразие данной формы репрезентации означаемого, то мы будем использовать термин «символ» в последнем понимании, восходящем к Гегелю, который считал существенным учитывать различие между знаком и символом: «Знак отличен от символа: последний есть некое созерцание, собственная определенность которого по своей сущности и понятию являются более или менее тем самым содержанием, которое он как символ выражает; напротив, когда речь идет о знаке как таковом, то собственное содержание созерцания и то, знаком чего оно является, не имеют между собой ничего общего» (Гегель, Т.3. С.294-295).

Ф. де Соссюр, говоря о средствах репрезентации, различает знаки, символы и индексы по степени свободы, по степени обусловленности особенностями означаемого. Ж.Пиаже, опираясь на терминологию Соссюра, дает следующие определения (Пиаже, 1986. С.262).

Индексы — это означающие, не дифференцированные от своих означаемых, поскольку являются частью последних или их следствием. Например, след зверя на снегу является индексом того, что зверь здесь был. Голос матери, доносящийся из соседней комнаты, означает для младенца присутствие самой матери.

Символы — это означающие, дифференцированные от своих означаемых, но сохраняющие определенное сходство с ними. Например, изображение яблока может быть символом магазина «Овощи — фрукты», но, скорее всего, не хлебного. Символ многозначен — то же яблоко может символизировать сюжет о грехопадении и связываться с понятием плотской любви, запретного действия и пр. Символ может иметь форму изображения, звука, движения, слова, — прежде всего в поэтическом, художественном тексте, в обряде, ритуале.

Знаки — это означающие, в значительно большей степени дифференцированные от означаемых, не сохраняющие при этом с ними никакого сходства, имеющие условный, конвенциональный (договорной) характер. Например, написание и произнесение слова «корова» не имеет ничего общего с реальным рогатым животным. Цветок на окне, по договору (конвенции) между Штирлицем и его резидентом, обозначает провал явки и ничего кроме. Никакой многозначности не предполагалось и, кроме того, данным значением цветок на окне обладает только в рамках договора, в качестве элемента преднамеренной коммуникации.

Реальное слово в его звуковой или графической оболочке может выступать не только как знак, но и как индекс. Например, написание собственной фамилии — роспись — является индексом, указывающим на факт начертания данного слова владельцем фамилии; она может быть рассмотрена как аналог следа зверя на снегу. Слово может выступать как символ — например, начертание имени Иисуса несет в себе для верующих сакральный смысл.

В контексте данной работы особый интерес представляет символ, как обладающий максимально размытыми, неопределенными по сравнению с индексом и знаком, границами и максимальными потенциальными возможностями наращивать содержание. Как отмечает Р.Якобсон, индексы и знаки могут быть противопоставлены символу по типу связи с означаемым. В случае индексов и знаков это отношение смежности (метонимии), реальной или конвенциональной, а в случае символов — сходства (метафоры) (Якобсон, 1996. С.38) «Индексное отношение между означающим и означаемым зиждется на их фактической, существующей в действительности смежности... Иконические отношения (в терминологии Соссюра — символ. — Е.У.) между означаемым и означающим — это, словами Пирса, простая общность по некоторому свойству, т.е. относительное сходство ощущается тем, кто интерпретирует знак» (Якобсон, 1996. С.38). Метонимичность знака основана на его конвенциональной природе; определяя нечто как мебель или как яблоко, мы определяем это как принадлежность некоторой абстрактной общности. А метафора всегда апеллирует к субъективному опыту, чувству, и определяемое ею род-

ство не имеет замкнутой границы, может быть всегда новым, неожиданным: «Дерево, похожее на взрыв».

Имеет смысл вспомнить слова Ж.Лакана о связи метафоры с вопросом о бытии и метонимии — с отсутствием бытия. Согласно его рассуждениям, симптом есть — буквально — метафора, а желание человека — метонимия, т.е. смещение желания по отношению к базовой потребности, существующей только в реальном. В этом смысле конкретное желание — это лишь неравнозначное замещение, отказ от целого (возврата в единство с телом матери) ради части — любви, яблока, сухих пеленок.

Симптом — выраженность означающего с помощью заимствованного означающего. Эффект метафоры возникает при замене одного означающего на другое, когда бывшее означающее само становится означаемым. «Двойной спусковой механизм метафоры и есть тот самый механизм, с помощью которого получает определенность симптом (в аналитическом смысле). Между загадочным означающим сексуальной травмы и термином, замененным им в реальной цепочке означающих, пробегает искра, фиксирующая в симптоме — а он представляет собой метафору, включающую плоть или функцию означающего элемента, — значение, недоступное для сознания субъекта, в котором симптом этот может быть снят» (Лакан, 1996Д С.46).

Понимать желание как метонимию можно, если учитывать, что желание человека, как отмечает Лакан, является лишь замещением глубинной, первичной потребности вернуться в лоно матери, слиться с миром, более частными желаниями пищи, любви и внимания матери. Все загадки желания, все его неистовства «объясняются одним-единственным нарушением в работе инстинкта — его установкой на вечно простирающиеся к “желанию другого” рельсы метонимии» (Лакан, 1996Д С.46), — готовностью заместить собственную потребность предложенным «Другим образом», словом и пр.

По словам Лакана, в метонимической структуре связь одного означающего с другим делает возможным пропуск, с помощью которого означающее вводит недостаток бытия в объектное отношение, пользуясь присущим значению свойством обратной референции, чтобы вложить в него желание, направленное на тот самый недостаток, которому это значение служит основанием. Сохраняется «несводимость означающего к означаемому». В метонимии означаемое становится означающим, и «завораживающий образ-фетиш застывает подобно статуе», скрывая от самого субъекта (оригинал) истинную потребность.

Симптом — это символ, метафора, нечто, содержащее в себе сходство с означаемым по значимому, но скрытому от сознания признаку. Метонимия, желание — указывает на реальную смежность

с потребностью, а словесная выраженность — знаковое опосредование — на конвенциональную (с потребностью или потребностями, принятыми в культуре). Таким образом движение осуществляется от реальной смежности, навязанной желанием другого, к конвенциональной, знаковой. И в одном, и в другом случае мы имеем однозначность, которая преодолевается неоднозначностью символизма симптома, метафорическая природа которого допускает диалогический контакт, дает возможность дальнейшего развития, позволяет выйти за пределы реальной смежности, преодолеть реальную смежность. В символе и симптоме происходит изменение статуса структурных составляющих знака, что невозможно для уровня индекса и знака.

Символ, занимая промежуточное положение, обладает качествами и индекса и знака. Символ произволен и, по сравнению с индексом, в большей степени «искусственен». В то же время его содержание не исчерпывается определенным договором, сам символ, его образная форма несут в себе собственный смысл. Как отмечает Л.Ф.Чертов, в современной семиотической литературе символ нередко рассматривается как синтез, в котором уравниваются иконический (индексальный) и конвенциональный способы выражения смысла (Чертов, 1993. С.116).

Срединный, промежуточный, переходный характер символа определяет и его место в индивидуальном и историческом развитии. Символ в фило- и онтогенезе появляется раньше, чем знак. «Фактически знак появился тогда, когда из группы объектов для задач передачи сообщений, планирования деятельности и т.д. уже выделился и закрепился в истории всеобщий эквивалент данного класса объектов — его символ» (Глотова, 1990. С.77). Ребенок в своем развитии проходит символическую стадию до того, как овладеет знаковой, но уже минует стадию сенсомоторного интеллекта (по Пиаже), стадию мышления в синкретах (по Выготскому). В определенный период, 4—5 лет, он использует слова, знаки как символы, что отмечали и Л.С.Выготский (1982. Т.2), и Ж.Пиаже (1994), и другие исследователи. На символической стадии развития интеллекта или стадии мышления в комплексах слова, используемые ребенком, еще не имеют четкого, оформленного сигнификата (понятия) и выполняют главным образом номинативную функцию, именуя мир. Слово в таком случае «является не средством образования и носителем понятия, а выступает в качестве фамильного имени для объединенных по известному фактическому родству групп конкретных предметов» (Выготский., 1982. Т.2. С. 161).

Эта последовательность определяется разным уровнем возможностей обобщения знака и символа, и, соответственно, способностей

к обобщению, которыми располагает индивид и общество. Символ соотносится с символизируемым классом как бы по горизонтали, объединяющей объекты одного уровня общности, так как символ — реальный объект, входящий в данный класс. Например, яблоко, символизирующее продающиеся в магазине фрукты, является изображением такого же фрукта. Знак же связан с означаемым как бы по вертикали: он выступает элементом не класса, а системы классов (Глотова, 1990. С.77). Именно горизонтальные связи символа с означаемым и делают его особенно подходящим средством выражения мифологического содержания, позволяя соединять общее и частное (имя и понятие) в одной форме.

Структурные особенности семиотического строения символа определяют и связь символа с древними, архаическими пластами нашей психики. «В символе всегда есть что-то архаическое... Стержневая группа их... имеет глубоко архаическую природу и восходит к дописьменной эпохе, когда определенные (и, как правило, элементарные в начертательном отношении) знаки представляли собой свернутые мнемонические программы текстов и сюжетов, хранившихся в устной памяти коллектива» (Лотман, 1996. С. 147). Символ может вызывать сходные чувства, переживания у людей, живущих в различные эпохи, и делать понятным современному человеку смысл символических форм, принадлежащих далекому прошлому. «Для символизирующего сознания еще не утрачена связь с мифологическим или магическим способом мыслить значения нераздельно с выражающей их внешней формой» (Чертов, 1993. С.89).

Символ может быть охарактеризован как синтез образности и знаковости, формы и ее значения. А.А.Потебня рассматривал символику народной поэзии в качестве промежуточной стадии развития языка и мышления, ставя ее связующим звеном в процессе эволюции, в которой мифологическое отождествление образа с самим явлением сменяется осознанным разделением поэтического символа и его значения, пока не приводит к почти полной утрате говорящим осознания связи между значением и формой выражения. «Слово только потому есть орган мысли и непремненное условие всего позднейшего развития понимания мира и себя — указывал А.А.Потебня, — что первоначально есть символ, идеал и имеет все свойства художественного произведения. Но слово с течением времени должно потерять эти свойства...» (1993. С. 142), и приобрести определенность знака для точной и экономной передачи информации.

В работах С.С.Аверинцева анализируются прежде всего культурологические особенности символа. В качестве специфической формы отражения символ рассматривается прежде всего в промежуточной, пограничной позиции — как образ, взятый в аспекте своей

знаковости, и как знак, наделенный всей органичностью и неисчерпаемостью образа. «Предметный образ и глубинный смысл выступают в структуре символа как два полюса, немислимые один без другого... но и разведенные между собой и порождающие между собой напряжение, в котором и состоит сущность символа» (Аверинцев, 1971. С.826). Структура символа позволяет погрузить каждое частное явление в стихию «первоначал» бытия и воссоздать через символ целостный, разномодальный образ мира. Такой «компактностью» смысла символ родственен мифу. Символ, подчеркивает С.С.Аверинцев, и есть миф, снятый (в гегелевском смысле) культурным развитием. Не обладая однозначной определенностью знака, символ обладает большей емкостью, его реальное содержание может быть неисчерпаемым, порождаясь активностью воспринимающего: «Если для чисто утилитарной знаковой системы многозначность есть лишь помеха, вредящая рациональному функционированию знака, то символ тем содержательнее, чем более он многозначен. Сама структура символа направлена на то, чтобы дать через каждое частное явление целостный образ мира. Смысловая структура многослойна и рассчитана на активную внутреннюю работу воспринимающего... Истолкование символа есть диалогическая форма знания: смысл символа реально существует только внутри человеческого общения» (*Философский энциклопедический словарь*, 1983. С.607). Диалогический характер символа делает его особенно пригодным для целей коммуникации на уровне культуры и личности, позволяя передавать то содержание, к восприятию которого субъект расположен, и оставляя возможность увидеть в нем нечто новое, вернуться к нему позднее, когда к этому уже существуют предпосылки.

Указание на диалогический характер символа может служить отсылкой к работам М.М.Бахтина, который говорил о диалогической природе слова, высказывания, текста, рассмотренных именно со стороны своей символической природы, позволяющей выходить за рамки однозначных определений. Однозначность, строгая определенность значения (содержания) знакового уровня, предполагающая минимальную субъективность истолкования, присуща, скорее, монологическому слову, в то время как диалог предполагает потенциальную незавершенность, многозначность символа. Примером общения на чисто знаковом уровне могут быть, например, команды (знаки) регулировщика уличного движения, рассчитанные на однозначное, точное понимание, но не предполагающие внесение водителями дополнительных смысловых изменений. В то время как стихи, так же рассчитанные на понимание другим человеком, требуют от воспринимающего собственного вклада, дополнения собственным личностным смыслом.

Перевод символа на знаковый уровень, рационализация его содержания разрушает заложенную в нем информацию. «Смысл символа объективно осуществляет себя не как наличность, но как динамическая тенденция: он не дан, а задан. Этот смысл... нельзя разъяснить, сведя к однозначной логической формуле, а можно лишь пояснить, соотнося его с дальнейшими символическими сцеплениями. ...Бесконечная смысловая перспектива символа закрывается при таком подходе...» (Аверинцев, 1971. С.828). Попытка однозначного понимания стиха является бессмысленной, разрушает его.

Диалогизм символа оказывается действенным и на внутриличностном уровне, где он функционирует по тем же законам. Символ в гораздо большей степени, чем знак, связан с эмоционально-аффективной сферой, а значит его подлинное содержание не всегда осознается, что позволяет выражать это содержание «контрабандой» и делает его удобным средством связи бессознательного с сознанием. Неадекватность выражения аффективного бессознательного в знаковой форме можно назвать аксиомой в практике терапевтической работы. Сколь угодно изошренная рационализация и самые точные интерпретации, данные аналитиком, не приводят к изменениям на внутриличностном плане, так как не могут, в силу разницы форм выражения, совпадать с реальным содержанием, выражаемым в симптоме. Требуется аффективное, эмоциональное «проживание» и выражение вытесняемых чувств и мыслей на адекватном для них языке. Это необходимо, чтобы соединение со словами, выражение на знаковом уровне могло внести изменения.

Переходная, промежуточная природа символа позволяет видеть некоторым лингвистам в символе источник развития языковых значений.

Эдуард Сепир (1993), занимавшийся, в частности и вопросами бессознательного, проявляющегося в функционировании языка, отмечает, что символ всегда выступает как заместитель некоторого более тесно посредничающего типа поведения. Отсюда следует, что всякая символика предполагает существование значений, которые не могут быть непосредственно выведены из контекста. Действительная значимость символа непропорционально больше, чем на первый взгляд тривиальное значение, выражаемое его формой.

Сепир предлагает различать два типа символов — референциальные: речь, письмо, национальные флаги и другие системы, которые принято использовать в качестве экономного средства обозначения (то, что у Соссюра квалифицируется как знак), и конденсационные — сжатая форма заместительного поведения для прямого выражения чего-либо, которая позволяет полностью снять эмоциональное напряжение в сознательной или бессознательной форме (например,

бессмысленный ритуал омовения у больного, страдающего неврозом навязчивости).

Референциальные символы родились позднее, чем конденсационные, но имеют общее происхождение. «Вероятно, большая часть референциальной символики восходит к бессознательно вызываемому символизму, насыщенному эмоциональным качеством, который постепенно приобрел чисто референциальный характер по мере того, как связанная с ним эмоция исчезала из данного типа поведения. ...Когда происходит утрата эмоциональности, символ становится сообщением о гневе как таковом и подготовительной ступенью к чему-то вроде языка» (*Cenup*, 1993. С.205—206). Дальнейшее развитие референциального символизма связано с совершенствованием формальных механизмов сознания, а конденсационный все глубже пускает корни в сферу бессознательного.

Вместе с тем существуют случаи, когда два теоретически разных типа символизма сливаются воедино, когда символическое выражение на первый взгляд носит чисто референциальный характер, а в действительности связано с массой подавленных эмоций, чрезвычайно важных для «Я». Например, подчеркнутая аккуратность, пунктуальность выглядят вполне рациональным действием, однако могут иметь для субъекта смысл, связанный с анальной фиксацией, и выражать удовольствие от контроля над миром. «Фактически вся культура, равно как и поведение индивида, тяжело нагружены символизмом» (*Там же*. С.207). Что и наделяет ее силой и позволяет быть реальным рычагом управления. Индивидуальные и культурные символы являются подлинными двигателями нашего поведения, действуя на скрытые от сознания потребности и позволяя удовлетворять их приемлемым для всех способом, не разрушая, а созидая культуру. «...Индивид и общество, в бесконечном взаимном обмене символическими жестами, строят пирамидальную структуру, называемую цивилизацией» (*Там же*. С.208).

Рассуждения Сепира можно считать указанием на подвижность границ между знаками и символами в терминологии Соссюра и заложенных в этой подвижности креативных, созидательных возможностях. Символ имеет как бы двойную природу и существует в двух планах — как многозначный эмоционально насыщенный образ и как вполне определенный знак. Эта двойная природа символа определяет и специфику его функционирования в качестве средства передачи информации. Использование тропов, символов позволяет обогащать изначальное содержание, первичную информацию новыми смыслами и создавать новое содержание. Представляет интерес вопрос о том, как на уровне культуры обеспечивается сохранение первоначальных смысловых систем, существующих в континуальной системе

кодирования, при переводе на дискретный язык описания. Обсуждение этого вопроса представлено в 4 параграфе.

1.2.6. СТРУКТУРА ИНДИВИДУАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Сознание, как отмечают разрабатывающие данную проблему психологи и философы, — это сложное многомерное и динамичное образование. В истории философии и психологии существовали и существуют различные подходы к выделению структурных компонентов сознания по разным основаниям. В данной работе мы остановимся на одном из них, получившем наибольшее распространение в отечественной психологии и представляющем интерес в контексте рассматриваемой проблемы.

Важнейший вклад в разработку модели структуры сознания в отечественной психологии принадлежит А.Н.Леонтьеву, развивавшему основные положения культурно-исторической психологии относительно природы и строения сознания. Строение сознания, согласно концепции А.Н.Леонтьева, закономерно связано со строением деятельности человека, в которой оно и формируется. Усложнение характера деятельности требует разведения в психическом отражении целей и средств их достижения, целей и операций. Что требует наличия внутренних условий, при которых цели и операции занимали бы разное место в системе отражения. Необходима сложная структура отражения, сложная структура сознания. То, что непосредственно воспринимается, должно одновременно связываться с образом «потребностного будущего», восприниматься не только как то, что есть, но и как то, чем оно должно стать в результате определенных действий — то есть наделяться значением. Кроме того, по мере развития общественных отношений происходит и дифференциация индивидов; отдельный индивид начинает выделять себя из коллектива, результатом чего становится различие целей деятельности, ее смыслов, которые перестают совпадать с общественным значением деятельности.

А.Н.Леонтьев (1983. Т. 2) выделил в структуре сознания три образующих: чувственную ткань образа, значение и смысл.

Чувственная ткань сознания — наиболее глубокое и субъективно очевидное образование, это то, что прежде всего обнаруживается в явлениях сознания. Чувственная ткань представлена в конкретных образах реальности и может иметь различную модальность, разную степень ясности и устойчивости. С чувственной тканью мы сталкиваемся, когда вспоминаем вкус клубники: мы можем ясно отличить его от вкуса малины, но будем испытывать сильное затруднение, пытаясь выразить отличие в словах.

Чувственная ткань образа позволяет человеку разделять внутренний и внешний мир. «Особая функция чувственных образов состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту. ...Именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а вне сознания — как объективное “поле” и объект его деятельности» (Леонтьев А.Н., 1983. Т.2. С.172). Чувственное содержание сознания создает безотчетное переживание чувства «реальности». Природа чувственных образов состоит в их предметности, в том, что они порождаются в процессах деятельности, практически связывающей субъекта с внешним предметным миром. Реальное действие, соединяющее человека с миром, порождает прежде всего, еще до всяческого означивания, непосредственное переживание мышечного усилия, специфика которого, закрепляясь, и порождает внутренний образ сознания.

Особенность чувственной ткани как составляющей сознание заключается в возможности для человека дифференцировать восприятие реального мира и свое внутреннее феноменальное поле, что, как указывает Леонтьев, особенно наглядно проявляется в экспериментах по адаптации к инвертированному зрению.

Чувственная ткань еще не имеет выраженности в языке, она основана в первую очередь на непосредственном практическом опыте и становится началом дальнейшего познания: «чувственные впечатления служат лишь толчком, приводящим в действие наши познавательные способности» (Леонтьев А.Н., 1983. Т.2. С.175).

Аналогом чувственной ткани в структуре знака может быть само знаковое средство как материальный объект — акустический образ, графическое изображение или другой «знаконоситель». Но так же как и любой реальный объект может существовать как знак только в связи с другими составляющими в процессе семиозиса (означивания), так и чувственная ткань (непосредственные ощущения) может стать составляющей сознания только при предметной отнесенности, основанной на связи с деятельностью, а значит в связи с другими составляющими.

В значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой. В значении отражается результат общественного опыта познания действительности, то, что может быть общим для всех представителей данной культуры, данной группы. «В значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, свя-

зей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой» (Леонтьев А. Н., 1983. Т.2. С. 176).

Значения существуют прежде всего в языке, который является их носителем, но не создателем. Для А.Н.Леонтьева было важно подчеркнуть, что значения определяются общественной деятельностью, а не связью с другими словами, что делает их объективность относительной.

Выделяя значение как одну из образующих сознания, А.Н.Леонтьев развивает и дополняет мысль Л.С.Выготского о значении слова, как принадлежащего одновременно к двум различным областям — речевым и интеллектуальным феноменам. «Значение слова есть феномен мышления в той мере, в какой мысль связана со словом и воплощена в слове, и обратно: оно есть феномен речи лишь в той мере, в какой речь связана с мыслью и освещена ее светом. Оно есть феномен словесной мысли или осмысленного слова, оно есть единство слова и мысли» (Выготский, 1982. Т.2. С.297). Система значений позволяет интегрировать общественно-исторический опыт и процесс индивидуального психического отражения, создавая возможности для контакта, для совместной деятельности. «Люди общаются друг с другом только в меру развития значений», отмечал Л.С.Выготский (1982. Т.1. С. 167).

Значения устанавливают связь человека с миром общественных отношений и позволяют интегрировать общественно-исторический опыт в систему индивидуального, выходя за рамки актуального времени, за рамки непосредственного восприятия.

Значения выступают перед человеком в двойной функции — «в качестве объектов его сознания и, вместе с тем, в качестве способов и “механизма” осознания, т.е. функционируя в процессах, презентующих объективную действительность» (Леонтьев А.Н., 1983. Т.2. С. 179). Т.е. нечто может стать фактом осознания только при связи со значением, в процессе означивания. Язык, система значений создают в структуре психики как бы дополнительную плоскость отражения, которая за счет обобщения, «огрубления» создает эффект отстранения, отчуждения от собственных непосредственных впечатлений, позволяя делать их предметом наблюдения и анализа.

Если обращаться к аналогии со структурой знака, в котором значение существует как один из компонентов, то это именно та составляющая, которая отсылает к некоторому предмету, определяет круг предметов и явлений, на которые указывает знак, — т.е. устанавливает связь знака с объективной реальностью, с окружающим миром.

Личностный смысл, как составляющая сознания, в наибольшей степени связан с пристрастностью сознания, его субъективным характером. Он отражает наиболее глубинное, интимное содержание

психики и в нем в наибольшей степени выражены реальные потребности человека.

Личностный смысл может быть в разной степени близким общественному значению, но никогда ни сливается с ним полностью. В отличие от значения личностный смысл, как и чувственная ткань сознания, не имеет своего «надындивидуального», внесубъектного существования и собственного средства выражения. «Индивид не имеет собственного языка, вырабатываемых им самим значений; осознание им явлений действительности может происходить только посредством усваиваемых им извне “готовых” значений — знаний, понятий, взглядов, которые он получает в общении, в тех или иных формах индивидуальной или массовой коммуникации» (*Леонтьев А.Н.*, 1983. Т.2. С. 184). Получив значения готовыми, субъект их приспособливает к себе, обживает, что неизбежно требует поправок, добавлений, уточнений.

А.Н.Леонтьев обращал внимание на возникающие противоречия между значением и личностным смыслом, которые создают внутриличностное напряжение: «Не исчезает, да и не может исчезнуть, постоянно воспроизводящее себя несовпадение личностных смыслов, несущих в себе интенциональность, пристрастность сознания и “равнодушных” к нему значений, посредством которых они только и могут себя выразить. Потому-то внутреннее движение развитой системы индивидуального сознания и полно драматизма. Он создается смыслами, которые не могут “выразить себя” в адекватных значениях; значениями, лишенными жизненной почвы и потому иногда мучительно дискредитирующими себя в сознании субъекта; они создаются, наконец, существованием конфликтующих между собой мотивов — целей» (*Леонтьев А.Н.*, 1983. Т.2. С. 185). При резком расхождении смыслов с общественными значениями возникает противоречие между реальным содержанием внутреннего мира и внешне осознаваемым, «только знаемым» субъектом.

Проблема внутреннего противоречия смысла и значения, субъективного и общественного опыта привлекала внимание многих психологов и философов. Большое внимание изучению общественной природы языка, формирующего индивидуальное сознание, уделяется в психоанализе. Несовпадение общественного языка и выражаемого личностного смысла рассматривалось Ж.Лаканом (1995) как репрессия реального субъекта, дискурсом, рассогласование содержания уровня реального и символических структур, предлагаемых обществом для его означивания и выражения. На уровне индивида человек (субъект) сам переживает непреодолимое рассогласование дискурса и желания, что определяет сложности в «отношениях речи и языка внутри субъекта». Сложности определяются тем, что «язык — это го-

товый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности... Наоборот, речь есть индивидуальный акт» (*Соссюр*, 1977. С.52) и ребенок вынужден преодолевать разрыв между всеобщим и индивидуальным, трансформируя индивидуальное, подгоняя его под всеобщие формы: «...парадокс отношения языка к речи — это парадокс субъекта, теряющего свой смысл в объективациях дискурса» (*Лакан*, 1995. С.51).

У М.М.Бахтина аналогом этой проблемы можно считать проблему принципиального несовпадения недискретного, бытийного языка внутреннего слоя сознания и естественного, знакового языка внешнего слоя. Первый в наиболее органичной форме находит выражение в архаичных, полимодальных формах мифа, ритуала, карнавала. Второй — в словесном тексте.

Результатом несовпадения является многомерность формируемого образа мира, включающего в себя, в пределе, образ, построенный на непосредственном сознании мира, и образ, не включенный в непосредственное восприятие мира, а полностью рефлексивный, отделенный от нашего действия в мире (*Леонтьев А.А.*, 1997. С. 169).

Составляющие (отдельные элементы) смысловой системы могут различаться по степени осознанности. Смыслы выступают в сознании человека в виде непосредственных переживаний, далеко не всегда отражающих реальные ценностные и мотивационные образования, лежащие в их основе. «То, что мы называем внутренними переживаниями, суть явления, возникающие на поверхности системы сознания, в форме которых сознание выступает в своей непосредственности» (*Леонтьев А.Н.*, 1983. Т.2. С.185). Они не несут полной информации о своем действительном содержании, но сигнализируют о личностном смысле событий. То, что стоит за ними, еще нуждается в понимании, требует специальной рефлексивной работы.

Однако существующее резкое противопоставление личностного смысла значению по параметрам общее—уникальное и общественно-значимое—индивидуально-значимое не является абсолютным, как это показано в работе Д.А.Леонтьева (1996). Относительность противопоставления определяется тем фактом, что личностный смысл, в отличие от биологического, социален по происхождению, т.е. имеет такую же общественную природу, как и значение. Деятельностная трактовка значения и смысла, отмечает автор, несовместима с их противопоставлением друг другу в виде полярной оппозиции (*Леонтьев Д.А.*, 1996. С.21). Автор предлагает собственную функциональную трактовку значения и смысла, согласно которой значение понимается как системное качество, приобретаемое смыслом слова или высказывания (или компонентом этого смысла) в условиях единства словообразующего контекста (*Леонтьев Д.А.*,

1996. С.24). При такой трактовке «ни значение, ни смысл не являются жестко фиксированными в своих границах. Вопрос о разведении значения и смысла слова или высказывания можно ставить лишь применительно к конкретной ситуации коммуникации. Смыслообразующим фактором при этом будет деятельность социальной общности как совокупного субъекта» (*Там же*). Значение более объективно, чем смысл лишь в силу того, что аккумулирует опыт не индивида, а общий опыт группы, отражая общность смысла некоторого явления. В то же время личностный смысл нельзя считать число индивидуальным образованием, «поскольку не является чисто индивидуальной порождающей его деятельностью... В отличие от биологического смысла, личностный смысл соотносится не с индивидуальной жизнедеятельностью, а с индивидуальным освоением социальных форм жизнедеятельности» (*Леонтьев Д.А., 1999. С.377*). Смысл и его эмоционально-аффективные составляющие первичны в фило- и онтогенезе. И именно на основе общности смыслов для группы индивидов формируется в дальнейшем общественное значение, отражающее его роль в общественной практике. Этот процесс осуществляется постоянно, обеспечивая обновление и развитие общего опыта.

Анализ разработанной А.Н.Леонтьевым структуры показывает, что так же как и в структуре знака, в структуре сознания существует принципиальная возможность внутренней динамики: то, что существовало как значение, может обрести личностный смысл для индивида. Процессы изменения как развитие и деградация проявляются в развитии деятельности в виде механизма сдвига мотива на цель, описанного А.Н.Леонтьевым и анализируемого в работах Б.С.Братуся и Б.В.Зейгарник.

Предложенная А.Н.Леонтьевым структура сознания получила дальнейшее развитие в работах отечественных психологов. К исходному треугольнику достраивались дополнительные углы и стороны.

Так, Г.А.Глотова (1990), опираясь на работы А.Н.Леонтьева об образе мира и С.Д.Смирнова о психологии образа, рассматривает процесс построения образа мира как процесс распрямления знаковых образований. Субъективный образ мира представляет собой многоуровневую, иерархически организованную систему. Исходным является представленность мира в механизмах базальных форм жизнедеятельности. Следующим — двигательный образ мира, где мир отражен в форме мышечных усилий, необходимых для преодоления препятствий. Третий — адаптационно-защитный (эмоциональный) образ мира. Над этими взаимосвязанными уровнями, где мир отражен в формах реальной жизнедеятельности, располагается аналитический образ мира, который также является специфическим и мо-

жет иметь как подуровень целостного безмодального образа, опирающегося на двигательный анализатор и мозговые центры, связанные с эмоциями, так и подуровень модальных образов (вкусовой образ мира, обонятельный, слуховой и т.д.). Наконец, у человека существует еще один, четвертый образ мира — собственно знаковый, орудийный, в котором мир представлен в орудиях труда, в формулах математики, химии, в текстах литературных произведений и т.д. (*Глотова*, 1990. С.34—35).

Ф.Е.Василюк (1993) предлагает в качестве модели образа сознания структуру тетраэдра, вершины которого образованы предметным содержанием образа, личностным смыслом, значением и словом. «Чем же заполнен этот объем? Живой, текучей, дышащей плазмой чувственной ткани. Чувственная ткань живет и движется в четырехмерном пространстве образа, задаваемом силовыми полями его узлов, и, будучи единой, она вблизи каждого из полюсов как бы уплотняется, концентрируется, приобретает характерные для данного измерения черты» (*Василюк*, 1993. С.8). Чувственная ткань образа может быть разной в зависимости от того, какая именно грань попадает в фокус внимания.

Образ сознания в понимании автора имеет не три образующих, а пять измерений. Четыре из них — значение, предмет, личностный смысл, знак (слово) — можно объединить термином «направляющие», имея в виду то, что они, будучи представителями мира культуры, внешнего мира, внутреннего мира личности и мира языка в психическом образе становятся своего рода его магнитами полюса. Последняя, пятая составляющая, чувственная ткань, рассматривается не как рядоположенная, а присущая всем предыдущим четырем: «чувственная ткань получила другое структурное место в модели сознания, представ не как образующая, стоящая в ряду: значение, личностный смысл, чувственная ткань, а как особая внутренняя “составляющая” образа, его живая плазма» (*Василюк*, 1993. С. 18). Модель сознания имеет форму трехмерной фигуры — октаэдра, четырьмя вершинами которого выступают значение, предмет, личностный смысл и знак, а чувственная ткань составляет стороны фигуры.

Структура предложена автором как структура образа, что определяет ее большую включенность во внешнюю реальность. В отличие от модели, предложенной А.Н.Леонтьевым, предмет и значение выступают как самостоятельные составляющие, т.е. предполагается, что предмет существует независимо от значения. На ум приходит аналогия с миром идей Платона, в котором существуют идеи стола, идеи любви как отдельные сущности.

Таким образом структура индивидуального сознания — это узловый элемент (точка пересечения), соединяющий разные миры: «значе-

ние является единицей мира культуры, слово — мира языка, смысл — внутреннего мира личности, а чувственная ткань выступает как единица тела, представитель мира человеческого тела в образе сознания» (Василюк, 1993. С. 18).

В.П.Зинченко (1991) предложил добавить в качестве четвертой составляющей сознания биодинамическую ткань движения. Биодинамическая ткань — это наблюдаемая и регистрируемая внешняя форма живого движения, рассматривавшегося Н.А.Бернштейном как функциональный орган индивида. Образ мира и смысл не могут в принципе существовать вне биодинамической ткани движений и действий, в том числе перцептивных и умственных, вне значений и материи языка. При этом в структуре сознания выделяются два слоя, два уровня. «Бытийный слой образуют биодинамическая ткань живого движения и чувственная ткань образа. Рефлексивный слой образуют значение и смысл» (Зинченко, Моргунов, 1994. С. 189). Биодинамическая ткань и значение доступны как постороннему наблюдателю, так и самонаблюдению, различным формам регистрации и анализа. Чувственная ткань и смысл лишь частично доступны самонаблюдению и не доступны внешнему наблюдателю.

Однако такое разделение лишь относительно. «Рефлексивный слой сознания одновременно и событийный и бытийственный. В свою очередь бытийный слой не только испытывает на себе влияние рефлексивного, но и сам обладает зачатками или исходными формами рефлексии. Поэтому бытийный слой сознания с полным правом можно назвать со-рефлексивным» (Зинченко, Моргунов, 1994. С. 195). Эта печать одного слоя в другом определяет целостность сознания, делает возможным их контакт, взаимодействие. Причиной родства бытийного и рефлексивного слоя выступает общий культурно-исторический генетический код, заложенный в социальном предметном действии, обладающем порождающими свойствами. Возникающие в действии образы, смыслы и значения приобретают собственные свойства, автономизируются от него, развиваются по своим законам. «Общность генетического кода для всех образующих создает потенциальную, хотя и не всегда реализующуюся, возможность целостного сознания. Эта же общность лежит в основе взаимных трансформаций компонентов (образующих) сознания не только в пределах каждого слоя, но и между слоями. Образ осмысливается, смысл воплощается в слове, в образе, в поступке... Действие и образ означиваются» (Зинченко, Моргунов, 1994. С. 196).

Двухчленная модель была использована в качестве базовой и в анализе феномена самосознания, проведенном В.В.Столиным (1983. С.21—25). Говоря о самосознании, В.В.Столин в качестве основной характеристики, обеспечивающей сознательность восприятия, назы-

вал семантическую насыщенность, т.е. соотнесение с прошлым опытом индивида и с культурно-историческим наследием, запечатленным в системе значений, и соотнесенность с «феноменальным Я». «Психологически сознательность чувственных образов обеспечивается возможностью их феноменального расщепления: выделения того, что воспринимается и как воспринимается, а так же отделения “Я” от воспринимаемого предмета и образа восприятия» (Столин, 1983. С.23). Видовой опыт, овеществленный в языке, позволяет отделить непосредственные впечатления от акта восприятия, создавая дистанцию, необходимую для их осознания.

Сопоставляя структуру сознания, разрабатываемую отечественными психологами, со структурой знака, можно сделать вывод о наличии определенных параллелей. Модель структуры сознания, разработанная А.Н.Леонтьевым, ближе к структуре семантических треугольников Г.Фреге, Пирса—Морриса, Ричардса—Огдена, включающей в себя в качестве составляющих знак — значение (денотат) — смысл. Предложенное Зинченко и Василюком усложнение отсылает к дихотомической модели языкового знака де Соссюра, если бытийный слой рассматривать как означаемое, а рефлексивный — как означающее. При этом сохраняется как социальная детерминация означающего (рефлексивного слоя), так и взаимное влияние составляющих.

Для нас важно подчеркнуть различие природы компонентов структуры сознания, их функциональное и содержательное несоответствие, не эквивалентность друг другу и различие форм репрезентации информации, существующих на уровне каждого компонента.

Рассмотренные модели структуры обладают выраженными различиями, однако в любом варианте могут быть сопоставлены со структурой знака. Во всех случаях при разнице в структуре индивидуально-сознания выделяют два слоя, различающиеся характером связи со знаком и характером включенности в общественно-исторический опыт (интегрированности с общественно-историческим опытом).

Общественное сознание и бессознательное могут быть рассмотрены как формы, в которых определяющими являются различные составляющие структуры индивидуального сознания: в общественном сознании — значение, в бессознательном — чувственная ткань (или уровень индексов по Ф. де Соссюру, где означаемое выступает в неразрывном единстве с означаемым). С этой точки зрения (с этих позиций) индивидуальное сознание может быть охарактеризовано через равновесную, гармоничную выраженность всех образующих.

В рассмотренных теоретических представлениях о структуре и природе сознания важнейшей его характеристикой, определяющей возможность развития, считается взаимодействие между отдельными слоями, отдельными составляющими. Это взаимодействие можно рас-

смаatrивать как форму обмена информацией, внутреннего диалога, понимаемого в предельно общем смысле.

Представление о взаимодействии между отдельными составляющими заложено в теории Л.С.Выготского как процесс порождения смыслов через интериоризацию значений.

1.3. ДИАЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СОЗНАНИЯ: ГЕНЕЗИС И ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ

Реальный диалог лежит у истоков формирования сознания индивида. «Конечно же, сознание — это свойство индивида, но в не меньшей, если не в большей мере оно есть свойство и характеристика меж- и надындивидуальных или трансперсональных отношений. Интериоризации сознания, прорастанию его в индивиде всегда сопутствует возникновение и развитие оппозиции: Я — второе Я. Это означает, что сознание отдельного индивида сохраняет свою диалогическую природу и, соответственно, социальную детерминацию» (Зинченко, Моргунов, 1994, С. 170).

Понятие «диалога» — одно из ключевых в понимании природы сознания. Содержание понятия «диалог» не исчерпывается представлением о передаче информации. В процессе диалогического взаимодействия эта информация неизбежно трансформируется, меняется. Тем самым содержание передаваемой информации не может принадлежать только одному из участников, как об этом писал М.М.Бахтин, оно всегда — совместное владение.

Диалогический подход к анализу проблем сознания — это только один из возможных, но обладающих, как представляется, высокой потенциальной продуктивностью.

1.3.1. РОЛЬ ДРУГОГО СОЗНАНИЯ В СТАНОВЛЕНИИ САМОСОЗНАНИЯ

Наиболее выразительно проблема другого сознания как условия становления и существования индивидуального сознания рассмотрена в «Феноменологии духа» Гегеля.

Согласно Гегелю, самосознание, понимаемое как ступень развития сознания и выражаемое формулой «я» = «я», обозначающей единство Я как абсолютного понятия и Я как эмпирического, «еди-

1.3. Диалогическая природа сознания

ничного» самосознания, не дано изначально в своей завершенной форме. Непосредственное единичное самосознание еще не имеет своим предметом «я» = «я», а только «я»; еще не знает о своей свободе, хотя и содержит в себе ее основу. Первая ступень становления самосознания, указывает Гегель, «раскрывает перед нами непосредственное и в то же время — в противоречии с этим — отнесенное к внешнему объекту *единичное самосознание*. Будучи так определено, самосознание есть достоверное знание о себе самом как о сущем, в сопоставлении с которым предмет обладает определением чего-то мнимо самостоятельного, в действительности же ничтожного, оно есть *возделывающее самосознание*» (Гегель, 1977. Т.3. С.235).

В процессе становления самосознание индивида должно, согласно логике Гегеля, преодолеть замкнутость на самом себе, форму единичного самосознания, и получить признание другого, стать признающим самосознанием. Признающее самосознание — «это есть самосознание для самосознания, прежде всего непосредственно, как другое для другого. Я созерцаю в нем самого себя как “я”; но и в самом себе я опять таки созерцаю непосредственно наличный, в качестве “я” абсолютный по отношению ко мне самостоятельный, другой объект. Снятие единичности самосознания было первым снятием; этим самосознание определено только как особенное. Это противоречие порождает влечение показать себя в качестве свободной самости и для другого быть налицо как таковым, — процесс признания» (Гегель, 1977. Т.3. С.240). Процесс признания протекает бурно и драматично, включая преодоление сущностных противоречий данной ступени.

Противоречия заключаются в том, что хотя для становления признающего самосознания требуется признание другого свободно-го самосознания, но признание другого как свободного предполагает отказ от собственной непосредственности, «я не могу знать себя в другом как самого себя, поскольку другое есть для меня непосредственно другое наличное бытие» (Там же. С.240). Необходимо, чтобы обе противоречащие друг другу самости в своем наличном бытии, в своем бытии — для — другого взаимно признавали бы себя за свободных. «Эта свобода одного в другом соединяет людей внутренним образом; тогда как, наоборот, потребность и нужда сводят их только вместе. Люди должны поэтому стремиться к тому, чтобы найти себя друг в друге» (Там же. С.241). Борьба за признание идет на жизнь и смерть, каждое из сознаний подвергает опасности жизнь другого. Тот, кто выбирает жизнь, но отказывается при этом от требования признания себя другим, становится рабом, превращается в некую вещь, зависимую от хозяина. Однако процесс превращений на этом не заканчивается. Происходит изменение зависимостей. Раб,

вынужденный смирить свои вожеления, выходит за пределы своего единичного сознания и обретает независимость от вещей, которые он создает для нужд своего господина и себя. А господин независимость утрачивает, ибо не способен полностью реализовать свое самосознание, в силу того, что раб, низведенный до положения вещи, не в состоянии быть диалектическим полюсом, с которым хозяин мог бы себя адекватно соотносить. Тупик преодолевается в снятии противоречия. Утратив независимость, господин в рабе и его службе имеет наглядное представление значимости своего единичного для-себя-бытия, при этом, однако, именно посредством снятия непосредственного для-себя-бытия это снятие выпадает на долю другого. А этот другой, раб, на службе у господина теряет свою индивидуальную волю, свою самостоятельность, «снимает внутреннюю непосредственность своего вожеления и в этом самоовнешнении и страхе перед господином полагает начало мудрости — переход к всеобщему самосознанию» (Гегель, 1977. Т.3. С.246).

И на следующем этапе развития всеобщее самосознание не замыкается снова в себе самом, но достигает объединения с себе подобными, и другой оказывается так же необходим. «Всеобщее самосознание есть утверждающее знание себя самого в другой самости, каждая из которых в качестве свободной единичности обладает абсолютной самостоятельностью, но вследствие отрицания своей непосредственности или вожеления не отличается от другой и представляет собой всеобщее самосознание. Каждая из них обладает реальной всеобщностью в форме взаимности постольку, поскольку она знает, что признана другой свободной единичностью, а это она знает, поскольку признает другую единичность и знает ее как свободную» (Гегель, 1977. Т.3. С.247). Только признав в другом право на самостоятельное существование и равенство себе, субъект обретает эту свободу и самостоятельность сам.

«Результат борьбы за признание... есть всеобщее самосознание... т.е. то свободное самосознание, по отношению к которому предметное для него другое самосознание не является больше... несвободным, но есть в равной степени самостоятельное. На этой стадии несоотнесенные друг с другом самосознающие субъекты возвысились, следовательно, через снятие их неодинаковой особенной единичности до сознания их реальной всеобщности — всем им присущей свободы — и тем самым до созерцания определенного тождества их друг с другом. Господин, противостоящий рабу, не был еще истинно свободным, ибо он не видел в другом с полной ясностью самого себя. Только через освобождение раба становится, следовательно, совершенно свободным также и господин. В состоянии этой всеобщей свободы я, рефлектируя в себя, непосредственно рефлектирован в другом, и,

наоборот, я становлюсь в непосредственное отношение к самому себе, относясь к другому» (Гегель, 1977. Т.3. С.248). Взаимоотношения сознаний на этом исчерпываются, утратив свое различие и выйдя на уровень разума.

Проблема значимости другого сознания для становления и развития индивидуального сознания, поставленная Гегелем, вышла на первый план в философии и психологии с конца XIX века и сохраняет актуальность по настоящее время. Эта проблема рассматривалась в работах М.Бубера, С.Л.Выготского, М.М.Бахтина и многих других. Именно опора на философию Гегеля позволила Лакану по-настоящему понять (переосмыслить) идеи Фрейда. В теории объектных отношений, современного психоанализа именно становление автономности субъекта в процессе взаимоотношений с другим рассматривается как основа развития личности. Представление об интерсубъективной природе сознания и психики вообще получило мощное развитие в отечественной психологии. Представляется, что связь современного

11,3.2. ИНТЕРСУБЪЕКТИВНАЯ ПРИРОДА СОЗНАНИЯ, ОТ ВНЕШНЕГО ДИАЛОГА К ВНУТРЕННЕМУ

Интерсубъективная природа сознания была одной из центральных тем исследований в культурно-исторической психологии Л.С.Выготского, рассматривавшего индивидуальное сознание как производное внешнего, социального диалога — ситуации коммуникации.

Интерсубъективная природа сознания, как доказывал Выготский, определяется как социально-исторической природой слова, так и его собственно коммуникативной функцией, понимаемыми в единстве. «Слово и есть в сознании то, что, по выражению Л.Фейербаха, абсолютно невозможно для одного человека и возможно для двух. Оно есть самое прямое выражение исторической природы человеческого сознания» (Выготский, 1982. Т.2. С.361), что подчеркивает парадоксальность феномена сознания, строящегося как единство двух позиций — внешней и внутренней.

Формирование высших психических функций, собственно человеческого уровня развития психики ребенка происходит за счет интериоризации процесса общения со взрослыми, переноса их функций, их действий во внутренний план. Предметом вращения становится структура диалога. Как отмечают Г.А.Ковалев и Л.А.Радзиховский, «из работ Л.С.Выготского можно сделать вывод о том, что функция означивания сформировалась в ходе интериоризации

как диалогическая (т.е. несущая в себе свернутые отношения типа субъект — субъект) по структуре» (Ковалев, Радзиховский, 1985. С.119). На первом этапе управлению, контролю подвергается действие другого человека, взрослого. «Контроль над поведением другого человека в данном случае становится необходимой частью всей практической деятельности ребенка» (Выготский, 1984. Т.6. С.31). Ребенку необходимо для достижения поставленной цели не только «планировать свою деятельность в голове, но и организовывать поведение взрослого в соответствии с требованиями задачи» (Там же). А это значит, что приходится принимать во внимание саму возможность другой позиции, другого субъекта, на которого можно воздействовать знаком — жестом, звуком, словом. Для ребенка это стимул преодоления начального эгоцентризма, кардинальное изменение способа видения мира. Подробно этот процесс был исследован Ж.Пиаже, с которым дискутировал Л.С.Выготский.

Учет позиции другого происходит через использование медиатора, посредника; в этой роли выступает знак, природа которого предполагает совместное пользование. Знак вводится в ситуацию общения, дается ребенку другим человеком и затем выполняет функцию связи с этим другим, а позже и функцию самого этого другого в организации психических процессов. Ребенок начинает управлять своими движениями и действиями теми же средствами, какими ранее управлял поведением взрослого — знаками, словами. Ребенок, организуя собственное поведение по социальному типу, применяет к себе тот способ поведения, который раньше он применял к другому. На материале анализа эгоцентрической речи ребенка Выготский показал, что «речь, будучи сперва интерпсихическим процессом, становится теперь интрапсихической функцией... становясь инструментом организованного решения задачи» (Там же. С.33).

Использование знака в своей семической функции важно не только тем, что позволяет освоить мир общественных значений, но прежде всего тем, что кардинально меняет отношения между самими психическими функциями: знак изменяет межфункциональные отношения. Между объектом, являющимся целью действия, стимулом и поведением возникают стимулы второго порядка, направленные на организацию собственной активности. «Сплав сенсорного и моторного полей оказывается преодоленным, и непосредственные импульсивные действия, которыми он реагировал на каждый объект, возникающий в зрительном поле и привлекавший его, теперь сдерживаются» (Там же. С.37). Знак задает позицию вневходимости, от является «следом», отпечатком позиции другого.

Коммуникативный, интериндивидный характер сознания выделяет в качестве основной характеристики физиолог П.В.Симонов.

«Уже само коммуникативное происхождение сознания делает его неизбежно социальным. Интериоризированный “другой” (точнее: “другие”), субъективно воспринимаемый как мое внутреннее “Я”, порождает не только способность мысленного диалога с самим собой, но и принципиальную возможность думать одно, а говорить другое» (Симонов, 1992. С.51).

В работах А.Н.Леонтьева интериоризация рассматривается через ее роль в процессе координации совместной деятельности. «Развитие речевого общения людей приводит к тому, что возникают специальные речевые действия...» (Леонтьев А.Н., 1972. С.310), цель которых состоит в планировании, организации и управлении собственной коллективной деятельностью. «Это “фаза приготовления” практической трудовой деятельности, которая и составляет ее теоретическую основу» (Там же. С.311). А на следующем шаге происходит отделение этой теоретической функции речи от функции общения, и формирование на ее основе внутреннего плана сознания. «Эти внутренние процессы (внутренние речевые действия, а впоследствии формирующиеся по общему закону сдвига мотивов внутренняя языковая по своей форме деятельность и внутренние операции) выступают теперь как чисто познавательные процессы: как процессы речевого мышления...» (Там же). Таким образом, внутренняя деятельность, внутренняя структура сознания так же как и у Выготского рассматривается как изначально существующая между людьми, и затем — как принадлежащая только одному субъекту.

1.3.3. ДИАЛОГ КАК ФОРМА СУЩЕСТВОВАНИЯ СОЗНАНИЯ

Рассматривая диалог как форму существования сознания, имеет смысл обратиться к работам М.М.Бахтина. Для Бахтина диалог — это естественная форма существования и развития личности, это наиболее глубокий способ контакта человека с другими людьми и миром вообще. Спецификой диалогической формы существования является его принципиальная незавершенность и локализация смысла, содержания высказывания «между» субъектами, принадлежность высказывания двум сознаниям. «Сознание по существу множественно» — отмечал М.М.Бахтин (1996. Т.5. С.345).

Дж.Шоттер отмечает, что, опираясь на основные положения Выготского, можно сделать вывод о том, что «внутренняя» жизнь человека не такая уж частная и не такая уж внутренняя, как предполагалось» (Шоттер, 1996. С.116). В этом плане работы М.М.Бахтина могут считаться важнейшим дополнением теории Выготского. Бахтин

рассматривал роль другого в формировании индивидуального сознания в несколько ином аспекте, чем Выготский. Он говорил о существовании в индивидуальном сознании двух различных позиций: я-для-себя и я-для-другого, напряженное взаимодействие которых определяет динамику, жизнь сознания. Эти позиции принципиально не совпадают в рамках одного сознания, хотя и присутствуют в нем одновременно. Нам необходимо для самого существования сознания оценивать себя с точки зрения другого, стремиться выйти за пределы собственного внутреннего знания о себе, «мы постоянно и напряженно подстерегаем, ловим отражения нашей жизни в плане сознания других людей...» (Бахтин, 1979б. С.17). Взгляд другого необходим для нашего существования, потому что одно сознание существовать просто не может. «Я осознаю себя и становлюсь самим собою, только раскрывая себя для другого, через другого и с помощью другого. ...Важнейшие акты, конституирующие самосознание, определяются отношением к другому сознанию (к Ты)...» (Бахтин, 1996. Т.5. С.344).

Однако любое знание о себе «со стороны» не сохраняется неизменным в нашем сознании, «все эти через другого узнаваемые и предвосхищаемые моменты совершенно иммантизируются в нашем сознании, переводятся как бы на его язык, не достигают в нем оплотнения и самостояния...» (Бахтин, 1979б. С. 17). Бахтин разделял две формы знания, два типа слова — окончательное, затвердевшее знание, монологичное слово и неокончателное, открытое, незавершенное знание, представленное в диалоге. И если взгляд со стороны всегда конечен и завершен, как любое точное знание, то собственное знание о себе никогда не бывает конечным, завершенным, о самом себе человек не может сказать завершающего слова. «Сознание по самой природе своей не может иметь осознанного же начала и конца, находящегося в ряду сознания как последний его член, сделанный из того же самого материала, что и остальные моменты сознания» (Бахтин, 1979б. С.314). Когда мы включаем в сознание знание о себе глазами другого, то оно теряет свою завершенность, преобразуется, мы преодолеваем его, лишь расширяя, обогащая собственное сознание.

Бахтин ставит акцент на аффективную, экспрессивную функцию слова, учет которой необходим для адекватного понимания как самого механизма диалога и его осуществления, так и происходящих в диалоге процессов. Слово, что было важно для Бахтина, всегда представлено для говорящего в трех аспектах — как нейтральное, как принадлежащее другим и несущее следы их употребления и как свое собственное. Последние два аспекта реализуются через экспрессивную позицию в конкретной ситуации общения, которую можно прежде

всего чувствовать, а не рационально истолковывать. «Хотя мы на самом деле не можем “видеть” мысли другого, по тому, как его слова “задевают” нас, мы можем их ощутить, почувствовать их форму. Мы можем “интериоризованно” научиться преодолевать пропасть между тем, что лежит в пределах наших аффективных возможностей, и тем, что вне нашего контроля с точки зрения нашей позиции в той или иной интралингвистической реальности» (Шоммер, 1996. С.116). Если для Выготского овладение словом и его последующее использование — это достаточно мирный процесс, то для Бахтина зона диалогического контакта, зона неопределенности это «зона военных действий слова» — место, где происходит борьба между степенями свободы говорящего и слушающего. Местом борьбы — местом диалога — является сознание, позволяющее развести собственную позицию и позицию другого. Реализация возможности авторства, возможности своего голоса требует усилий как по осознанию чужих голосов, так и по утверждению собственной позиции на уже занятой территории.

Проблемы представленности в индивидуальном сознании субъекта личности другого и представленности субъекта в сознании ближних и дальних других были предметом психологического анализа В.А. Петровского (1994, 1996, 1997).

Проблему диалога как формы существования сознания рассматривал, в несколько другом аспекте, и П.В.Симонов. Сознание существует не только в ситуации межличностного общения, но и в режиме постоянного обмена информацией с обществом, культурой. Этот обмен, как указывает П.В.Симонов, совершается в обе стороны, однако характер осуществляемых процессов принципиально различен и именно в отношении к знаку. Первый процесс заключается в трансформации интерпсихического в интрапсихическое, в результате чего формируется сознание. Второй процесс — это сопереживание, которое «позволяет осуществлять прямо противоположный процесс трансформации сугубо личного интрапсихического впечатления в интерпсихическое, лишь частично вербализуемое восприятие действительности» (Симонов, 1996. С.5). Факты субъективной реакции становятся объектами, например произведениями искусства, и занимают положение в культурной среде. И знаковое, и внезнаковое отражение получает объективированность при учете, интериоризации позиции другого, позиции участника коммуникации.

Именно через диалог, требующий учета разных позиций участников, разных голосов и точек зрения, естественно моноцентричное сознание приобретает (интегрирует) полицентричную структуру реального мира людей.

3,4, ВНУТРЕННИЙ ДИАЛОГИЗМ СОЗНАНИЕ

Интерсубъективная природа сознания находит отражение в его собственной диалогической структуре, определяемой природой знака.

Как отмечают Г.А.Ковалев и Л.А.Радзиховский, работы Л.С.Выготского позволяют сделать вывод, что функция означивания сформировалась в ходе интериоризации как диалогическая по структуре (*Ковалев, Радзиховский, 1985. С.119*), и вносит структуру диалога внутрь сознания. Ребенок, до того как приобретает способность усваивать и собственно выделять значение знака, усваивает саму позицию означивания, знак-без-значения, по выражению авторов. Л.С.Выготский, говоря о том, что нет знака без значения, добавлял, что «в сознании есть и нечто, что ничего не значит» (*Выготский, 1982. Т.1. С. 162*), но задает саму позицию означивания, опосредования впечатлений. Эта позиция строится через интериоризацию, вращивание позиции другого, стоящего вне непосредственного восприятия, единого сенсорного поля действия. «Обычный знак... связывает конкретное означаемое и конкретное означающее, интериоризованный знак-без-значения характеризует саму функцию связывания, означивания безотносительно к ее конкретным наполнениям. Усвоение этих знаков, естественно, предшествует формированию памяти и других когнитивных процессов, задает их структурно-социальную основу. После того как эти знаки усвоены, начинает функционировать сознание и язык ребенка» (*Ковалев, Радзиховский, 1985. С.116*). Усваивая знак — без значения, — ребенок усваивает модель знаковой структуры, «схему» означивания, если воспользоваться понятием Ж.Пиаже (1986, 1994).

Значение не является хранилищем накопленной в общественном опыте информации. Выготский предлагал рассматривать значение прежде всего как функцию, как орудие, преобразующее смысл, мотив в высказывание, в речь: «значение есть путь от мысли к слову. Значение не есть сумма всех тех психических операций, которые стоят за словом. Значение есть нечто более определенное — это внутренняя структура знаковой операции. Это то, что лежит между мыслью и словом. Значение не равно слову, не равно мысли» (*Выготский, 1982. Т.1. С.160*), оно есть способ, форма связи слова и мысли, преобразования неясного, чувственно-аффективного смысла в словесно оформленную мысль. Процесс овладения значением формирует способность различать означаемое и означающее по терминологии Ф. де Соссюра, что позволяет овладеть символически-семиотической функцией психики, которую можно рассматривать как результат интериоризации социальных отношений ребенка и взрослого.

Понятие диалогизма в целом и именно диалогизма как коренного свойства сознания было центральным в творчестве М.М.Бахтина. Продуктивность использования идей Бахтина в психологии анализируется в работе Л.А.Радзиховского, который, в частности, отмечает: «Бахтин, который мог бы дать видовое определение человека как “человека диалогического”, видит в диалоге не средство, а сущность сознания» (*Радзиховский*, 1985. С. 104). Для Бахтина диалогизм служит выражением бытийных характеристик сознания, объединяющих его с внешним — также диалогичным — общественным бытием.

Сознание, согласно М.М.Бахтину (19796), включает в себя два уровня: внешний и внутренний. Внутренний формируется в раннем онтогенезе, до речи, на базе существующих к моменту рождения психологических структур и благодаря интериоризации внешних диалогических отношений со взрослым. В таком понимании бытийного слоя Бахтин согласуется с существующими в психологии положениями (в частности, с понятием чувственной ткани сознания А.Н. Леонтьева, с мнением В.П.Зинченко о бытийном слое сознания и др.). Функция этого слоя — «непосредственное восприятие не содержания, а исходных “бытийных характеристик” самого бытия (общественного бытия) и себя в нем; нечто вроде априорных бытийно-диалогических форм сознания. Этот слой сознания не поддается формально-логическому анализу: он непрерывен и не поддается расчленению на части (недизъюнктивен)» (*Радзиховский*, 1985. С. 113). Затем над этим слоем надстраивается внешний слой знакового сознания, «мир открывается внешнему слою не в бытийных характеристиках, а в содержании, значении; этот слой доступен формально-логическому описанию, он расчленен на части» (*Там же*). Внешний и внутренний слой можно считать соответствующими чувственной ткани и значению в модели А.Н.Леонтьева, бытийному и рефлексивному слоям в модели Зинченко. С позиций Бахтина диалогично бытие внутреннего слоя и диалогична структура (а не содержание) внешнего слоя. В такой модели сознание выступает как процесс взаимодействия внешнего и внутреннего слоев.

Л.А.Радзиховский отмечает, что содержание внешнего слоя нельзя соотносить с привычным делением на осознаваемое — неосознаваемое. Осознается содержание не только внешнего слоя, выражаемое в знаках, словах, но и внутреннего, не имеющее таких средств репрезентации. Содержание внутреннего слоя осознается как непосредственно данное нам ощущение реальности окружающего мира и своей включенности в него. «Душа спаяна и сплетена с данностью мира и освящает ее собою» (*Бахтин*, 19796. С.117). Для нас важно подчеркнуть, что внешний и внутренний слои сознания имеют различные формы собственного бытия, репрезентации содержа-

ния (отражения реальности). Внешний слой построен по принципу дискретного кодирования, а внутренний — континуального. При дискретном кодировании основным носителем значения выступает знак, и содержание складывается из таких знаков, например, слов, как из элементов конструктора. «Внешний... слой — эта “непрерывная цепочка знаков”, в действительности построена по кинематографическому принципу (смена кадров), между отдельными порциями знаков существуют разрывы... мы не воспринимаем эти разрывы именно потому, что их заполняет непрерывный и недизъюнктивный поток внутреннего слоя» (*Радзиховский*, 1985. С.114). Внутренний слой непрерывен и не поддается расчленению на части, недизъюнктивен. «Живое переживание во мне... никогда не может успокоиться в себе, остановиться, кончиться, завершиться...» (*Бахтин*, 19796. С.110).

Внешний и внутренний слои сознания близки пониманию внешней и внутренней речи в трактовке Выготского, которые так же имеют различное строение, могут быть представлены через выраженность в дискретном и континуальном коде, а значит — не сводимы друг к другу.

Радзиховский делает вывод, что при таком понимании внутренний диалог, как он представлен у Бахтина, просто невозможен. «Развернутое диалогическое сознание... есть практически невозможная ситуация: внутренний слой без трансформации проваливается во внешний. Возникает и не внешний, и не внутренний слой сознания, а внутренний, механически использующий язык внешнего. ...Конечно, иного способа описания внутреннего, кроме как перевод его на язык внешнего слоя быть не может... но надо помнить, что это именно перевод, а не простая подстановка... в пределах общего языка должен быть построен специфический “подязык” для описания содержаний и структур внутреннего слоя» (*Радзиховский*, 1985. С. 114).

Надо отметить, что М.М.Бахтин отдавал отчет в невозможности точного выражения внутреннего содержания через систему конвенциональных знаков и в преобразующем, трансформирующем воздействии означивания на содержание. Как писал Бахтин, «завершающие моменты, будучи осознанными самим человеком, включаются в его сознание, становятся преходящими самоопределениями и утрачивают свою завершающую силу. “Дурак, который знает, что он дурак, у же тем самым не дурак” — это нарочито примитивная и иронически пародийная мысль... тем не менее выражает суть дела» (*Бахтин*, 19796).

Невозможность диалога в полном смысле родственна невозможности вербализации содержания бессознательного в психоанализе, так как бессознательное существует, по словам З.Фрейда, «в неиз-

вестно каком материале», и потому адекватное выражение его в словах просто невозможно. Бахтин почти точно воспроизводит основной механизм действия процесса психоанализа. «Я должен перестать бояться, чтобы пережить свой страх в его душевной определенности ... я должен перестать любить, чтобы пережить любовь во всех моментах ее душевной наличности ... я должен выйти за пределы того ценностного контекста, в котором протекает мое переживание ... я должен занять иную позицию в ином ценностном кругозоре...» (*Бахтин, 19796*). И это позиция художника или психолога (по Бахтину), изображающих или изучающих чужое сознание, т.е. использующих дополнительные средства для обозначения того, что для самого субъекта есть факт внутреннего слоя сознания, не требующий выраженности в знаке.

Текст, высказывание, слово обладает магической способностью освобождать от выраженной в нем реальности. Бессознательное, став сознательным, найдя выражение в словах, отрицает само себя. Текст о себе никогда не совпадает с реальностью; воплотив свои чувства в слова, человек освобождается от них. «Уже сказанное слово звучит безнадежно в своей уже — произнесенности; сказанное слово — смертная плоть смысла» (*Бахтин, 19796*). Это иногда хорошо, как освобождение от страха, иногда грустно, как освобождение от любви. Но в любом случае создает дополнительную степень свободы для личности, формируя дополнительную плоскость отражения в языке. Построенная таким образом дистанция формирует отношение, которое может быть вариативным, неоднозначным.

В работе В.Ф.Василюка (1984) модель смены позиций субъекта и объекта по отношению к содержанию психики используется для дифференциации различных режимов функционирования сознания. И Наблюдаемое и Наблюдатель могут быть как активны, так и пассивны, выступая как логический субъект или логический объект.

В режиме осознания Наблюдаемое предстает как объект, а Наблюдатель — как субъект этого акта: некоторое содержание сознания — мысли, воспоминания, чувства — становится предметом наблюдения. Переживание, понимаемое, как указывает Василюк, именно как переживание-созерцание — прямо противоположно, Наблюдаемое здесь активно и является, следовательно, логическим субъектом, а Наблюдатель — объектом. «Сказать о переживании, что оно “дано само собой” — значит подчеркнуть, что оно именно дано само, своей силой, а не берется усилием акта сознания или рефлексии, иначе говоря, что Наблюдаемое здесь активно и является, следовательно, логическим субъектом, а наблюдатель, наоборот, лишь испытывает, претерпевает воздействие данности, пассивен и потому выступает как логический объект» (*Василюк, 1984. С.17—18*).

Таким образом подчеркивается разделенность позиций внутри сознания. При функционировании в режиме рефлексии Наблюдатель и Наблюдаемое обладают активностью, становятся субъектами, а в бессознательном и Наблюдатель и Наблюдаемое выступают лишь как объекты и само наблюдение исчезает.

В контексте данной работы значимым в предложенной типологии можно считать дополнительность состояний сознавания и переживания, имеющих разное отношение к означенности и разную выраженность в диалогических позициях.

Феномен внутреннего диалога в структуре самосознания на конкретном экспериментальном материале рассматривал В.В.Столин (1983), опирающийся на положение о том, что уже в самом факте самосознания заложена его двойственность, диалогизм «Я». Источником (предпосылками) выступает как разделенность на феноменологическое Я и рефлексивное Я, формирование на основе общения и вовлеченность субъекта в различные и противоречивые отношения. «Возможность рефлексии, возможность критики и несогласия с самим собой возникает отнюдь не в силу каких-то имманентных свойств бестелесного “духовного Я”. Эта возможность создается реальной вовлеченностью в различные системы связей, которые и определяют возможность различных точек зрения субъекта на мир и в том числе на себя самого» (Столин, 1983. С. 179). Диалогичность самосознания наиболее ярко проявляется, как считает В.В.Столин, в отношениях «Я — антипод Я», в которых воплощается разграничение принимаемых в себе сторон с вытесняемыми, отрицаемыми. Структура самоотношения «раскрывается в диалоге с выделенными “Я” собеседниками, один из которых может быть сходным, подобным субъекту, а другой — отличающимся от него, объективно другим. Выделение этих других партнеров по самосознанию соответствует реальному различению в процессе общения моментов безусловного и условного принятия» (Столин, 1983. С.230). Эти отношения могут иметь различную эмоциональную окрашенность, быть уважительными и презрительными. «Обращение же к внутреннему диалогу позволяет вскрыть диалектику процесса самоотношения, увидеть, как субъект пытается переработать негативное отношение к себе, сделать свое “Я” более приемлемым» (Визгина, Столин, 1989. С.56).

В концепции сознания как системы реальностей, предложенной Е.В.Субботским, сферы обыденной и необыденной реальности также находятся в состоянии взаимообмена. Рациональные конструкции, составляющие содержание обыденной реальности и служащие средством упорядочения субъективности, с течением времени и накоплением опыта начинают сдерживать потенциал ее развития. «Возникает необходимость в особом “языке сознания”, способном уловить от-

вергнутое многообразие выборов, “говорящих” субъекту о себе в точке его непосредственного контакта с миром» (Субботский, 1999.

С. 141). Роль такого языка и выполняют фрагменты обыденной реальности, соединение которых происходит с большей произвольностью, чем того требуют законы логики и физической реальности. Это язык фантазий, сновидений, бреда, творчества, составляющих необыденную реальность: «нормы, которые в сфере обыденной реальности отвергнуты и существуют лишь в статусе “возможного”, в реальности необыденной приобретают статус “действительного” и сравниваются по статусу бытия с нормами обыденной реальности» (Субботский, 1999. С. 140). Однако для того, чтобы «сказанное» миром на языке необыденной реальности могло быть продуктивно использовано для коррекции и обогащения схемы внешнего мира, оно должно стать элементом обыденной реальности. «Это значит, что субъект должен находиться в “пульсирующем” состоянии, когда происходит многократный и обратимый переход из одного состояния (обыденная реальность) в другое (необыденная реальность)» (Там же. С. 141), допуская диалогические отношения между обыденной реальностью, построенной по законам логики, и необыденной реальностью фантазий, снов, бреда.

Диалогизм сознания опирается на механизмы, обеспечивающие развитие значения слова — разницу в четкости границ означаемого и означающего, что аналогично несовпадению языков внешнего и внутреннего слоя сознания.

Это несовпадение «языков» и принципиальную невозможность адекватного перевода можно считать важнейшим механизмом развития сознания, действие которого описано Ю.М.Лотманом, — механизмом автокоммуникации.

1.4. ДИАЛОГ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ

Представление о диалогической структуре сознания, о строении, включающем в себя уровни, слои разной природы, позволяет использовать для анализа отдельных аспектов проблемы теорию автокоммуникации, разработанную Ю.М.Лотманом. Теория создана на филологическом и культурологическом материале, и сознание рассматривается им прежде всего как часть культуры. Однако представляется, что выделенные им механизмы развития имеют более широкое значение и могут быть продуктивно использованы в решении

психологических проблем. Стоит отметить, что хотя продуктивность междисциплинарного подхода в настоящее время общепризнана, опыт филологов и культурологов в психологии используется явно недостаточно. Филологи, философы и культурологи показывают гораздо большую осведомленность в психологических исследованиях и активно используют их в своих работах.

В своей теории Ю.М.Лотман опирается на положение о том, что наличие двух систем кодирования — дискретной и континуальной — обязательно для существования и развития культуры. Содержание, выраженное в одной системе кодирования, невозможно адекватно перевести в другую, что порождает новые смыслы и новые средства описания. «Перевод есть основной механизм сознания. Выражение некоторой сущности средствами другого языка — основа выявления природы этой сущности» (Лотман, 1996. С. 169), — т.е. сущность некоторого феномена раскрывается через его представление в языке иной природы. Постоянно осуществляемый диалог, обмен информацией между разными системами связан со значительными затруднениями и приводит к необходимости создания средств описания самих этих систем, формирования метасистемы. «...Чем глубже ситуация неперевода между двумя языками, тем острее потребность в общем для них метаязыке, который перекидывал бы между ними мост, способствуя установлению эквивалентности» (Лотман, 1996. С.48). Именно так, согласно концепции Лотмана, и происходит наращивание, усложнение информации, появление новых уровней обобщения.

В механизме автокоммуникации, описанном Лотманом, особо важная роль отводится асемантическим кодам — ритму, узору, повторам, ритуальным действиям, мифу. Для того чтобы система автокоммуникации работала, информация накапливалась, появлялся добавочный смысл и пр., «необходимо столкновение и взаимодействие двух начал: сообщения на некотором семантическом языке и вторжения чисто синтагматического кода», не содержащего собственной информации, представляющего собой чисто формальную организацию, «полностью освобожденную от семантических значений» (Лотман, 1996. С.30). Аналогом данного механизма на уровне индивидуальной психики можно считать уже упоминавшийся «знак-без-значения» Выготского, предшествующий формированию сознания и языка и создающий возможности усвоения значений. Такие асемантические коды содержат не значение само по себе, а «схему организации значения», по которой может быть преобразовано исходное, переводимое на данный код значение, иную точку зрения на объект, не имеющую еще содержания увиденного в объекте. Узор, ритм и другие асемантические коды также не несут собственного значения, но за-

дают схему, по которой могут формироваться новые связи означающего и означаемого. «Для существования культуры как механизма, организующего коллективную личность с общей памятью и коллективным сознанием, видимо необходимо наличие парных семиотических систем, с последующей возможностью последующего перевода текстов» (Лотман, 1996. С.44). Для индивидуального сознания наличие таких парных семиотических систем также необходимо.

1.4.1. ПОНЯТИЕ СЕМИОСФЕРЫ. КОНТИНУАЛЬНЫЕ И ДИСКРЕТНЫЕ КОДЫ

Семиосфера — сложно организованная система, включающая в себя всю совокупность принадлежащих культуре текстов, обеспечивающая саму возможность осуществления процесса обмена и накопления информации. «Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка» (Лотман, 1996. С. 164). Важнейшей характеристикой семиосферы, позволяющей ей существовать, сохранять и производить тексты, является бинарность и асимметричность составляющих ее языков. Невозможна культура, имеющая в своем составе только один язык, только один способ означивания, реальный язык в реальной системе не может существовать без парного средства репрезентации. «Уже то, что дуализм условных и изобразительных знаков ... является универсалией человеческой культуры, может рассматриваться как наглядный пример того, что семиотический дуализм — минимальная форма организации работающей семиотической системы...» (Лотман, 1996. С. 164).

Любая культура на любом уровне, отмечает Лотман, использует одновременно два принципиально отличных способа отражения действительности, два способа выработки информации. При одном способе действует система дискретной кодировки и образуются линейные цепочки соединенных сегментов, каждый из которых обладает собственным смыслом. Примером текстов, в которых преобладает данный способ порождения, может быть теорема, юридический закон, прејскурант — т.е. тексты, стремящиеся к максимально однозначному прочтению. При другом способе отражения преобладает континуальная система, «смысл его организуется ни линейной, ни временной последовательностью, а "размазан" в n-мерном семантическом пространстве данного текста (полотна картины, сцены, экрана, ритуального действия, общественного поведения или сна)» (Лотман, 1996. С.46).

В психике человека аналогичную асимметричную систему составляет, как указывает Ю.М.Лотман, межполушарная асимметрия. До-

минирование левого полушария обеспечивает примат логического мышления, основанного на дискретной системе кодирования, а правого — образного, связанного с континуальным. «По-видимому, различие речевых и когнитивных функций левого и правого полушарий головного мозга соотнесено как раз с различием “сетевое” и событийно-ситуативного представления, хранения и использования информации» (Леонтьев А.А., 1997. С.274). Подробно результаты исследований по особенностям переработки информации правым и левым полушариями представлены в работах Н.Ю.Ляха (1996), Т.В.Черниговской и В.Л.Делегина (1984), проблемы взаимодействия двух форм репрезентации разрабатываются В.Я.Шабесом (1990).

Структурно близкую бинарную систему составляют сознание и бессознательное. Организация содержания бессознательного имеет выраженную континуальную природу, относительно которой сознание может быть рассмотрено как дискретная система. Язык, на котором «говорит» бессознательное, способ проявления содержания бессознательного, имеет свои характерные черты: циклическую организацию времени, отсутствие отрицаний, а значит, выраженную амбивалентность, использование образной и сенсорной информации, проживание содержания как форму его репрезентации, вместо возможного проговаривания или продумывания, воспоминания. Перечисленные особенности сближают организацию бессознательного с организацией мифов, на что указывал и сам Фрейд: «такая же символика используется в мифах и сказках, в народных поговорках и песнях, в общепринятом словоупотреблении и поэтической фантазии» (Фрейд, 1989а. С. 104).

Процессы перевода с континуального способа кодирования в дискретный постоянно осуществляются человеком в процессе выражения мыслей (определяют естественную динамику ментальной активности субъекта). Об этом, как уже говорилось, писали М.М.Бахтин и Л.С.Выготский, подчеркивая разную природу существующих в сознании человека форм отражения, между которыми происходит обмен информацией. О нерасчлененной, недизъюнктивной природе внутреннего слоя сознания говорил М.М.Бахтин. В работе «Мышление и речь» Л.С.Выготский делает вывод о чисто предикативном строе внутренней речи, которая «состоит из одних сказуемых» (1982, Т. 2). Внутренняя речь, отмечает он, это особое по психологической природе образование, особый внутренний план речи, более глубокий, чем семантический, знаковый. Содержание, смысл слова во внутренней речи намного шире его смысла и значения во внешней: «...из исследований Выготского и особенно Г.Г.Шпета следует, что внутренняя форма этого психологического орудия необычайно богата прежде всего по сравнению с директивным знаком. Внутренняя

форма последнего достаточно проста и не допускает альтернативного толкования» (Зинченко, 1996. С. 18). Неоднозначность, смысловая неопределенность внутренней формы слова находятся в асимметричной оппозиции четкости и предельной определенности знака, через который реализуется речь. «Знак есть такой способ использования предмета, что само предметное содержание, указуемое знаком, полностью исчерпывается актом использования знака» (Мамардашвили, 1996. С.373). В плане семантики во внутренней речи отмечается превалирование смысла над значением, агглютинация семантических единиц, идиоматичность, т.е. континуальная, нерасчлененная система кодирования, при которой одно слово или даже одна буква, как в знаменитом примере из объяснения Левина и Китти, содержат целую мысль, целое высказывание. Внутренняя речь есть в точном смысле речь почти без слов, пишет Выготский, анализируя отношение между мыслью и словом и рассматривая его «как движение через целый ряд внутренних планов, как переход от одного плана к другому» (Выготский, 1982. Т.2. С.358). Этот переход не сводится к добавлению звука, а представляет собой сложную трансформацию, переструктурирование речи. Хотя некоторые планы только поименованы, обозначается путь, который проходит мысль, воплощаясь в слове. Движение идет «от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем — в значениях внешних слов и, наконец, — в словах» (Там же). Однако точность перевода всегда составляет проблему: как известно, «мысль изреченная есть ложь». Изречение всегда вносит в мысль поправку — добавление, изменение.

«Речь, в которой выражается объективированная мысль, не совпадает с соответствующей мыслью и не может ей предшествовать. Речевое высказывание по своей природе сукцессивно, тогда как лежащая в его основе мысль симультанна: начиная высказывание, я более или менее представляю себе, чем оно окончится. Поэтому изначальное высказывание скорее представляет собой намерение, к которому я подбираю адекватные слова...» (Тхостов, 1994. С.4). А степень адекватности слов никогда не абсолютна.

Тексты, созданные в континуальной системе кодирования, не могут быть точно переведены на дискретный язык без существенного искажения смысла, а подвергаются неизбежной трансформации. Эмиль Бенвенист ввел принцип избыточности в сосуществовании семиотических систем. Между семиотическими системами не существует «синонимии»; нельзя «сказать одно и то же» с помощью слов и с помощью музыки, то есть с помощью систем с нединаковой базой (Бенвенист, 1974. С.77—78), содержание исходной информации не может быть сохранено, так как вне носителя она не сохраняется, а

смена носителя приводит и к ее изменению. «Дискретной и точно обозначенной семантической единице одного текста в другом соответствует некоторое смысловое пятно с размытыми границами и постепенными переходами в область другого смысла... В этих условиях возникает ситуация непереводаемости, однако именно здесь попытки перевода осуществляются с особенным упорством и дают наиболее ценные результаты» (Лотман, 1996. С.47). Ю.М. Лотман говорит о постоянно действующем в культуре процессе обмена текстами между асимметричными системами кодирования: «... в рамках как индивидуального, так и коллективного сознания скрыты два типа генераторов текстов: один основан на механизме дискретности, другой континуален. Несмотря на то, что каждый из этих механизмов имманентен по своему устройству, между ними существует постоянный обмен текстами и сообщениями» (Там же. С.46—47). Примером может быть взаимодействие вербальной и невербальной коммуникации, адекватный перевод между которыми, как показывают Е.И.Фейнгенберг и А.Г.Асмолов (1989), невозможен.

При таком заведомо неточном и невозможном переводе никогда не достигается однозначного соответствия текстов, но порождаются новые смыслы. Лотман рассматривал риторику в качестве механизма смыслопорождения через использование системы тропов — метафоры и метонимии. Этот механизм работает и на внутрииндивидуальном уровне. Бессознательное так же находит выражение через язык оговорок, ошибочных действий, симптомов, образов сновидений и пр., организованных по типу смещения и сгущения, так же как и метафора и метонимия (Лакан, 1995; Якобсон, 1996).

1.4.2. ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА МИФА КАК ПРИНЦИПИАЛЬНО НЕПЕРЕВОДИМОГО ТЕКСТА

Миф — это принципиально непереводаемый текст, его невозможно пересказать, не изменив существенно его смысл. «Миф принципиально тождественен самому себе: в нем не содержится никакого содержания, которое можно было бы отделить от формы и пересказать своими словами» (Лобок, 1997. С. 157). Миф не содержит отсылки к некоторому смыслу. Смысл мифа — в нем самом.

Проблема перевода содержания с языков разного типа вызывает особый интерес, когда речь идет о переводах мифа. Миф является очень древним и вместе с тем вечно актуальным текстом, затрагивающим глубинные пласты нашей психики. Перевод мифа представляет интерес и потому, что, как указывают многие авторы (К.Леви-

Строе, Б.Мелетинский, Ю.М.Лотман и др.), особенности структуры мифа близки особенностям бессознательного, а значит результаты перевода мифов позволяют понять процессы осознания содержания бессознательного. Более того, представляется, что процесс перевода мифа позволяет понять природу внутреннего диалогизма сознания.

Перевод с языков разного типа никогда не может быть адекватен и вместе с тем (и потому) он осуществляется постоянно. Миф, в силу древности, можно рассматривать как своеобразный «прототекст», существовавший до всяческих художественных текстов и лежащий в их основании. Хотя, разумеется, и сам миф является переводом непосредственных впечатлений и практических знаний о внешней реальности, имеющих дискретную природу, в континуальную систему дознакового образного отражения.

Строго говоря, миф принципиально не может быть выражен в языке и любая передача мифа в виде текста неизбежно приводит к его искажению, трансформации. «Живой миф иконически-пространствен и знаково реализуется в действиях и панхронном бытии рисунков, в которых, как например, в пещерных и наскальных изображениях, нет линейной заданности порядка» (Лотман, 1978. С.7).

1.4.3. ОСОБЕННОСТИ МИФОЛОГИЧЕСКОГО И БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО УРОВНЕЙ ОТРАЖЕНИЯ

И миф, и бессознательное в силу доязыковой природы очень близки по характеру организации содержащейся информации. З.Фрейд, ссылаясь на работы своего современника К.Абеля, высказывал предположение, что язык сновидений и симптомов — это след древнего реального языка, существовавшего в праисторические времена: «...черты работы сновидения можно назвать архаическими. Они присущи также древним системам выражения, языкам и письменностям...» (Фрейд, 1989а. С.113). Фрейд говорил, в частности, о единстве противоположностей, амбивалентности образов бессознательного. Однако столь интересная гипотеза вызвала возражения у лингвистов. Язык бессознательного не имеет отношения к естественным языкам, утверждал Эмиль Бенвенист: «Поскольку язык есть орудие упорядочения окружающей действительности и общества, он накладывается на мир, рассматриваемый как “реальный”, и отражает “реальный” мир... заведомо маловероятно ... чтобы в этих языках, какими бы архаическими они ни считались, обнаружили нарушения “закона противоречия”... Вообразить существование такой стадии в развитии языка, пусть сколь угодно “первобытной”, но, тем

не менее, реальной и “исторической”, когда какой-либо предмет обозначался бы как таковой и в то же время как любой другой и когда выражаемое отношение было бы отношением постоянного противоречия, отношением непринадлежности к системе отношений, когда все было бы самим собой и одновременно чем-то совершенно иным, следовательно, ни самим собой, ни другим, — значит вообразить чистейшую химеру... Все, как представляется, отвергает “живую связь” между логикой сновидений и логикой реального языка» (Бенвенист, 1974. С. 123).

Выделенные Фрейдом особенности, как считает Бенвенист, имеют отношение и к подязыковому, и к надязыковому уровням. Подязыковым этот уровень считается потому, что его источник расположен глубже, чем та область, где закладываются механизмы языка. А надязыковым — потому, что в ней используются знаки очень емкие, которым в обычном языке соответствуют не минимальные, типа слов, а более крупные единицы языка. «То, чего Фрейд тщетно искал в “исторических” языках, он мог бы в какой-то степени найти в мифах или поэзии» (Там же). Амбивалентность свойственна как более глубокому, чем вербальное сознание, уровню отражения, так и мифологии.

Однако современные исследования показывают, что мысль Фрейда о родовой близости антонимов, что проявляется в возможности замены на бессознательном уровне значения на противоположное, подтверждается данными лингвистики. Так, оказывается, что антонимы имеют высокий коэффициент ассоциативной связности (коэффициент Нобла), из чего следует, что антонимы фактически гораздо ближе по содержанию друг другу, чем случайно взятая пара слов. Это подтверждают и данные генетического анализа образования антонимической пары, согласно которому антонимы возникают из общего родового качества (имеют общую архисему) в результате действия механизма маркировки (Петренко, 1988. С.61), что позволяет бессознательному использовать один из антонимов вместо другого. Однако данное замечание не снижает значимости отсылки к мифам, к мифологическому уровню в поисках основания содержательных и структурных особенностей бессознательного.

Миф представляет собой один из популярнейших предметов исследований для представителей практически всех гуманитарных наук. Он анализировался философами, филологами, социологами, психологами, антропологами. Значительный вклад в разработку теории мифа внесли А.Ф.Лосев, Э.Кассирер, Е.М.Мелетинский, Я.Э.Голосовкер, В.Н.Топоров, Ю.М.Лотман, Б.А.Успенский, К.Леви-Строс, Б.Малиновский, К.Хьюбнер, М.Элиаде, А.М.Пятигорский и другие ученые, принадлежащие к различным школам и направлениям. Одна

из важнейших проблем — это определение природы мифа. Миф как специфическая форма отражения действительности определяется не особенностями содержания, а особенностями формы существования в сознании его носителей. Миф соответствует очень ранней стадии становления родового сознания человека, когда вербальные, собственно речевые способы передачи содержания еще тесно переплетались с жестами, действиями, ритмом, интонацией. Так, В.Н.Топоров, анализируя ритуал как действенную сторону мифа, отмечает, что при всех неясностях в этом вопросе, можно с достаточной вероятностью говорить о ритуальном происхождении языка, «имея при этом в виду, что именно ритуал был тем исходным локусом, где происходило становление языка как некоей знаковой системы, в которой предполагается связь означаемого и означающего, выраженная в звуках. Многие ... свидетельствует о том, что ритуал ... древнее языка, предшествует ему и во многих важных чертах предопределяет его» (Топоров, 1988. С.21). Это «доязыковое» происхождение ритуала и мифа определяет одномерность, одноуровневый характер означающих, что принципиально не позволяет субъекту занять стороннюю позицию — быть «вне мифа», и, если говорить об особенностях содержания, разделять частное и общее, в том числе и во временном плане.

Исследователи, анализирующие миф как культурный феномен, выделяют определенные характерные черты, взаимно обуславливающие друг друга.

Миф воспринимается носителями не как отдельное от них знание, обладающее относительным характером, а как абсолютная реальность. По словам Б.Малиновского, «миф, каким он существует в первобытной общине, т.е. в его живой первозданной форме, — это не история, которую рассказывают, а реальность, которой живут» (цит. по: Лосев, 1992. С.65). Миф — это абсолютное знание, в котором невозможно выделение средств его получения. Если про теорему Пифагора мы знаем, как она доказывается, как она получена, можем проверить и, при возможности, опровергнуть, то миф — это истина не потому, что существует правильное доказательство, а потому, что так оно и есть. Миф, как отмечал А.Ф.Лосев, это «наивысшая по своей конкретности, максимально интенсивная и в величайшей степени напряженная реальность» (Лосев, 1991.С.24), в сравнении с которой именно научное знание выступает как далекая от действительности абстракция. Миф же по своей природе не идеален, а предельно материален, это «жизненно ощущаемая и творимая, вещественная реальность и телесная, до животности телесная, действительность» (Там же. С.27). Например, я знаю, что это нехороший человек (или хороший), для меня это абсолютно ясно, и достаточным основанием слу-

жит мое чувство (никаких доказательств не требуется, источник этого знания, как правило, скрыт от меня). Миф — обладает свойством сопротивляемости по отношению к любой объективной реальности потому, что связан со смысловым уровнем восприятия действительности. «Миф — это смыслонесущая реальность, и оттого она неизмеримо более сильна, нежели реальность как таковая. ...Миф — это высшая реальность, к которой апеллирует человек... миф дарует человеку нечто гораздо более важное, нежели знание: смысл» (*Лобок*, 1997. С.31).

Миф имеет в основном неязыковую природу. Мифологическое содержание передавалось не только и не столько с помощью языка, но прежде всего неязыковыми средствами — «с помощью ритуала, в котором, вероятно, значительная часть повествования реализовывалась не с помощью словесного рассказывания, а сверхъязыковыми средствами: путем жестовой демонстрации, обрядовых игровых представлений и тематических танцев, сопровождаемых ритуальным пением. В первоначальном виде миф не столько рассказывался, сколько разыгрывался в форме сложного ритуального действия» (*Лотман и др.*, 1988. С.58). Миф неразрывно связан с ритуальным действием, в мифологической культуре его не столько рассказывают, сколько совершают, что позволяет не воспринимать со стороны содержание, а проживать, совершать его, преодолевая разрыв между профанным и сакральным, между индивидом и общеродовыми предками. Именно действенная, неязыковая природа мифа определяет принципиальную невозможность адекватного выражения содержания мифа в слове.

В мифе отсутствует различие между частным и общим, т.к. «знак в мифологическом сознании аналогичен собственному имени... общее значение собственного имени в его предельной абстракции сводится к мифу. Именно в сфере собственных имен происходит то отождествление слова и денотата, которое столь характерно для мифологических представлений и признаком которого являются, с одной стороны, всевозможные табу, с другой же — ритуальное изменение имен собственных...» (*Лотман, Успенский*, 1992. С.60—62). Лисица, действующая в мифе — это конкретная лисица, и, в то же время, лисица вообще, обобщенный образ всех хитрых рыжих зверьков. Имя бога или человека — одновременно и он сам, действие с именем равносильно действию с ним самим. Поэтому так важно знать имя, чтобы получить определенную власть над его носителем, или скрывать имя, чтобы уберечься от злого воздействия. Это определяется, по словам Курта Хьюбнера, тем, что «единство идеального и материального... имеет для мифа столь же фундаментальное

значение, как и его отрицание для научной онтологии. Замечание, что божественные нуминозные существа являются индивидуумами общего значения, означает поэтому, что они являются мифическими субстанциями, представляющими собой как материальных, так и идеальных индивидуумов, так что везде, где такие субстанции выступают, присутствует тот же самый индивидуум» (*Хьюбнер*, 1996. С.97). Деметра находится в каждом зреющем зерне, Зевс присутствует в каждой молнии. Это равносильно реальному слиянию абстрактного и конкретного, т.е. принципиальной неразделимости абстрактного и конкретного в связи с отсутствием подходящих знаковых средств.

Время в мифе имеет циклическую, замкнутую природу. «Очень часто в мифе события не имеют линейного развертывания, а только вечно повторяются в некотором заданном порядке; понятия “начала” и “конца” к ним не применимы» (*Лотман и др.*, 1988. С.58). Миф, как и мифологизированное историческое предание, совмещает в себе два аспекта — диахронический, содержащий сведения о прошлом, и синхронический — имеющий отношение к настоящему, объясняющий настоящее. Хотя память носителя мифологического сознания содержит массу сведений, преданий, сказаний о давних событиях, для него не существует истории, т.к. конкретные исторические реалии не хранятся. Для носителей мифологического сознания актуальное время воспроизводит уже бывшее. То, что происходит сегодня, имеет значение лишь как вариант, обычно ухудшенный, прошлого. Так, например, единичное событие жизни человека — рождение ребенка, наступление половой зрелости, вступление в брак, смерть — это прежде всего рождение, брак, смерть вообще, и важно, прежде всего, насколько в частном, конкретном событии будут правильно воссозданы признаки всеобщего, что может быть достигнуто через выполнение необходимых ритуалов, общих для всех и придающих единичному сакральный, высший смысл, связывающий индивида с родом, общим предком, богами. Тот же смысл имеют календарные праздники, различные ритуальные действия. По словам М.Элиаде, «речь идет не о коллективном воссоздании в памяти мифических событий, но об их воспроизведении. Мы ощущаем личное присутствие персонажей мифа и становимся их современниками. Это предполагает существование не в хронологическом времени, а в первоначальной эпохе, когда события произошли впервые» (*Элиаде*, 1996. С.29). Через совершение ритуала, повторяющего события мифологического далекого прошлого, человек ощущает присутствие этого прошлого в настоящем.

Для мифа характерно игнорирование законов логики, высокая терпимость к противоречиям, которые и не осознаются в виде про-

тиворечий: «...свойства, которые в немифологическом тексте выступают как контрастные и взаимоисключающие, воплощаются во враждебных персонажах, в пределах мифа могут отождествляться в едином амбивалентном образе» (*Лотман и др.*, 1988. С.58). В мифе существует своя логика, невозможная с точки зрения формально-логической, и вообще дискретного, знакового сознания. Однако она позволяла представителям дописьменных цивилизаций решать достаточно сложные практические задачи выживания и урегулирования общественных отношений. Она позволяла удобным образом объяснить мир. Опора не на высокообобщенные понятия, а на конкретные образы приводит к тому, что в результате разнородные объекты оказываются объединенными на основе сходства вторичных чувственных качеств, строится обобщение на основе признаков, кажущихся случайными и недостаточными для научной логики.

Для мифа характерно доминирование родовых ценностей над ценностями индивида. Миф (промежуточный уровень индивидуального и массового сознания) организован для передачи видовых ценностей. Соединение частного и общего, цикличность времени подчеркивает повторяемость жизни, ее общеродовой аспект, нивелируя уникальность, единичность субъекта, что позволяет, выделив эти элементы в рациональной картине мира, в линейном времени, примирить (соединить) ценности индивида и вида.

Перечисленные особенности мифа отражают очень раннюю стадию развития человеческого сознания, связанную с ранними стадиями развития языка. По словам Л.С.Выготского и А.Р.Лурия, «основной прогресс в развитии мышления связывается с переходом от первого способа употребления слова как имени собственного к способу второму, когда слово является знаком комплекса, и, наконец, к третьему, когда слово является орудием или средством для выработки понятия» (*Выготский, Лурия*, 1993. С.107). На уровне мифа мы как раз и наблюдаем феномен использования слова как имени собственного, неразличимого со своим содержанием. Указанные признаки, особенно отмечаемая близость мифа и ритуала, действенный, а не вербальный характер мифического способа отражения позволяют говорить о неразделимости для мифа означаемого и означающего, что характерно для индексов, для сенсомоторного уровня развития мышления, когда еще не сформирована символическая функция. Миф скорее чувствуется, чем понимается на рациональном уровне. Профанные тексты, существующие параллельно, рассчитаны на однозначное понимание и имеют утилитарный характер. Тесная связь характера содержания со средствами репрезентации вызывает существенные смысловые трансформации при переводе.

1.4.4. РЕЗУЛЬТАТЫ ПЕРЕВОДА.

«ПРАВИЛЬНЫЕ» И «НЕПРАВИЛЬНЫЕ» ТЕКСТЫ

При переводе в дискретную систему амбивалентность мифологических сюжетов и образов должна распадаться на противоположные сообщения. Мифы, хоть и не выражаемые полностью в естественном языке, могут в принципе быть рассказаны и стать волшебной сказкой. При прочтении мифологического материала с позиций дискретного сознания целостные амбивалентные фигуры героев и богов распадаются на отдельные положительные и отрицательные персонажи. «Все разнообразие социальных ролей в реальной жизни в мифах “свертывалось” в предельном случае в один персонаж. Свойства, которые в немифологическом тексте выступают как контрастные и взаимоисключающие, воплощаясь во враждебных персонажах, в пределах мифа могут отождествляться в едином амбивалентном образе» (*Лотман и др.*, 1988. С.58). При трансформации мифа в сказку «...ипостаси единого персонажа начинали восприниматься как различные образы. Единый герой архаического мифа, представленный в нем своими ипостасями, превращается во множество героев...» (*Там же*).

В сказках сакральные ценности адаптированы к условиям жизни в профанном мире и имеют отчетливо утилитарный характер. «Важной предпосылкой превращения в сказку мифов, имеющих обрядовую основу, являющихся составной частью ритуалов или комментарием к ним, был разрыв непосредственной связи этих мифов с ритуальной жизнью племени... Из мифов изымается особо священная часть, усиливается внимание к семейным отношениям героев... Этиологический смысл мифа постепенно вытесняется моралью...» (*Мелетинский*, 1988. С.441—442). Тайна преобразуется в правила, выполнение которых позволяет избежать опасности и получить вознаграждение типа «Устал — отдохни», «Поймал золотую рыбку — не наглей».

Мир сказок прост и правилен (правилосообразен), что позволяет строить непротиворечивую, гармоничную картину мира. В ней «хорошие» герои обязательно добрые, умные и сильные, удачливые, а «плохие» — глупые и слабые, их победа никогда не окончательна и в финале добродетель непременно торжествует. В.Я.Пропп указывает, что в волшебной сказке различают поступки и подвиги героя. Поступки связаны с «правильным поведением» и обуславливают помощь могущественного помощника, обретения волшебного предмета. А подвиги — это уже результат этой помощи и естественное следствие того же правильного поведения.

Образ «правильного мира» описан М.Лернером (1980) в концепции «веры в справедливый мир». Согласно данной концепции, каж-

дый человек верит, что мир справедлив и что каждый заслуживает того, что с ним происходит. Согласившись с наличием данного феномена, Е.Уолстер (1966) интерпретировала «веру в справедливый мир» несколько иначе. Так как каждый человек невольно примеривает любую ситуацию к себе, то, не желая оказаться в положении жертвы, он стремится объяснить происходящие несчастья личностными особенностями жертвы или ее ошибками. Уолстер указывает на защитную функцию такого восприятия, позволяющего доверять окружающему миру. Привлекательность и внутренняя, внерациональная убедительность такого мира для всех возрастов подтверждается его устойчивым использованием в массовой культуре — в телевизионных и книжных сериалах, советских фильмах про войну и пр. «Главное отличие массовой литературы — принципиальная позитивность отношения к миру» (Гудков, 1996. С.94). Не гнушается сказочными схемами, сказочной гармонией и высокое искусство. Гибель «нехороших», преступивших человеческий и божеский закон Анны Карениной и Вронского на фоне семейного благополучия добродетельных Левина и Китти происходят в том же простом и правильном мире. Разумеется, в романе Толстого сказочные элементы правильных текстов можно выделить лишь условно. В чистом виде они представлены в более легких и простых продуктах.

К «правильным» текстам могут быть отнесены как женские розовые романы, так и мужские детективы и боевики. Последние, при обилии страшных подробностей, не пугают, а успокаивают, действуя как и красивый женский роман. «В целом исследователи склонны считать, что детективный жанр направлен на признание существующего порядка вещей. И это подкрепление важнейших представлений и предрассудков является важнейшим условием успеха детектива» (Зоркая, 1996. С.76).

«Правильные» тексты составляют основную часть официальной культуры либо близки ей по духу. М.М.Бахтин противопоставлял большой опыт человечества, лишенный закрытости и завершенности, и малый опыт, отраженный в официальной культуре. «В символах официальной культуры лишь малый опыт специфической части человечества (притом данного момента, заинтересованной в стабильности его). Для этих малых моделей... характерна специфическая прагматичность, утилитарность... Поэтому в них нарочитое утаивание, ложь, спасительные иллюзии всякого рода, простота и механичность схемы, односмысленность и односторонность оценки, одноплановость и логичность (прямолинейная логичность)» (Бахтин, 1996. Т.5. С.77).

«Правильные» тексты во многом определяют наше восприятие социальной действительности. Так, зарубежные исследования (Forgas,

Morris et al., 1982) показывают, что богатые люди оцениваются как обладающие более благоприятными личностными качествами — умом, активностью, автономностью, способностью контролировать ситуацию. Обобщая данные многочисленных экспериментальных работ, Х.Диттмар утверждает: «... можно сделать вывод, что существует широко разделяемое представление о преимущественно позитивных личностных качествах богатых людей и негативных — бедных» (*Шумтмар*, 1997. С.29).

Так, американская система образования прилагает специальные усилия, направленные на формирование благоприятного восприятия материального неравенства. И как следствие, «подростки, как и взрослые, обнаруживают сильную тенденцию поддерживать взгляды о необходимости неравномерного распределения доходов и благ, и оценивать людей по степени их богатства» (*Furnhman and Stacey*, 1991. Р.183). Такое представление о социальной ситуации позволяет воспринимать ее как справедливую, удобную для жизни, что способствует еще большему ее упрочению.

В работе Л.Элькониновой и Б.Д.Эльконина волшебная сказка рассматривается с точки зрения ее функции в развитии психики ребенка. Сказка, считают авторы, еще достаточно близкая к мифу, прочитывается как модель определенного опыта субъектности, а именно как выразительная и непонятная форма представления ориентировочной основы действия и отношения к миру. В сказке представлена форма инициативного отношения к миру (*Эльконинова, Эльконин*, 1993. С.69). В ней создается идеальный проект личности героя как олицетворение и символ некоторых абсолютных позитивных ценностей — добра, красоты, смелости. В сказке делается акцент не на реальное действование в сложном мире, а на сам момент решения действия, принятия инициативы перехода в иной (волшебный, взрослый) мир. При этом все возможные противоречия и сложности отходят на второй план, не попадают в зону внимания. Сказка — про жизнь, но в определенном ракурсе.

Рассматривая содержание «правильных» текстов, можно сказать, что они направлены на упрочение существующего мира, выражают ценности стабильности и значимости принадлежности к группе. Согласно этим ценностям род, группа занимает приоритетное, доминирующее положение по отношению к индивиду, личности.

Однако исходный миф сложен и противоречив, и его смысл не вмещается в сказочный сюжет. «Миф сам по себе не является ни хорошим, ни плохим, его нельзя оценивать с точки зрения морали», подчеркивает известный исследователь мифов М.Элиаде (1996. С.147). Образная система и содержание сказки, «перекодирующей миф», выражает лишь один из его смысловых аспектов, оставляя другой без

средств репрезентации, «за кадром». Целостное амбивалентное содержание и амбивалентные герои, не вмещааясь в один простой сюжет, должны распадаться на противоположные сообщения. Можно вспомнить архетип Тени, описанный К.Г.Юнгом (1991) и содержащий отвергаемую, неправильную, нехорошую часть души. Оставшаяся в тени часть смысловой структуры мифа, так же как и Тень, требует своего выражения и находит его в другой части текстов, входящих как в народную, так и в высокую культуру. Кроме правильных сказок мифы порождают рассказы о нарушениях основных запретов, налагаемых культурой на человека: отце- и детоубийствах, кровосмесительных браках, зверских жестокостях. «Мифологическое повествование об утвержденном и правильном порядке жизни превратилось при линейном прочтении в рассказы о преступлениях и эксцессах, создавая картину неупорядоченности моральных норм и общественных отношений» (*Лотман и др.*, 1988. С.59). Такие тексты так же пользуются огромной популярностью, но занимают своеобразное «маргинальное», крайнее положение, неся на себе налет чего-то запретного. Заветные сказки, собранные А.Н.Афанасьевым (1997), представляют выражение данных тенденций в народном сознании.

К «неправильным» текстам можно отнести как образы блатных песен, «жестоких романсов», городского фольклора, так и образы трагедии, романов Достоевского и многие другие, не вписывающиеся в систему стабильных ценностей. В «неправильном» мире существуют хорошие и слабые герои (несчастливая добродетель типа Макара Девушкина), проигрывающие в схватке с жизнью, обаятельные мерзавцы, которые умудряются улизнуть от возмездия, сильные и непобедимые злодеи и пр. Эти сюжеты показывают несовпадение морали и успеха, силы и добродетели. Мир, изображенный в них, не удобен, не пригоден для жизни, и соблюдение в нем любых правил либо глупо, либо трагично.

Интересно, что при распространенности и большой доле «творчества народа» в их создании, «неправильные» тексты в произведения массовой культуры не попадают совсем или попадают лишь фрагментарно, в сглаженном и редуцированном виде, в качестве побочных сюжетных линий и деталей.

Ярким примером неправильных текстов можно считать прозу «девичьих альбомов» (*Русский школьный фольклор*, 1998; *Борисов*, 1992, 1996), возникающую, как считает С.Борисов, в относительно стабильный период отечественной истории. Для таких «неправильных» текстов характерен «плохой» конец, гибель положительных героев. «Рассказы эти — своего рода “катализатор” или “кристаллизатор” плача» (*Борисов*, 1996. С.364). Герои в них так часто погибают и/или кончают жизнь самоубийством, что это может приводить читателей

«к выработке подсознательной, а временами и сознательной установки на “классическое самоубийство”» (*Борисов, 1996. С.365*). Популярность этой жизнеотрицающей ориентации среди юных девушек на первый взгляд кажется абсурдной. Но, возможно, она выполняет важную функцию — утверждения доступными и действенными средствами ценности индивидуальной любви, не сводящейся к продолжению рода и стоящей выше прагматического расчета. Тем самым подчеркивается большая ценность индивидуальности, личности по отношению к обществу. Можно высказать еще одну гипотезу. Ритуалы инициации, которые в традиционных обществах были обязательны для подростков, связаны с символическим переживанием собственной смерти в ипостаси ребенка и последующим возрождением в ипостаси взрослого, часто имеющего другое имя, живущего по другим законам. Суицидальные настроения позволяют эмоционально пережить расставание с детством и страх перед взрослой жизнью.

«Неправильные» тексты занимают доминирующее положение в тюремном и околотюремном творчестве. Их присутствие можно обнаружить как в широко популярных песнях В.Высоцкого, так и в известных романах В.Сорокина. И в одном, и в другом случае герой не вписывается в существующую систему отношений, не может быть однозначно охарактеризован как хороший или плохой, а мир выглядит мало приспособленным для жизни. Сами нормативные, нормальные ценности ставятся под сомнение, хотя и разными художественными средствами.

В психологической литературе (*Андреева, 1997*) в качестве дополнения к «вере в справедливый мир» называется феномен «выученной беспомощности», описанный М.Селигманом. Выученная беспомощность формируется, если различные способы действия с равной вероятностью приводят к неудаче и человек «осознает, что не в состоянии ни прогнозировать, ни контролировать результат своих действий» (*Андреева, 1997. С. 134*). В результате, как показывают данные экспериментов на животных и на человеке, индивид может терять веру в возможность что-либо изменить, становится пассивным. Но выученная беспомощность на самом деле согласуется с образом правильного, справедливого мира, являясь его обратной стороной — отсутствие успеха, неадаптивность оцениваются в этом мире как признак «ничтожности» самого индивида.

В «неправильном» мире неудача, поражение рассматриваются как свидетельство высокой моральной оценки, в таком мире проигрывают хорошие, а побеждают плохие. Такие «неправильные» образы, занимая устойчивое место в высоком и низком искусстве, выполняют, очевидно, важную функцию противовеса «правильной» идеологии, подвергая ее сомнению, в то время как сказочные, «правильные» об-

разы служат ее упрочению. Стоит отметить, что в России чуткая цензура XIX века безжалостно притесняла так называемую «низовую литературу», находя в ней отступления от нравственных норм, отсутствие уважения к святости брака и родительской власти, к государственному устройству и пр. Авторами этих пользовавшихся огромной популярностью сочинений («Круторогий барин», «Двенадцать спящих будочников» и пр.) были, по характеристике Ф.Кони, «изгнанники семинарий, выкидыши университетов, заброшенные медицинские академии, страдалцы за излишне опозитизированную организацию души: за пьянство, буянство, ночное шатание, сбрасывание будок с места и другие сильные порывы энергетических страстей» (*Рейтблат*, 1996. С.226), т.е. маргиналии, изгой, не принадлежащие ни к образованному, ни к простонародному слою.

Х.Р.Олкер, анализируя использование повествовательных сюжетов в изложении истории, отмечает наличие и сюжетов волшебной сказки (комедии), и сюжетов трагедии. Эти элементарные повествовательные единицы по-разному объясняют взаимоотношения субъекта и мира. «Волшебные сказки, следуя схеме Проппа, каким-то образом должны иметь счастливые завершения; трагедии также неотступно выражают мысль о неизбежности краха, несмотря на доблестные усилия протагонистов избежать подобных трагических окончаний. В мотивационном плане комедии каким-то образом делают нас счастливыми, возвращают нам веру в жизнь, в то время как трагедии вызывают также своего рода эмоциональное очищение или катарсис, потребность в котором требует гораздо лучшего осмысления» (*Олкер*, 1998. С.428). Воздействие на человека данных сюжетных схем может быть объяснено с разных позиций. Н.Фрай разграничивает комедии и трагедии по «обществоведческому» признаку: в трагедии герой изолирован от окружающего его общества, а в комедии органически включен в него. Б.Берк отмечает присутствующее в трагедии стремление к разрушению, направленное и на существующий порядок, и в конечном счете на самого героя. «По существу, Берк видит истоки катартической власти трагедии в обещании освобождения от этих травм, обещании nirваны, покоя и смерти» (*Там же*. С.430—431). Олкер показывает, что описанные схемы трагедии и комедии полностью покрывают существующие научные исторические теории, подкрепляя либо консервативные, либо трансформационные потребности.

Существование дополнительных, противоположных картин мира можно наблюдать не только на уровне культуры, но и на внутриспсихическом уровне, уровне индивидуальной психики. Такие противоположные образы формируются при расщеплении, возникающем при переводе амбивалентного содержания бессознательного на уровень сознания, когда один из ранее единых противоположных мотивов вы-

тесняется. «Единственная возможность, которая позволяет сохранить удовлетворительную интеракцию, состоит в том, чтобы расщепить в этой сфере проблематичную форму интеракции (как затвердевшую психическую структуру), убрать ее с поверхности мыслительных и поведенческих структур» (Орбан, 1998. С.565). Но поскольку, отмечает П.Орбан, формы интеракции (взаимодействия) соединены с фигурами речи, отделение удаётся, когда устраняется прежний симбиоз действия и речи; «форма интеракции отъединяется от речи и отбрасывается в сферу, из которой она вначале и возникла: к доречевому уровню слепой и неистовой схемы “стимул—реакция”» (Там же). Выходит, что части расщепленного амбивалентного содержания получают различную представленность в языке. Та часть, которая согласуется с существующим образом себя и мира, сохраняет доступ к речи, а другая получает возможность существовать в действии, симптоме, ощущении или в речевом или образном символе, смысл которого не ясен субъекту. «Символическая форма интеракции, или, если выразиться кратко, “символ”, лишается своего качества “осознанности”, становится клише, то есть бессознательным репрезентантом» (Там же).

Можно вспомнить также указанные ранее различия языковых картин мира, представленных в нормативной и обценной лексике. Обценная лексика, выражающая образ неправильного мира, занимает «нелегальное» положение в речи, ее как бы не существует в официальном языке, а значит — и не существует отражаемой ею части картины мира.

Своеобразным внутриличностным аналогом взаимодействия правильных и неправильных текстов можно считать и анализируемый В.В.Столиным (1993) феномен диалога между Я и Анти-Я. Исходное единство личности, включающее на бессознательном уровне противоречивые, амбивалентные чувства и желания, на уровне сознания расщепляется и конкретизируется в самостоятельных образах, противоположных, дополнительных по отношению друг к другу. В работе Столица на экспериментальном материале показано, что Я субъекта, один из партнеров внутреннего диалога, включает в себя те свойства, которые воспринимаются, осознаются субъектом и окружающими, а Анти-Я, другой из партнеров, отсутствует в субъективном восприятии.

Эти противоположные сообщения, правильные и неправильные тексты, являющиеся выражением единого целостного амбивалентного мифа, сосуществуют в жизни общества, выполняя взаимодополнительные функции. Можно предположить, что их наличие необходимо для нормально действующей культуры и нормально развивающейся личности.

Образы «правильного» и «неправильного» мира выполняют функцию защиты, адаптации к ситуации. Но выполняют они эту функцию по-разному. В психологии, в частности в социальной психологии, в большей степени описан образ правильного мира как основная характеристика обыденного сознания, здравого смысла человека с улицы. Выделенная Лернером «вера в справедливый мир», представление об обязательной расплате, проявление когнитивного диссонанса и пр. фиксируют реально проявляющееся у человека стремление жить в удобном, предсказуемом мире. Но и образ неправильного мира выполняет необходимую защитную функцию, позволяя смягчить горечь неудачи.

Образ «правильного» мира играет роль стабилизатора, поддерживает уверенность в том, что данный мир и данная группа (народ, общество, нация, государство и пр.) хороши и пригодны для жизни, если быть хорошим и соблюдать правила. Этот мир можно усовершенствовать, усовершенствуя себя; он поддается управлению; аффективная память о нем относится к стадии полного слияния с объектом, когда Я еще не сформировано и в переживаниях доминируют фантазии всемогущества. «Правильные» тексты явно или неявно стремятся к нравовучению, закреплению выработанных ценностей и, в пределе, направлены на создание «жизнеутверждающего мировоззрения». Анализируя распространенные в обществе взгляды на социальную и психологическую реальность, Хельга Диттмар (1997) говорит о доминирующих представлениях, отделяя их от социальных. Доминирующие представления, в отличие от социальных, не остаются внутри специфических социальных групп, а составляют свободно распространяемую информацию, доступную всем и именно они оказывают значительное влияние на формирование господствующей идеологии (Connell, 1977. P. 150; Spears, 1989). Доминирующие представления можно рассматривать как часть культуры и здравого смысла, присущего каждому простому человеку, но «при этом сохраняется в силе тезис, что доминирующие представления отражают властные отношения» (Диттмар, 1997. С.31). Доминирующие представления неявно обслуживают интересы господствующей в конкретном социуме группы, закрепляя тот образ мира, который позволяет воспринимать сложившееся положение вещей как наиболее правильное и справедливое.

Но так как созданный ими мир явно иллюзорен, то этим тенденциям противостоят тексты другой группы, выражающие тенденцию к разрушению, расшатыванию, осмеянию и снижению «возвышенного», разрушению «правильного». В описанном М.М.Бахтиным процессе карнализации (1990) находят мощное выражение именно та-

кие стремления. Карнавальное отрицание официальной идеологии и культуры показывает их относительность, опровергает их претензии на «конечное, завершающее слово», знание последней истины. В неправильных текстах мир выглядит несправедливым, негодным для жизни, правила — ложными, а «хорошие» герои терпят поражение. Такие тексты, при всем их пессимизме и «упаднических настроениях» подчеркивают значимость индивида и относительность традиционных групповых ценностей. Изложение сюжета рассказа из девичьего альбома на самом деле напоминает изложение сюжета «Ромео и Джульетты». Последнее утверждение не противоречит мнению Бахтина о примате ценностей общеродового тела в карнавале. «Трагедия, Шекспир — в плане официальной культуры — корнями своими уходят во внеофициальные символы большого народного опыта. Язык, непубликуемые сферы речевой жизни, символы смеховой культуры, не переработанная и не рационализированная официальным сознанием основа мифа» (Бахтин, 1996. Т.5. С.11). Карнавал — ритуальное действие, позволяющее пережить, а не прочесть миф, в котором нет места не только морали, но и противопоставлению личности и общества. В карнавале достигается исходная амбивалентность и предельная обобщенность образов, при которой смерть есть одновременно и начало новой жизни.

И «правильные», и «неправильные» тексты пользуются популярностью и мирно сосуществуют на уровне обыденного сознания, воспроизводя исходную амбивалентность и поддерживая полноту системы смыслов. Если эта полнота нарушается и одна из противоположностей теряется, то и на уровне культуры, и на уровне личности образуются патологические процессы, что отмечается в различных видах психотерапии. Как показывают исследования В.В.Столина (1983. С.230), в сознании человека могут существовать различные отношения к отдельным составляющим целостного Я — от принятия и уважения, что соответствует высокому личностному развитию, до отрицания и презрения, что характерно для конфликтной, незрелой личности. Представляется, что именно вытеснение одной из составляющих собственной личности, нетерпимость к противоречивым «текстам» — чувствам, мыслям, желаниям — является результатом неэффективного, неполного перевода содержания бессознательного, репрезентированного в системе континуальных кодов, в дискретные коды сознания. Это делает затрудненным и последующий диалог на внутриличностном уровне.

1.5. ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ КАК ПРОСТРАНСТВО ДИАЛОГА

Наше сознание многослойно, разнородно и свободно сочетает в себе элементы рационального знания и древнейших предрассудков, результаты абстрактно-понятийного и непосредственно-чувственного, эмоционально-аффективного отражения. Предисловие к русскому изданию «Первобытного мышления» Л.Леви-Брюль заканчивает словами: «Не существует двух форм мышления у человечества, одной — пра-логической, другой — логической, отделенных одна от другой глухой стеной, а есть различные мыслительные структуры, которые существуют в одном и том же обществе и часто, может быть всегда, в одном и том же сознании» (*Леви-Брюль*, 1994. С.8). Максимально гетерогенной можно считать сферу обыденного сознания, соединяющую в себе черты предсознательного и мифологического, детского и массового сознания с элементами научного знания и рефлексивного сознания. Представляется, что именно особенности структуры обыденного сознания создают условия для диалога как формы существования и развития сознания.

1.5.1. ФЕНОМЕН ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ. ПОНИМАНИЕ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ В ПСИХОЛОГИИ

Обыденное сознание традиционно было предметом специального изучения, в основном в курсах философии и социологии (*Грушин*, 1987; *Ойзерман*, 1967; *Ожиганов*, 1996; *Найдьш*, 1994; *Насонова*, 1993; *Лосева*, 1992; *Михайлов*, 1987; *Макарова*, 1998; *Корее.*, 1995; *Заводнюк*, 1996; *Ермакова*, 1994; *Пивоев*, 1991; *Попова*, 1991; *Черняк*, 1985; 1994; *Шахзадеян*, 1984; *Шюц*, 1988; *Бергер*, *Лукман*, 1995 и др.). В философии феномен «практического сознания» традиционно рассматривался в противопоставлении теоретическому отношению к действительности, «как здравый человеческий смысл (рассудок), обыденное, повседневное понимание мира, так вплетенное в человеческую жизнедеятельность, что в его актах, в отличие от теоретического мышления, человек не в силах подняться над частными обстоятельствами жизни» (*Быстрицкий*, 1991. С.30). Значительный вклад в изучение психологии обыденного сознания внесли французские ученые — социологи и психологи: Э.Дюркгейм, С.Московичи, В.Дуаз и др. Особенности обыденного восприятия действительности про-

дуктивно изучались в русле социальной психологии, в области межличностного восприятия (Ф.Хайдер, Е.Джонс, К.Девис, Г.Келли, Дж.Келли, Д.Бем, М.Лернер, Е.Уолстер, В.С.Агеев, А.А.Бодалев, М.И.Бобнева, А.И.Донцов, О.Е.Баксанский и др.). Проблемы социальной перцепции, зависимости процесса восприятия от социальных и личностных факторов были предметом изучения Дж.Брунера, У.Найсера, Л.Фестингера и др.

В последнее время феномен обыденного сознания становится предметом исследования и отечественных психологов.

В большинстве отечественных философских и психологических словарных статей обыденное сознание характеризуется в основном через особенности содержания. В психологии обыденное сознание так же понимается как совокупность представлений, установок и стереотипов, основывающихся на непосредственном повседневном опыте людей и доминирующих в социальной общности, которой они принадлежат. «Обыденное сознание, как его характеризуют большинство исследователей, — это неоднородная, сложная, многослойная, противоречивая, стихийно сложившаяся совокупность теоретически необобщенных знаний, представлений, житейских суждений, чувств и настроений, порождаемых массовым опытом, влияние социальной среды, ее обычаями и традициями», — отмечает М.Е.Миронов (1987. С.33).

Вместе с тем стоит отметить, что, при выраженном интересе к предмету, четкого определения термина «обыденное сознание» в психологии в настоящее время не существует. Имеет смысл соотнести его с другими сходными, во многом пересекающимися, но не тождественными понятиями — прежде всего понятиями менталитета, обыденного мышления, социального мышления, социальных представлений, здравого смысла.

«Все люди обладают обыденным, житейским представлением об окружающем мире, иначе называемым “здравым смыслом”, позволяющим им успешно ориентироваться и действовать в этом мире», отмечают А.И.Донцов и О.Е.Баксанский (1998. С.77), понимая «здравый смысл» как естественно принимаемое объяснение и понимание фактов окружающего мира. Проблема психологии «здравого смысла» рассматривалась в работах автора теории атрибуции Фрица Хайдера (1958), который описывал изменение атрибуции при объяснении субъектом собственного поведения и поступков других людей. Дальнейшее развитие изучения обыденного сознания в области межличностного восприятия связано с работами Э.Джонса и К.Дейвиса (1965), С.Бема, Г.Келли и др.

Понятию обыденного сознания близко понятие менталитета, рассматриваемого как «некая интегральная характеристика людей,

живущих в конкретной культуре, которая позволяет описать своеобразие видения этими людьми окружающего мира и объяснить специфику их реагирования на него» (Дубов, 1993. С.20). Чрезвычайно распространено на уровне научного и обыденного знания понятие национального менталитета. Сходным по смыслу представляется термин «народный менталитет», под которым понимается реально функционирующее сознание, не опредмеченное в трактатах, в литературных и философских произведениях (Попова, 1991. С.66). Менталитет включает в себя совокупность принятых и в основном одобряемых обществом взглядов, мнений, стереотипов, форм и способов поведения. Понятие менталитета несколько уже понятия общественного сознания, так как характеризует его специфику, содержательную сторону. «Войдя в структуру индивидуального сознания, он (менталитет. — Е.У.) с большим трудом оказывается доступен рефлексии. Обыденное сознание проходит мимо феноменов менталитета, не замечая их...» (Петровский, Ярошевский, 1996. Т.2. С.370).

О менталитете как о форме интеграции сознательного и бессознательного в структуре личности говорит А.В.Петровский. Менталитет рассматривается как уровень, связывающий индивида с социумом разной степени общности. При этом общечеловеческое начало, противопоставляясь специфическим особенностям менталитета, служит основой преодоления косности, свойственной менталитету. А.В.Петровский анализирует некоторые черты менталитета «советского человека». Вместе с тем менталитет не определяет фатально систему ценностей индивида. Петровский указывает, что «менталитет общности и сознание индивида, члена этого общества, создают единство, но не тождество» (Там же. С.369). Признавая справедливость выделяемых Петровским качеств, имеет смысл отметить, что особенности обыденного сознания, через которые социальный менталитет становится принадлежностью сознания личности, как раз и позволяют субъекту не совпадать полностью с принятыми в обществе установками, расшатывать их и делать пригодными для жизни.

Анализ отдельных аспектов российского менталитета дан в работах К.А. Абульхановой-Славской (1997а), А.В.Брушлинского (1997а), А.И.Донцова, О.Е.Баксанского (1998), А.Н.Славской (1997а), Н.Л.Смирновой, И.А.Джидарьян, В.А.Знакова (1991, 1993, 1997), А.Я.Варга (1996), В.Н.Дружинина, И.А.Савченко (1996), Б.В.Дубина, А.В.Толстых (1993), А.Н.Занковского (1996), Е.А.Климова (1993), И.В.Кряж (1998), В.Ф.Петренко (1997), В.Ф.Петренко, О.В.Митиной (1997), К.Муздыбаева (1997), О.П.Николаевой (1992), Д.В.Ольшанского (1992), Н.Л.Смирновой (1997), В.А.Соснина (1998), А.Ш.Тхостова (1993) и др., — мы приводим лишь некоторые работы, показывающие широту интереса к данной проблематике, многообразие

исследуемых вопросов и множественность теоретических и экспериментальных подходов.

В отечественной психологии предметом продуктивных исследований стал профессиональный менталитет (*Климов, 1991; Ерина, 1997; Соснин, 1998*), рассматриваемый как один из важнейших регуляторов профессиональной деятельности. «Профессиональный менталитет органично впитывает как проявления и особенности чувствований, представлений, воззрений общности людей определенной области, так и особый психологический уклад общества, влияющий на исторический и социальный процессы» (*Соснин, 1998. С.7*).

Социальные представления, составляющие предмет исследования С.Московичи и его сотрудников, можно считать содержательным наполнением уровня обыденного сознания. Социальные представления понимаются Московичи очень широко — как представления любой модальности, разделяемые всеми членами общества. «Правомерно предположить, что любые формы убеждений, идеологических взглядов, знаний, включая науку, тем или иным образом являются социальными представлениями» (*Московичи, 1995. №2. С.5*). Наука и идеология выступают как овеществленный универсум, овеществленные представления, а общедоступные знания, формы мышления и действия в повседневной жизни, здравый смысл — как консенсусный универсум, собственно социальные представления, которые сопротивляются любой попытке их овеществления, представления в строго определенных понятиях и образах. Здравый смысл, обыденные знания — «это и есть в определенном смысле социальные представления, которые составляют нашу способность воспринимать, делать выводы, понимать, вспоминать, чтобы придавать смысл вещам или объяснять личную ситуацию» (*Там же. С.6*). Научные знания входят в круг социальных представлений в виде «народной науки», «популярного знания» — тех сведений об устройстве мира, которые легко становятся достоянием всех. Социальные представления, так же как и обыденное мышление, не становятся предметом рефлексии в обычной жизни. «Люди, разделяющие обыденные знания, в своей повседневной жизни не “рассуждают” по их поводу и не могут поместить их перед собой как “предмет”, анализировать их...» (*Там же. С.7*). При характеристике обыденного сознания мы будем опираться в том числе и на данные, полученные Московичи и его сотрудниками. В отечественной науке социальные представления рассматриваются в работах К.А.Абульхановой-Славской (1997а), Т. В.Бобрышевой (1996), А.Я.Варга (1996), А.И.Донцова, Т.П.Емельяновой (1985, 1987), О.П.Николаевой (1992), И.М.Поповой (1991), С.В.Трушковой (1998) и других авторов.

В отечественной психологии продуктивно используется понятие социальное мышление, предложенное К.А.Абульхановой-Славской,

близкое, но не совпадающее с понятием обыденного сознания. Социальное мышление, как определяет автор, это одна из двух составляющих индивидуального сознания, обеспечивающих творчески-конструктивную переработку информации, которая усваивается и сохраняется благодаря другой стороне — констатирующей (Абульханова-Славская, 1991. С.195). Мышление определяется автором как социальное по предмету, в качестве которого выступают взаимоотношения людей, социальные процессы; в них реализуются общественные отношения, сами люди и жизненный путь личности. С обыденным характером связывает Абульханова-Славская лишь отдельные типы социального мышления. «Социальное мышление носит тот или иной — поверхностный, стереотипный, обыденный характер, если у личности отсутствует интеллектуальная культура, потребность к решению все более сложных задач, а интеллектуальная поспешность и житейская суета препятствуют поискам все более тонких и существенных зависимостей» (Абульханова-Славская, 1997. С.29).

Абульханова-Славская опирается на существующую в психологии традицию различения уровней мышления, например, по их связи с житейской или научной практикой. Как отмечает Ивана Маркова, предположения о различии между обыденным (нерефлексивным) и рациональным (рефлексивным) мышлением было высказано Дж.Болдуином, а затем развито в работах Ж.Пиаже, Дж.Мида, Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна. «Люди обладают способностью понимать, объяснять и сообщать свои знания и мнения об определенных явлениях на разных уровнях сознания. ...В некоторых контекстах они могут мыслить и выражать свою позицию достаточно поверхностно, в то время как определенные ситуации требуют от них выполнения нравственных обстоятельств и конкретных поступков» (Маркова, 1996. С.57). Обыденное мышление характеризуется прежде всего через особенности своего функционирования, оно протекает опираясь в основном на «привычку» (термин Болдуина) и имеет социальный характер. «Обыденные, или социальные репрезентации составляют часть символического социального окружения, которое воссоздается через действия людей и их общение. Символическая социальная среда, в которой живут люди, а также их действия представляют собой фундаментальные характеристики всех институционализированных социо-культурных феноменов, таких, как традиции, языки или научные парадигмы... Можно предположить, что уровни мышления, относительно устойчивые для различных культур и поколений, неосознанно воспроизводятся и заново формируются в деятельности и общении индивидов» (Маркова, 1996. С.58—59). Символическая социальная среда дает своим членам знания и убеждения,

которые неререфлексивно воспринимаются как само собой разумеющиеся и входят в систему отношений к миру помимо желания субъектов. «Люди, живущие в условиях определенной социальной, культурной и политической системы, неосознанно усваивают идеи и способы мышления, которые в неявной форме навязываются им этой системой, даже если они не принимают их и придерживаются противоположных взглядов» (Маркова, 1996. С.56). Рефлексивное мышление возникает в случае затруднений, проблемных ситуаций, когда привычные действия внезапно прерываются, и представляет собой «вызов установившимся, привычным способам мышления и действия» (Там же. С.66), когда мышление высвобождается из коллективных форм, в которые было заключено. Содержание обыденного и рефлексивного мышления может быть согласованно или противоречиво.

В отечественной психологии противопоставление научных и житейских понятий анализировал Л.С.Выготский, связывая формирование житейских понятий с опорой на непосредственный практический опыт, а научных — с опорой на связи с другими понятиями. Это делает возможным осознавать пути формирования научных понятий, делать их предметом рефлексии.

Рассмотренные понятия близки по смыслу понятию обыденного сознания, но рассматривают данный феномен преимущественно с опорой на содержательные характеристики. В дальнейшем мы будем учитывать это, но значимым для нас будет прежде всего определение обыденного сознания через особенности форм репрезентации информации, определяемые в свою очередь особенностями доминирующей формы знакового опосредствования.

Говоря об обыденном сознании, необходимо определить его место в ряду других форм психического отражения. Индивидуальное сознание понимается как многоуровневое и гетерогенное образование. Обыденное сознание будет нами рассматриваться как один из уровней индивидуального сознания, обладающий своей спецификой, определяемой особенностями доминирующей формы знакового опосредствования. Обыденное сознание расположено на стыке различных психологических образований индивидуальной и общественной природы. Опираясь на существующее в психологической литературе понимание данного феномена, можно сказать, что обыденное сознание занимает положение медиатора по отношению к: 1) общественному и индивидуальному сознанию; 2) мифологическому и научному отражению мира; 3) бессознательному и рефлексивному сознанию. Будучи принадлежностью индивидуальной психики, обыденное сознание, как подчеркивают многие авторы, в значительной степени

связано с общественным сознанием, с социальными стереотипами, социальными представлениями. И в то же время, являясь уровнем индивидуального сознания, оно обладает значительной гибкостью, вариативностью. Содержание обыденного сознания имеет во многом нерациональный характер, но активно включает в себя и элементы научного знания, которые свободно сосуществуют друг с другом. Содержание обыденного сознания с трудом поддается рефлексии, но в то же время не является полностью бессознательным. Субъект знает о его содержании, но основания выносимых суждений не становятся предметом личностной рефлексии: «Это так, потому что так оно и есть». Как отмечают А.И.Донцов и О.Е.Баксанский, «обычный человек не погружается в размышления о том, что для него реально и что он знает, как минимум до тех пор, пока не сталкивается с соответствующими проблемами. Собственная реальность и собственное знание этой реальности считаются само собой разумеющимися для обычного человека» (Донцов, Баксанский, 1998. С.76).

Даже при отсутствии рефлексии и разнообразии обыденных картин реальности обыденное сознание — достаточно надежный инструмент адаптации человека к окружающему миру. В работе А.И.Донцова и О.Е.Баксанского анализируются схемы объяснения и понимания мира, существующие на уровне архаического, мифологического отражения и на уровне научного мышления. «Результаты проведенного исследования позволяют выдвинуть гипотезу о наличии в процессе человеческого познания прототипических схем понимания и объяснения и получить представление об их содержании, структуре, назначении и функциях» (Там же. С.89).

Исходя из понимания места обыденного сознания в ряду других форм психического отражения, далее будут рассмотрены такие его особенности, как нерациональный характер, социальная природа, близость мифологическому уровню отражения.

В работах В.Ф.Петренко (1997), А.Г.Шмелева (1994) и других особенности обыденного сознания исследовались методами психосемантики. Различные аспекты политического менталитета были предметом анализа в работах В.Ф.Петренко и О.В.Митиной (1997). В диссертации А.Закирова (1994) методами психосемантики исследовались особенности обыденного сознания на материале киргизского фольклора. Психосемантический подход применялся для исследования обыденных экологических представлений (Кряж, 1998). Близость обыденного и научного объяснения рассматривалась в работе А.В.Юревича (1993).

Остановимся на некоторых работах отечественных психологов, проведенных в последнее время. В лаборатории К.А.Абульхановой-Славской проводится исследование различных сторон отечественной

ментальности в кросс-культурном и динамическом аспекте. Предметом специального изучения были представления о правде и лжи (*Знаков*, 1993, 1997), репрезентации интеллектуальности (*Смирнова*, 1993, 1994), о порядочности, счастье (*Джидарьян*, 1997), осознаваемых и неосознаваемых аспектах жизненного пути личности (*Березина*, 1997).

Обобщая результаты исследования российской ментальности, К.А.Абульханова-Славская отмечает, что ее первой характеристикой оказалось «преобладание морального сознания — моральных представлений над политическими и правовыми (но пока нельзя сказать, что и над экономическими). Это не представления о добре и зле ... а прежде всего чувство ответственности и совесть» (*Абульханова-Славская*, 1997. С.23). Но моральные представления, преобладающие над правовыми, приобретают специфический характер. В России мораль носит «конвенциональный» характер, т.е. основана на некотором условном соглашении типа «ты — мне, я — тебе» (*Абульханова-Славская*, 1997. С.23).

В качестве второй характеристики российской ментальности Абульханова-Славская называет неразрывную связь представлений о Я с представлениями об обществе. В работе Г.Э.Белицкой получены данные о том, что исходным параметром оценки себя в отечественной ментальности можно считать параметр «Я — общество», «Я — социум», а не обычный параметр «Я — другой» (1991). «В отечественном... фактически тотемном самосознании, государство предстало как некий гобсоновский “Левиафан”, с которым каждый оказался связан лично, непосредственно и нерасторжимо» (*Абульханова-Славская*, 1997. С.24).

Так, в работе Н.Л.Смирновой показана тесная связь представлений об интеллектуальности с социально-этическими характеристиками личности — скромностью, порядочностью, доброжелательностью, добротой. «Результаты факторного анализа подтверждают, что социально-этический фактор — наиболее важный компонент в представлениях об интеллектуальности личности. Этот результат согласуется с данными, полученными на японской выборке, и расходится с результатами американского и финского исследований, в которых показана ведущая роль когнитивного компонента» (*Смирнова*, 1994. С.67). По данным Смирновой, для большинства отечественных респондентов представления об умном человеке связаны с образом мужчины. Вместе с тем, как отмечает автор, это ставит специальную проблему, так как ведущими характеристиками интеллектуальности в российской ментальности оказываются составляющие женского, а не мужского ума. «Другими словами, в обыденном сознании умный человек ассоциируется с женщиной, которому присущи черты женско-

го (социального) ума» (Смирнова, 1997. С. 128) Но это противоречие редко анализируется носителями.

В работе Т.Н.Березиной рассматривается соотношение осознаваемых и неосознаваемых аспектов жизненного пути личности. Анализ экспериментального материала позволяет автору сделать вывод о том, что сознательное и неосознаваемое отражения человеком собственного прошлого, настоящего и будущего существенно различаются. На сознательном уровне человек ориентируется преимущественно на бытующие в обществе, социально принятые ориентиры, а на более глубоком — на вещи более экзистенциальные и даже физиологические — на события, представляющие угрозу для жизни, на период сексуального созревания, рождение ребенка, насилие со стороны других лиц.

В работе Р.Н.Щербакова рассматривается взаимодействие школьных знаний по естественным наукам и здравого смысла учащихся. Автор отмечает сопротивление здравого смысла усвоению многих проблем естественных наук, в частности физики. «Понятия и законы ее часто находятся в явном несогласии со здравым смыслом, порой принимают форму парадоксов и не столь уж очевидны, как повседневные знания, что, разумеется, создает дополнительные трудности в их понимании» (Щербаков, 1993. С.54).

В работе, посвященной изучению экологического сознания детей и подростков (Шагун и др., 1994), эмоциональное отношение к окружающей среде и наличие готовности к конкретным действиям изучались в плане возможных перспектив воспитательного воздействия. Сама структура экологического сознания специально не рассматривалась, однако авторы обращают внимание на наличие расхождений между высокой эмоциональностью по отношению к загрязнению окружающей среды и низкой готовностью к личным действиям, что можно интерпретировать как общую свойственную обыденному сознанию терпимость к противоречиям. Как показывают результаты, отношение к загрязнению окружающей среды на уровне обыденного сознания позволяет личности адаптироваться в имеющейся ситуации, осознавая негативные эмоции, имея мнение о необходимости политических действий и избегая собственного участия в решении проблемы.

Эти и другие работы показывают, что в обыденной жизни нормальные взрослые люди действуют, опираясь не на логические выводы, доступные их интеллекту, а повинаясь совершенно иным тенденциям, состоящим в стремлении сохранить единство с группой, не менять уже сложившегося мнения, следовать эмоциональным реакциям, воспроизводить в своем поведении стратегии, выработанные в ходе эволюции и сохраняющиеся тысячелетиями. Ведущими, фунда-

ментальными характеристиками обыденного сознания, как показывают теоретические и эмпирические исследования, являются его нерациональный характер и социальная природа.

1.5.1.1. НЕРАЦИОНАЛЬНЫЙ, ПРОТИВОРЕЧИВЫЙ ХАРАКТЕР ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Говоря об обыденном сознании, практически все исследователи отмечают его нерациональный характер, игнорирование законов логики, отказ от научной информации.

Гегель, анализируя диалектику Платона, противопоставлял ее обыденному сознанию, обыденному представлению. «Дело в том, что вообще каждому сознанию смутно предносится единство противоположностей. Но обыденный способ представления, не доходящий до сознания разумного, при этом всегда удерживает противоположности врозь друг от друга, как будто они противоположны лишь определенным образом» (Гегель, 1994. С. 166). Обыденное мышление, в отличие от диалектического, отмечая различия суждений, «не соединяя этих мыслей, оставляет в силе взятое отдельно одно, а затем так же и отдельно другое» (Там же. С. 167).

С.Московичи, как и многие другие авторы, изучавшие обыденное сознание современного человека, отмечали, что в психике современного цивилизованного человека существует некоторый феномен, детерминированный его принадлежностью к некоторой социальной группе и определяющий его «нерациональное», «иррациональное» восприятие действительности. Особенности этого феномена очень близки особенностям «первичных процессов» — бессознательного — описанным Фрейдом, предсознательного, мифов, детского мышления и массового сознания, массовой психологии. По словам С.Московичи, «можно удивляться сходству между психологией обыденных представлений и психологией бессознательного, которая ... очерчена Фрейдом. Но если для Леви-Брюля эта психология выражает альтернативную рациональность, то для Фрейда она выражает собственно иррациональность» (Московичи, 1995. №1. С. 14).

На терпимость к противоречиям на уровне обыденного сознания указывает М.Н.Мухелишвили. «Эти противоречия могут даже не замечаться, ибо вступающие в противоречие содержания сознания относятся субъектом к разным фрагментам или аспектам картины мира, а потребность в состыковке этих фрагментов отсутствует. Это возможно лишь в силу того, что на фактическое поведение или оценку ситуации влияет лишь частный фрагмент картины или правило, учитывающее только часть сведений о мире» (Мухелишвили, 1993. С. 15).

Противоречивость обыденного сознания определяется его глубокой связью с ранними, детскими способами мировосприятия. Л.С.Выготский, говоря о развитии понятийного мышления, отмечал, что «хотя мышлению взрослого человека доступно образование научных понятий и оперирование ими, тем не менее далеко не все оно заполнено этими операциями. Если мы возьмем формы человеческого мышления, проявляющиеся в сновидении, то обнаружим там этот древний примитивный механизм комплексного мышления, наглядного слияния, сгущения и передвижения образов... Псевдопонятия составляют не только исключительное достояние ребенка. В псевдопонятиях чрезвычайно часто происходит и мышление в нашей обыденной жизни. ...Высшие формы комплексного мышления в виде псевдопонятий являются такой переходной формой, на которой задерживается и наше житейское мышление, опирающееся на обычную речь» (Выготский, 1982. Т.2. С.168—169).

Содержание обыденного сознания основано на житейских понятиях, формирующихся в дошкольном возрасте и предшествующих научным понятиям. Житейские понятия образуются в результате стихийного обобщения опыта ребенка. В этом случае обобщение, как показал Выготский, строится по типу комплекса. В основе создания комплекса лежат фактические связи, открываемые в непосредственном опыте, они весьма ситуативны и необязательны: «...в отличие от понятия конкретный элемент входит в комплекс как реальная единица со всеми своими фактическими признаками и связями. Комплекс фактически сливается с конкретными предметами, входящими в его состав и связанными между собой. Это слияние общего и частного, комплекса и элемента ... составляет самую существенную черту комплексного мышления...» (Там же. С. 146). Комплексное мышление завершается формированием псевдопонятий — образований, внешне похожих на научные понятия, но построенных по другим основаниям. Псевдопонятий достаточно для бытового общения и решения конкретных практических задач, именно они и составляют основное содержание обыденного сознания. Исследования зарубежных и отечественных ученых показывают, что действительно, в обыденной и часто в профессиональной жизни мы опираемся на иррациональные модели действительности, имеющие природу комплексного мышления.

Так, в исследовании А.Ш.Тхостова (1993, 1994) анализируется широкая распространенность в обыденном сознании представлений о болезни и здоровье, построенных по схемам мифологического мышления, успешно ассимилирующего современные научно-технические реалии. «Крайне популярны до настоящего времени водопроводные и гидравлические объяснения работы организма и нарожда-

ющиеся новейшие аналоги с компьютерами, атомными реакторами и прочей новой техникой» (*Тхостов*, 1993. С. 10). И именно эти модели не только служат основой реальных действий по восстановлению и сохранению здоровья, но и оказывают воздействие на течение болезни.

Нерациональная картина мира присутствует не только в такой загадочной и очень значимой для человека сфере, как болезнь и собственное тело вообще. Она может существовать параллельно с рациональными научными знаниям, определяя профессиональное поведение. Например, интересные данные получены Ан Нгуен-Ксуан при исследовании ментальных моделей электричества, существующих в обыденном сознании. Их отличает прежде всего несогласованность отдельных элементов знаний. «Модели имеют важную особенность: они являются локальными моделями, базирующимися на идеях, не всегда согласующихся друг с другом» (*Ан Нгуен-Ксуан*, 1996. С. 13). Работающие с электричеством испытуемые обладали противоречивыми, порой взаимоисключающими представлениями об особенностях переменного тока, ситуации короткого замыкания и пр. Эти противоречия были заметны при логическом анализе отдельных элементов знания, но не мешали осуществлению практической деятельности. Кроме того, «во всех изученных нами ситуациях электричество понималось как материальный элемент, который может накапливаться и сохраняться. Все эти особенности совпадают с тем, что есть у жидкости, которая может двигаться, а может и останавливаться, как в случае удержания электричества внутри человеческого тела или на поверхности неисправной машины» (*Там же*). При постоянном взаимодействии с электричеством, даже имея точное знание о его действительной природе, человек строит представление о нем на основе модели знакомой и привычной материи — жидкости. На обыденном уровне манипулировать можно с материальным объектом, лучше всего знакомой и понятной природы, и сложное для образного представления электричество редуцируется к известному образу, имеющему совершенно другую природу.

Противоречивостью обладают и представления о социальной и психологической реальности. Так, например, отмечено, что на уровне здравого смысла сосуществуют представления об интеллекте как о неотъемлемом личностном качестве, и в то же время — о прямой связи интеллекта с уровнем материального благосостояния. «Представления о существовании связи между “тем, что мы имеем” и “тем, кто мы есть” противоречивы: существует, с одной стороны, культурная, “идеалистическая” концепция личности как автономной индивидуальности, а с другой — негативно нагруженное, “материалистическое” представление о том, что собственность и богатство могут регу-

ливать не только крупномасштабные социальные процессы, но также межличностные отношения и восприятия» (*Диттмар*, 1997. С.34).

Это дает возможность многим авторам указывать на близость обыденного сознания бессознательному, в частности коллективному бессознательному. Так, И.Г.Дубов, говоря о близком понятии менталитета, отмечает, что «осознаваемые элементы менталитета тесно связаны с областью бессознательного (а может быть, и базируются на ней), понимаемого как коллективное бессознательное» (*Дубов*, 1993. С.21).

1.5.1.2. СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Обыденное сознание характеризуется закрепленностью в социуме. Содержание обыденного сознания общее для всех людей одной культуры, одной социальной группы. «Реальность повседневной жизни представляется мне как интересубъективный мир, который я разделяю с другими людьми. Именно благодаря интересубъективности повседневная жизнь резко отличается от других осознаваемых мною реальностей» (*Бергер, Лукман*, 1995. С.43). Собственно говоря, сам факт существования общества как такового определяется наличием общих социальных представлений, единством принятых в обыденном сознании норм, правил, ценностей, знаний и пр.: «то, что человеческие сообщества думают о своем собственном бытии, те значения, которыми они наделяют себя самих, являются необходимой частью их реального существования, а не просто его отражением» (*Московицей*, 1995. № 1. С.6).

Как считает С.Московичи, они и формируются для того, чтобы помочь преодолеть неопределенность через создание «групповой субъективной реальности» и уменьшить «некоммуникационное поле», область восприятия, не разделенную с другими: «... социальные представления прежде всего и главным образом предназначены для того, чтобы сделать коммуникацию относительно непроблематичной в группе и уменьшить ... “неопределенность” через некоторую степень консенсуса между ее членами» (*Московицей*, 1995. №2. С.10). Как указывает Д.Кэмпбелл, возможность использовать информацию, выходящую за пределы индивидуального опыта — одна из основных прагматических ценностей (выгод) социального способа существования как на уровне человека, так и на уровне животных. «Доверие, доверчивость, склонность принимать на веру или функциональные эквиваленты этих диспозиций необходимы любым реципиентам и имеют приспособительную ценность, даже если реципиенты иногда могут быть введены в заблуждение» (*Кэмпбелл*, 1979. С.80). Ценность

коммуникации и ценность доверия к коммуникации, а значит и принятие разделяемых другими норм, идеалов, знаний Кэмпбелл называет универсальными ценностями человеческого сообщества. Обыденное сознание является тем уровнем, который в наибольшей степени способствует сохранению группового (на уровне культуры или микрогруппы) единства, т.к. позволяет подтверждать истинность и значимость принятых мнений. Формируется взаимоподкрепляемая связь — если данное мнение принято в данном обществе, рассматривается как правильное большинством — значит оно верно, и мое мнение как бы уже не нуждается в дополнительном доказательстве, а с другой стороны, если я с ним соглашаюсь — я подтверждаю принадлежность группе.

Стереотипы обыденного сознания присваиваются индивидами через освоение группового опыта, опору на общее мнение, что можно считать побочным (или важнейшим?) эффектом социализации. Частным проявлением такого эффекта можно считать влияние группового мнения на индивидуальное, известное как проявление конформизма, «огруппления мышления» (*Майерс*, 1997), групповой поляризации и пр.

В обычной жизни искажения могут в большей или меньшей степени осознаваться, но сам факт принадлежности данной культуре позволяет приобрести «проверенные» и удобные механизмы объяснения мира вообще и отдельных событий.

Основным «местом хранения и воспроизводства» обыденного сознания является язык. В.А. Шкуратов определяет обыденное сознание как поле чистой вербальности, но связанной как с рациональным, так и с эмоционально-аффективным уровнем. «Обыденное сознание — это стихия слова, подкрепленная всеми возможными средствами, вплоть до “научных”, но преимущественно попеременным сопереживанием говорящих друг с другом и знанием ими контекста диалога» (*Шкуратов*, 1997. С.205—206). В этом определении подчеркивается значимый в контексте данной работы двойственный характер обыденного сознания, при котором система знаков языка получает дополнительную нагруженность аффективными смысловыми связями.

1.5.1.3. ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ И ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА

Мысль о том, что обыденное восприятие действительности обладает выраженным своеобразием и не сводимо к системе научных, рациональных знаний о ней, давно и прочно существует в лингвистике, восходя к учению В. Гумбольдта о «внутренней форме» языка.

«Коротко говоря, идея наивной модели мира состоит в следующем: в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка. Иногда она называется *наивным реализмом* (термин Р.Халлинга и В.Вартбурга) потому, что образ мира, запечатленный в языке, во многих существенных деталях отличается от научной картины мира» (Апресян, 1995. С.629). Это различие может быть малозаметным носителям сознания и выявляется в специальных исследованиях.

Об искажениях, вносимых в наши знания о мире словами, говорил Френсис Бэкон, называя их идолами площади: «...но тягостнее всех идола площади, которые проникают в разум вместе со словами и именами», идола площади входят в наш разум незаметно и обращают свою силу против него. Идола площади имеют коммуникативный характер, они «происходят как бы в силу взаимной связности и сообщества людей. Эти идола мы называем, имея в виду порождающее их общение и сотоварищество людей, *идолами площади*. Люди объединяются речью. Слова же устанавливаются сообществом совершенно разумению толп. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждают разум» (Бэкон, 1978. Т.2. С.19). В результате возникает трудно преодолимая помеха установления истины — определения состоят из слов, которые уже существуют, а большая часть слов «имеет своим источником обычное мнение и разделяет вещи в границах, наиболее очевидных для разума толпы» (Там же. С.25).

Ф.Бэкон неявно опирался на положение о системном характере языка, развитое впоследствии Ф. де Соссюром. Из этого положения следует, что означаемое (то, как мы производим категоризацию действительности, какие впечатления мы объединяем) определяется через системные связи означающих. Это позволяет понять принцип передачи искажений обыденного сознания. Устойчивость и медленное изменение языка способствуют сохранению накопленного опыта и его отставания от быстро меняющихся рациональных знаний о мире.

В современной гуманитарной науке активно используется понятие «дискурс», т.е. семиотический процесс, реализующийся в различных видах дискурсивных практик. Когда говорят о дискурсе, то в первую очередь имеют в виду специфический способ или специфические правила организации речевой деятельности. В таком смысле в научный обиход это понятие ввел М.Фуко. Он полагал, что каждая историческая эпоха, каждая научная дисциплина, определяется специфической «формой знания» — понятийным аппаратом с тезаурусными взаимосвязями. В речевой практике она реализуется как строго

заданный код — свод предписаний и запретов. Эта языковая норма бессознательно предопределяет языковое поведение и мышление индивидов. В результате «воля-к-знанию», как считал Фуко, через воздействие дискурса оборачивается «волей-к-власти» (*Современное зарубежное литературоведение*, 1996. С.46). Именно через дискурс социум в максимальной степени подчиняет себе субъекта.

Для языковой картины мира, в отличие от естественнонаучного знания, характерна обязательность действия при одновременно полусознаваемом или совсем не осознаваемом характере. Ее важнейшая особенность — внутренняя безусловная достоверность, что сближает ее с мифом и символом, обладающими для субъекта такой же силой влияния. «Картина мира рассматривается ее носителями не как картина и осознается не как исторически конкретное видение реальности, а как смысловой двойник мира» (*Роль человеческого фактора в языке*, 1988. С.46). Образ мира воспринимается в картине мира как сама реальность. Применительно к языковой картине мира это означает, что реальность для носителя языка воспринимается именно так, как она поименована, категоризована в языке.

Как показывают результаты исследований, в частности, Е.С. Яковлевой, можно говорить о несомненном приоритете в языковой картине мира архетипических, мифологических представлений о пространстве и времени (*Яковлева*, 1994). В реальной жизненной практике линейное восприятие времени соседствует с циклическим на протяжении всей истории, и модель мира современного человека в этом отношении исключением не является. Речь может идти лишь об относительном преобладании того или другого, и то в разных сферах.

Восприятие времени как циклического, повторяющегося соседствует в современной языковой картине мира с представлением о линейном, неповторяющемся. В современном состоянии русского языка наличествуют как архаический, связанный с мифом, так и современный, свойственный научной картине мира подходы: «...едва ли не любое явление, связанное с временем, может концептуализироваться двояким образом... Язык сохраняет и отражает эту двойственность... Естественный язык предоставляет нам достаточные средства, чтобы отразить различные метафоры времени», что позволяет сохранять немалую степень свободы (*Булыгина, Шмелев*, 1997. С.381). С одной стороны, мы знаем, что время необратимо, а значит события имеют единичный характер. С другой стороны, мы отмеряем время по циклическим промежуткам разной длины — суткам, в которых повторяется смена дня и ночи, неделям, годам. При этом особо выражены собственно мифологические признаки. «Как кажется, фактом русского языкового сознания является выделенность таких аспектов времени, как цикличность, космологичность, активность» — отме-

чает Е.С.Яковлева в работе, посвященной изучению русской языковой картины мира (1994. С.307).

Особенность наивной модели мира, запечатленной в языке, как подчеркивает Ю.Д.Апресян, выражается в антропоцентризме или даже эгоцентризме, и проявляется в том, что для многих языковых значений представление о человеке выступает в качестве естественной точки отсчета. Высказывания строятся на основе пространственно-временных характеристик, отличающихся от научного представления о физическом мире. «...Наивная физика пространства и времени — это релятивистская физика, хотя и в другом смысле, чем эйнштейновская. Пространство и время релятивизированы взглядом говорящего на мир» (Апресян, 1995. С.639), организованы вокруг той точки, в которой размещается в данный момент говорящий.

«“Окрестность говорящего” можно было бы назвать архаической моделью пространства, поскольку оно отражает восприятие пространства древним человеком, а именно — это та часть пространства, которую он способен непосредственно воспринять, в той или иной мере самостоятельно освоить и узнать. <...> Языковое отражение “наивной философии” носит явные следы архетипических представлений о пространстве, что, как кажется, позволяет говорить об “архетипической основе” языкового отражения пространства» (Яковлева, 1996. С.64—66). Антропоцентризм языковой картины мира отражает мифологическое восприятие действительности, в котором пространство и время неоднородно, а его «качество», ценность, определяется находящимися в нем объектами и их положением по отношению к центру.

Архаичность языковой картины мира и ее близость мифологической модели закономерна и в то же время парадоксальна. Закономерность определяется историческим единством языка, медленным темпом его изменения, а парадоксальность — противоречием между обобщенной формой языковых понятий, их абстрактным характером и близостью чувственному восприятию. В языковой картине мира сочетаются очень ранний уровень знакового опосредствования — уровень индексов, свойственный мифу, фрейдовскому вытесненному предсознательному и сенсомоторному интеллекту, и уровень символов, что снимает однозначность индексов и позволяет языку развиваться. За счет использования символов языковая картина мира обладает внутренней противоречивостью, соединяя представление о мире, центрированном вокруг человека и пригодном для его жизни, с миром враждебным. Особую сферу языка составляют obscene выражения, употребление которых нарушает социальное табу. Этот фрагмент общей языковой картины мира отражает «неправильный» член оппозиции «правильного — неправильного» пространства. Как отмечает Ю.И.Левин, мир, описываемый obscene лексикой, — это

«мир, в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором “все расхищено, предано, продано”, в котором падают и не поднимаются, берут, но не дают, в котором люди работают до изнеможения, либо халтурят — но в любом случае относятся к работе, как и ко всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием» (Левин, 1998. С.819), — мир, не пригодный для жизни.

1.5.1.2. ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ И МИФЫ

Как отмечают многие авторы (С.Московичи, Р.Барт, А.Ш.Тхостов, Т.В.Бобрышева, В.В.Дашевский и другие), по своим структурным и содержательным особенностям обыденное мышление современного человека в достаточной степени близко мифологическому. Рациональные знания, научные сведения, то, что называется *folk-science* (популярная наука), в обыденной жизни людей организованы во многом подобно мифам, существуя скорее как убеждения, а значит для них характерны особенности «примитивной», а не «цивилизованной» ментальности. Им, т.е. архаическому сознанию, мифам и т.п., свойственны нечувствительность к противоречиям, подвижность границ между внутренней и внешней реальностью, однородность содержания, аффективная насыщенность. О присутствии в обыденном сознании элементов мифологического мышления говорят Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский в цитированных выше работах.

Многие авторы считают возможным проводить прямые параллели между социальными представлениями и мифом. В частности, на их близость как на абсолютный факт указывает Т.В.Бобрышева. «Глубинный уровень социальных представлений оказывается генетически связанным с мифом. ...Можно сказать, что в определенных условиях социальные представления являются формой, а миф — их содержанием» (Бобрышева, 1996. С.39). Хотя, если опираться на работы С.Московичи и сотрудников, то более точным было бы прямо противоположное утверждение — именно разнообразие социальные представления могут быть содержанием, имеющим форму мифа, функционирующими как миф.

А.И.Донцов и О.Е.Баксанский, рассматривая схемы понимания и объяснения реальности, действующие на уровне научного знания и мифа, не дифференцируют мифологический уровень отражения и уровень обыденного сознания, здравого смысла: «для вычленения основных особенностей и закономерностей, характеризующих “здравый смысл” и научные представления об окружающем мире, авторы предлагают обратиться к более частному, но зато конкретному материалу — мифам — и остановиться на соотношении архаичных ми-

фичных и научных представлений об окружающем мире» (*Донцов, Баксанский, 1998. С.78*).

Мифологический характер представлений нормального современного человека о болезни и здоровье отмечает А.Ш.Тхостов. Рассматривая представление о болезнях и их причинах в обыденном сознании, он показывает, что они организованы в точном соответствии со структурой и функциями мифов, понимаемыми прежде всего в соответствии с семиотической теорией Р.Барта. При любом уровне фантастичности и ирреальности эти представления оказываются действительными и вызывают позитивный эффект. Мифологическое строение представлений о болезни не только чрезвычайно прочно существует в сознании, но представляется автору неизбежным. «Миф нельзя “отменить” прежде всего потому, что представления о болезнях по самой своей структуре и способу формирования принципиально мифологичны, и стремление современной медицины избавиться от мифологизации следует признать по крайней мере утопическим» (*Тхостов, 1993. С.15*). Мнение Тхостова особенно интересно именно использованной бартовской моделью, на которой имеет смысл остановиться подробнее. Предложенная Р. Бартом семиотическая схема мифа вызвала в свое время возражения других специалистов и была впоследствии отвергнута автором. Не вызывает сомнения, что представления о здоровье и болезни, рассмотренные Тхостовым, действительно организованы в точном соответствии с моделью Барта. Однако эта модель отражает не строение мифа, а строение обыденного сознания, на чем стоит остановиться подробнее.

Анализ работ, посвященных исследованию обыденного сознания в отечественной и зарубежной литературе, показывает, что феномен обыденного сознания описывается как обладающий следующими специфическими особенностями: его содержание обладает внутренней противоречивостью, иррациональностью; обыденное сознание имеет социальную природу, разделяется большой группой людей; обыденное сознание тесно связано с языковой картиной мира, опирается на актуальный дискурс.

Перечисленные особенности, как отмечают многие авторы, близки особенностям мифов, что позволяет, по их мнению, говорить о мифологической природе обыденного сознания. В диссертации В.В.Дашевского, посвященной мифологизации политического сознания, мифологическое сознание определяется как один из основных типов обыденного сознания (*Дашевский, 1997. С. 10*). Вместе с тем представляется, что утверждение о мифологической природе обыденного сознания нуждается в более детальной проверке, основанной на анализе особенностей доминирующей формы знакового опосредствования.

1.5.2. ОСОБЕННОСТИ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ, ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ ПРИРОДОЙ СИМВОЛА КАК ДОМИНИРУЮЩЕГО СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Обыденное сознание, хотя и включает в себя элементы, организованные по типу мифа, является по сравнению с ним более поздним уровнем, на котором слово, по выражению Л.С.Выготского, выступает знаком комплекса, используется уже как символ, но еще не как знак. Различия между мифологическим и символическим уровнями хорошо определяются особенностями знакового опосредствования, доминирующими на одном и на другом уровнях. Эти различия в функционировании знаков можно наглядно проиллюстрировать на примере концепции мифа, предложенной Р.Бартом (*Барт*, 1996) в ранний период своего творчества.

Р.Барт, рассматривая миф с семиотической точки зрения, определял его как вторичную знаковую систему. «...Миф представляет собой особую систему в том отношении, что он создается на основе уже ранее существовавшей семиологической цепочки: это вторичная знаковая система. То, что в первичной системе было знаком (итог ассоциации понятия и образа), во вторичной оказывается всего лишь означающим ... Миф как бы возвышается на ступеньку над формальной системой первичных знаков» (*Там же*. С.239). Барт называет этот уровень метаязыком, т.е. надстраиваемым над первичными языковыми средствами. Однако как было отмечено семиологами (У.Эко, И.Пеццини и др.) и признано впоследствии Бартом, понятие метаязыка использовалось им некорректно, и правильнее, применительно к анализируемым явлениям, было бы говорить о коннотации. Метаязык используется как средство рефлексии, описания первичного языка, а коннотация создает добавочные смыслы, присоединяя их к первичным (*Там же*, 1996. С. 18). Уровень метаязыка характерен для научного познания и для самоанализа, позволяющего описывать собственные переживания, процесс решения задачи, классифицировать объекты и пр. В случаях, отмеченных Бартом, знак превращается в символ, зрительный образ, которые становятся безусловными выразителями совершенно определенного чувства, идеи, значения. По процессу это действительно похоже на превращение отдельных элементов реальности в язык. Картинка, совершенно конкретное изображение наделяется общим смыслом, становится средством обобщения, понятием, т.е. приобретает свойства знака. Но при этом связь между означаемым и означающим начинает рассматриваться как естественная, произвольная, вытекающая из самого характера изображенного. «Означающее в мифе предстает в двойственном виде, будучи одновременно

смыслом и формой... При превращении смысла в форму из него удаляется все случайное; он опустошается, обедняется, из него испаряется всякая история, остается лишь голая буквальность... Смысл низводится до состояния формы, языковой знак — до функции означающего в мифе» (*Барт*, 1996. С.242). Миф, в раннем понимании Барта, ничего не скрывает и ничего не демонстрирует, «он деформирует, его тактика — не правда и не ложь, а отклонение... не желая ни раскрывать, ни ликвидировать понятие, он его натурализует... означающее как бы обосновывает собой означаемое» (*Там же*. С.255).

Как пишет Барт, главный принцип действия мифа — превращение истории в природу, условности в безусловное. Это делается просто. Содержанию, выраженному в дискретной форме, придается статус континуальной формы. То, что могло быть расчленено на отдельные понятия и суждения и подкреплено доказательствами, становится «просто убедительным», действует непосредственно, через вызываемые ассоциации, соединение означаемого и означающего в единое целое.

Проходит описанный Ю.М.Лотманом процесс автокоммуникации, перевода с языка одного типа кодирования, в данном случае дискретного, на язык другого типа, континуального. Одно это неизбежно вызывает изменение, искажение первоначального содержания, приводит к добавлению, наращиванию добавочных смыслов.

Однако миф, если понимать его согласно работам А.Флосева, К.Леви-Строса, Ю.М.Лотмана, А.М.Пятигорского, К.Хюбнера, Э.Бенвениста, Е.Мелетинского, В.Н.Топорова, Э.Кассирера, М.Элиаде и других авторов — это более глубокий уровень, на котором еще не существует развитая знаковая система. К.Леви-Строс даже утверждает, что структура мифа аналогична структуре бессознательного, не имеющего, как известно, собственных средств репрезентации, то есть можно определенно говорить, что миф обладает до-знаковой природой (*Леви-Строс*, 1985). В любом случае, на собственно мифологическом уровне означаемое и означающее еще не разделяются, образуя собой в крайнем случае индекс. Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский говорят о неразличении на уровне мифа имени и предмета (*Лотман, Успенский*, 1992). А феномен,

о котором пишет Барт, соответствует, скорее, уровню символа, где уже произошло разделение означающего и означаемого, но связь продолжает сохраняться, и описывает процессы, когда знаковая информация переходит именно в символическую форму существования.

Мифология, описанная Бартом, имеет ярко выраженный социально-групповой характер. Слово становится мифом, когда «к его чистой материальности прибавляется социальное применение» (*Барт*, 1996. С.234.), имеющее четкую адресность, обращенное к конкретной

которые могут возникнуть именно у этой части публики. Ассоциативные связи и составляют основное содержание означающего, которым становится первоначальное означаемое. В таком понимании миф по Барту очень близок коллективным представлениям Э.Дюркгейма, социальным представлениям С.Московичи, ментальности и уровню обыденного сознания тем, что он опирается на локальный общий опыт. Что прекрасно иллюстрируют примеры, анализируемые Бартом в его «Мифологиях», — все они принадлежат различным сферам массовой культуры, составляющей естественное содержание обыденного сознания, здравого смысла, социальных представлений носителей конкретной социальной группы.

Обобщая вышесказанное, можно выразить различия между мифом, обыденным сознанием и рациональным, научным знанием (теоретическим сознанием) как различия, определяемые характером знакового опосредствования. Обыденное сознание отличается от мифологического доминированием символа, что влечет за собой и специфику его основных свойств и функций. Соответствие между уровнем сознания, доминирующей формой репрезентации и особенностями результирующего образа мира представлены в таблице 1.

Уровень мифа ближе всего к уровню непосредственного восприятия, самой ранней стадии формирования мышления. Это уровень реального переживания, которое, как отмечал А.Ф.Лосев, всегда мифично именно потому, что противоречиво и может абсолютно свободно совмещать противоположность любви и ненависти, обиды и удовольствия от обиды (Лосев, 1991. С.26). Именно об этом говорил Фрейд, характеризуя содержание бессознательного, для которого не существует противоречий и амбивалентность желаний и чувств является естественной и единственной формой их существования.

Структура мифа отражает структуру нашего бессознательного, считает Леви-Строс, используя фрейдовское понимание бессознательного, но делая акцент на общечеловеческих его особенностях. «Термин “бессознательное” обозначает символическую функцию, отличительную для человека, но у всех людей проявляющуюся согласно одним и тем же законам и, в сущности, сводящуюся к совокупности этих законов» (Леви-Строс, 1985. С.181). Если в предсознательном, формирующемся при жизни, хранится вытесненный, недоступный сознанию опыт, то собственно бессознательное всегда остается пустым, лишенным образного содержания: «оно имеет такое же отношение к образам, как желудок к находящейся в нем пище. Бессознательное является инструментом с единственным назначением — оно подчиняет структурным законам, которыми и исчерпывается его реальность, нерасчлененные элементы, поступающие извне: намерения, эмоции, представления, воспоминания»

Таблица 1

Уровень сознания	Доминирующая форма репрезентации, доминирующая форма связи означающего и означаемого	Особенности образа мира
Миф (бессознательное)	Индекс	Слитность, неразделимость частного и общего, амбивалентность содержания и невозможность существования противоречий в данной системе репрезентации. Стремление к снятию противоречий как функция мифа.
Обыденное сознание	Символ	Многозначность. Расщепление первоначального единства мира, но «избыток возможностей», совмещение противоположностей — «и то, и другое одновременно». Противоположности не являются несовместимыми. Существует стремление к игнорированию несовместимости противоречий. На этом уровне расположена «точка выбора».
Рациональный уровень, рефлексивное сознание	Знак	Ориентация на однозначность, определенность понятий (терминов). Противоположности осознаются как несовместимые, «либо то, либо другое», выбор уже сделан. Стремление к построению непротиворечивой картины мира.

(Там же). А законы эти едины для всех, безразличны к материалам, которые они организуют, и весьма малочисленны.

Для уровня мифа характерна амбивалентность — одновременное существование противоположностей разного рода (когнитивных, аффективных). Так, при циклической организации времени конец и начало, жизнь и смерть едины и взаимозаменяемы. И в то же время, как показывает Леви-Строс, миф направлен на их преодоление.

Уровень мифа обладает максимально интересубъективной природой, превышающей (по К.Хюбнеру) интересубъективность рационального знания. На этой стадии еще чрезвычайно велика слитность индивида и группы, и значит мифологическое знание — единое для всех носителей мифологического сознания, индивидуальные вариации

ции маловероятны. На уровне мифологического сознания проблематично само существование автономной личности.

Уровень обыденного сознания характеризуется уже гораздо более высокой расщепленностью, проявляющейся и в разделении противоположностей в когнитивной сфере, и в разделенности индивида и социума. Присущая мифу амбивалентность невозможна на уровне обыденного сознания, но для него возможна высокая и не рефлекслируемая терпимость к противоречиям, игнорирование противоречий, что проявляется в одновременном существовании правильных и неправильных текстов, дающих прямо противоположные модели мира, воспринимающиеся как в равной степени правдивые. Для «практического сознания» характерна множественность интерпретаций, и «его нельзя надеяться исчерпать» в актах теоретической рефлексии, хотя можно не принимать во внимание, разрушая неповторимость вещей и событий (*Быстрицкий*, 1991. С.32). Противоречивость отражается, в частности, в дополнительных языковых картинах мира: антропоцентрической, сконструированной для человека и ориентированной на его нужды, и другой, непригодной для жизни. Правильные и неправильные тексты несовместимы друг с другом и находятся в отношениях дополнительности (Н.Бор), что позволяет учитывать реалии, не вписывающиеся в единый образ мира. Именно существование правильных и неправильных текстов составляет особенность структуры обыденного сознания.

Д.Майерс приводит результаты исследований, показывающих, что на уровне здравого смысла человек склонен оценивать взаимоисключающие суждения «народной мудрости» как верные. Как показывает представленная им подборка пословиц, в народном сознании мирно уживаются противоположные суждения типа «Ум хорошо, а два лучше» и, одновременно, «У семи нянек дитя без глазу»; «Невозможно научить старую собаку новым трюкам» и, вместе с тем, «Учиться никогда не поздно» (*Майерс*, 1997. С.40—45). В работе Ю.И.Левина, посвященной анализу смыслового пространства пословиц, так же отмечается: «Едва ли будет преувеличением сказать, что для большинства пословиц, значение и логико-семантическая форма которых допускают наличие антонима, такой антоним (или квазиантоним) действительно существует в пословичном фонде (и даже... не всегда единственен)» (*Левин*, 1998. С.489). Автор приводит многочисленные примеры типа «Свой хлеб приедчив. — Свой хлеб сытнее», «Чужая жена — лебедушка, а своя — польнь горькая. — Всякому мужу своя жена милее». Кроме того ряду пословиц свойственна гетероситуативность — один и тот же текст может применяться и в качестве констатации, выражающей определенную норму поведения, и в качестве осуждения. «Часто первый случай связан с применением пословицы к

себе (самооправдание путем ссылки на “всеобщий закон”), а второй — к другому» (*Левин*, 1998. С.495). Например — «Своя рожа чужой рожи дороже». Именно терпимость к противоречиям в противовес стремлениям к их избеганию С.Московичи считает отличительной чертой социальных представлений по сравнению с научными знаниями (*Московичи*, 1995. № 1. С.15). Эта особенность может быть чрезвычайно продуктивной, так как на самом деле она создает «точку выбора», в которой еще не известна окончательная истина и любой вариант представляется возможным, но при этом сами варианты имеют очень четкую форму и снимают тревожную неопределенность. Так, обычный человек в зависимости от обстоятельств может опираться на желательное для него мнение, подтвержденное «народной мудростью», но в любом случае это мнение будет выражено четко и однозначно. Многозначность и противоречивость обыденного сознания близки особенностям символа, обладающего диалогической природой (*Аверинцев*, *Бахтин* и др.) и имеющего возможности бесконечного развития заложенного содержания, что отрицается Бартом применительно к рассмотренным им фактам.

Диалогичность символа в качестве образующей обыденное сознание проявляется в значительной мере потенциально, как невозможность единственно правильного понимания и как возможность дальнейшего развития. Эта возможность в силу различных причин может быть не реализована, что позволяет устранять нежелательные фрагменты образа мира. Уровень символа, согласно теории психоанализа, соответствует уровню защиты: «...символ был однозначно определен как осознанное, а символизируемое — как неосознанное выражение одного и того же содержания душевного представления; и только после того, как первоначальное содержание представления ввиду “культурной” несовместимости изгоняется, вытесняется из системы сознательного, в психической системе возникает необходимость поместить на его место эрзац, который с одной стороны заполнит пустоту, а с другой стороны своей формой и появлением будет постоянно сигнализировать, что как раз на этом месте произошел конфликт» (*Орбан*, 1998. С.537).

При дальнейшем развитии форм отражения символизм разрушается, преодолевается свойственной знаковому уровню определенностью, завершенностью. Согласно М.К.Мамардашвили и А.М.Пятигорскому, высокий уровень рефлексии, свойственный культуре, несовместим с символизмом сознания. «Культура, как и язык, — в высшей степени формальны по отношению к сознанию: нечто от сознания попадает в культуру, подвергается тому, что можно назвать культурной формализацией, и становится само культурным формализмом...» (*Мамардашвили*, *Пятигорский*, 1997. С. 187).

Реально уровень обыденного сознания включает в себя разнородные элементы — и мифа, и научного знания. Природа обыденного сознания позволяет им мирно сосуществовать, образуя противоречивые сочетания. Искажения научных знаний, народная наука, как можно судить по работам С.Московичи, А.Ш.Тхостова, Ан Нгуен-Ксуан и других авторов, строятся по законам мифологического уровня отражения — по законам партиципации — по законам сходства, так же, как строится метафора. Нечто непонятое объясняется через известные модели, странное — через обычное: электричество течет — а значит, обладает и другими свойствами воды, болезнь — это грязь, а значит лечиться надо очищением. Но на уровне обыденного сознания они сосуществуют с другими научными знаниями, заимствуя у них как факты, так и способы объяснения. Тем самым обеспечивается место встречи разных форм репрезентации реальности.

Рассмотренные свойства обыденного сознания позволяют определить его основные функции.

1.5.3. ФУНКЦИИ РАЗНЫХ УРОВНЕЙ СОЗНАНИЯ

1.5.3.1. ФУНКЦИИ МИФА И РАЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ ОТРАЖЕНИЯ

Для определения функций обыденного сознания необходимо обратиться к мифологическому и рациональному уровням отражения. И миф, и рациональное отражение имеют во многом близкие функции, что основано на сходстве доминирующих средств репрезентации. И индекс и знак устроены так, чтобы указывать на максимально однозначное соответствие означающего и означаемого. И миф, и научное знание выполняют общую функцию, заключающуюся в снятии противоречия, как это убедительно доказывал Леви-Строс. «Логика мифологического мышления так же неумолима, как логика позитивного и, в сущности, мало чем от нее отличается.... В мифологическом мышлении работает та же логика, что и в мышлении научном, и человек всегда мыслил одинаково “хорошо”» (*Леви-Строс*, 1985. С.206—207). Далее мы будем рассматривать преимущественно функции мифа, имея в виду, что функции рационального уровня во многом аналогичны. Миф работает на устранение противоречий в когнитивной и социальной сфере.

Миф позволяет устранить противоречие в общей картине знаний о мире. На материале подробного анализа мифов К.Леви-Строс выделил и описал законы структурирования материала в мифе и показал

их функциональное значение. Оно, если максимально обобщать, заключается в том, что «миф обычно оперирует противопоставлениями и стремится к их постепенному снятию — медиации» (*Леви-Строс*, 1985. С.201). Мифическая мысль движется от фиксации противоположностей к прогрессирующему посредничеству, на что указывал и А.М.Пятигорский (1965), анализируя буддийскую мифологию. Глобальная противоположность, с которой сталкивается и не может справиться психика индивида — противоположность жизни и смерти — подменяется противоположностями растительного и животного царства, которые, в свою очередь, подменяются противоположностью употребления растительной или животной пищи. Это снятие никогда не бывает полным, что обуславливает бесконечное развитие мифа через повторение. Миф работает, преодолевая бинарную оппозицию путем выстраивания ряда связывающих/разделяющих медиаторов, объединенных с крайними членами оппозиции по аналогии, по сходству. «Мифология постоянно передает менее понятное через более понятное, неумопостижимое через умопостижимое и особенно трудноразрешимое через менее трудноразрешимое» (*Мелетинский*, 1995. С.169).

Ту же задачу решает и научная мысль, стремясь выразить неизвестное через известное, представить проблему как отдельные решаемые задачи и пр.

В социальной сфере основная функция мифа заключается в том, чтобы примирить человека с природой и обществом. По большому счету, утверждает К.Леви-Строс, миф направлен на преодоление глобальной оппозиции конечной жизни индивида и вечной жизни вида, включающей в себя и оппозицию индивида и рода в биологическом плане, и оппозицию индивида и общества в социальном (*Леви-Строс*, 1985). На уровне наиболее ранних мифов это противоречие решается через отождествление индивида с мифическим предком, через представление о цикличности времени, что позволяет видеть в смерти начало новой, все той же жизни. Можно предположить, что это противоречие не утратило своего значения и для современно-го человека, но продолжает существовать в иных формах.

Миф позволяет осуществлять адаптацию природного индивида к социуму, обществу. Как отмечает Е.М.Мелетинский, «мифологические символы функционируют таким образом, чтобы личное и социальное поведение человека и мировоззрение (аксиологически ориентированная модель мира) взаимно поддерживали друг друга в рамках единой системы... мифы и обряды обращены к индивидуальной психике человека главным образом в плане приспособления индивида к социуму, преобразованием его психической энергии на определенным образом понятую общественную пользу» (*Мелетинский*, 1995. С.169—179). Получается, что миф выполняет функцию своеобразной идеологии. Со-

отнесенность мира и человека в мифе имеет преимущественно социальный характер, отмечает Мелетинский. По своей природе «...миф антипсихологичен и нисколько не занят судьбами отдельных индивидов. И это вполне естественно для общества психологически и социально однородного, в котором, как в действительной жизни, так и в сознании людей, родовое начало решительно преобладает над индивидуальным и потому коллектив с относительной легкостью обуздывает всякую личную строптивость» (*Там же*. С.225).

Важнейшая функция мифа, по мнению Э.Кассирера, состоит в определении субъекта логического мышления. Категория личности, «Я» вычленяется лишь постепенно в результате взаимодействия внешнего и внутреннего мира и включения опосредующего звена в отражение действительности, что позволяет осознать промежуточные звенья между желанием и целью. «Осознание своей личности сопровождается, по Кассиреру, творение человеком мира и проецирование себя в этот мир» (*Там же*. С.52).

В интересной и своеобразной концепции мифа, предлагаемой А.М.Лобком, строящейся во многом «вопреки» существующим научным взглядам, понимание функций мифа тем не менее не идет вразрез с перечисленными. «Миф в человеческой культуре объективно исполняет ту роль, которую в живом мире исполняет генетический код: роль высшего регулятора порядка» (*Лобок*, 1997. С.98). Миф — это то, что спасает человека от свободы, устраняя неопределенность в условиях выбора. Это достигается за счет определенной «слепоты», сужения сферы обзора до одной точки. Выступая регулятором порядка, миф обеспечивает человека лично значимой картиной мира, особенностью которой является ее принципиальная единичность. Миф для носителя мифа всегда существует в единственном числе. Позиции другого мифа, другого взгляда на жизнь признаются заведомо ложными и недопустимыми, отмечает А.М.Лобок (1997. С.113). Таким образом мифический мир не только лишен внутренних противоречий, но и делает невозможным обнаружить внешние противоречия с другими мифическими мирами.

Функции рационального уровня отражения заключаются также в создании непротиворечивой картины мира, накоплении максимально объективных сведений. Кроме того, эта картина должна позволять максимально успешно решать конкретные практические задачи. Знание законов физического мира не только позволяет непротиворечиво объяснить отдельные факты, но и строить дом. Для этого научные знания должны быть максимально точными, однозначными.

Но и мифа, и науки недостаточно для успешной адаптации. Преодоление противоречий между индивидом и родом приводит к поглощению его индивидуальности обществом. В пределе это могло бы при-

вести к нивелированию индивидуальности. Миф, даже самый прочный, в отличие от генетического кода, нельзя считать жестко запрограммированным, «и каждый человек в течение своей жизни многократно корректирует и изменяет свои мифологические координаты» (Лобок, 1997. С.98). Научные знания, имеющие вид четких законов, на самом деле всегда ограничены и никогда не могут быть полностью истинными.

1.5.3.2. ФУНКЦИИ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ

Главная выделенная особенность обыденного сознания — его незавершенный, диалогический характер, что служит противовесом стремлению к однозначности ниже- и вышележащих уровней.

Исходя из того, что функции мифа и рационального знания заключаются в снятии противоречий, построении непротиворечивой картины мира и формировании социального единства, функции обыденного сознания можно определить следующим образом: 1. По отношению к особенностям отражаемой информации — это расщепление амбивалентности образов, принадлежащих нижележащим уровням (бессознательного, мифа) и фиксация противоположностей, а значит и обеспечение устойчивости к противоречиям. 2. По отношению к выше- и нижележащим уровням отражения — это осуществление контакта между выше- и нижележащими уровнями, обеспечение автокоммуникации системы. 3. По отношению к самой личности как члену социума — это обеспечение условий формирования субъектности, автономии личности (обеспечение условий личностной автономии без потери связи с социумом).

1. Расщепление

Функции обыденного сознания в формировании картины мира (в семиотическом плане) заключаются в расщеплении амбивалентности, присущей мифу и бессознательному, и преодолении завершенности научного знания.

На уровне мифа и бессознательного противоположности существуют в динамическом единстве, стремясь к уничтожению различий. Обыденное сознание через механизм перевода в знаковую символическую систему позволяет развести и зафиксировать противоположности без их взаимоуничтожения. Таким образом между ними устанавливается большая дистанция и обеспечивается их сохранение. Расщепление амбивалентности позволяет построить на уровне обыденного сознания противоречивую картину мира и удобно ею пользоваться. Формируется картина мира, соответствующая принципу дополнительности Н. Бора. Суждения «Это есть А» и «Это есть не А» в

1.5. Обыденное сознание как пространство диалога

такой картине истинны одновременно, но их противоположность, взаимоисключаемость не осознается. Они существуют как бы в разных мирах, примерами которых могут служить правильные и неправильные тексты. Но если в современной науке такое положение вещей становится предметом анализа (попадает в сферу внимания), то на уровне обыденного сознания противоречивость как правило не рефлексируется. Для научного знания допущение противоречивых суждений — проблема, требующая специального рассмотрения. Имре Лакатос, анализируя принцип дополнительности Бора и отмечая его эвристический характер, в то же время предлагает не забывать, что «непротиворечивость — в точном смысле этого термина — должна оставаться важнейшим регулятивным принципом ... обнаружение противоречий должно рассматриваться как проблема. Причина роста. Если цель науки — истина, наука должна добиваться непротиворечивости...» (Лакатос, 1995. С.98) В пределе для противоречивых суждений находится теория, снимающая противоречие.

Терпимость к противоречиям, неоднозначность и незавершенность обыденного сознания как уровня отражения позволяют осуществлять диалогическое взаимодействие различных форм психического отражения.

Существование противоречий разного рода играет важную роль в адаптации человека и общества. Оно и обеспечивает поддержание стабильности, и дает возможность дальнейшего развития. Сохранению стабильности способствуют правильные тексты, а изменчивости, развитию — неправильные.

2. Контакт, диалогическое взаимодействие

Особенности обыденного сознания (символический характер отражения, метаязыковая природа (Р. Барт), устойчивость по отношению к противоречиям) определяют его диалогический, незавершенный характер, соответствующий диалогическому характеру символа, что обеспечивает контакт рационального и мифического уровней отражения: 1) в когнитивной сфере, в области знаний о мире, 2) в социальной сфере, в области ценностей рода и индивида, места человека в мире; 3) в эмоциональной сфере.

Процесс перевода, взаимодействия разных уровней сознания играет важную роль в стабилизации уже существующего образа мира, социальных связей, социальных структур и приемлемого образа самого себя.

1. Представление о физической реальности, о пространстве и времени, существующие в современной физике, противоречат здравому смыслу, не согласуются с обыденным сознанием. Контакт научных знаний о мире с мифологическими представлениями осуществляется

На уровне обыденного сознания, что сопровождается их качественными изменениями. Движение осуществляется «в обе стороны» — от научного объяснения к обыденному сознанию и от обыденного сознания к науке. Факты, для понимания которых требуется специальная подготовка, преобразуются и объясняются «по-простому», что неизбежно искажает их. В этом есть смысл, так как иначе ликвидировать разрыв между фундаментальной наукой и образом мира человека «с улицы» просто невозможно. А искаженные, «опрошенные» знания такую связь устанавливать. Рассмотренный выше нерациональный характер обыденного сознания отражает стремление субъекта подчинить, приспособить объективное, внеличностное знание своим интересам. Например, говоря об объективно существующих пространстве и времени, современный образованный человек соотносит их прежде всего с собой, создавая антропоцентрическую картину мира, противоречащую его же собственным рациональным знаниям. В обыденном сознании, как свидетельствуют лингвисты, через языковую организацию неявно присутствует цикличность времени, помогая структурировать собственную жизнь. В то же время происходит и обратное движение. «Человеческая способность к систематизации и фиксации смыслов закрепляет результаты культурных редукций фактов сознания, но одновременно с этой способностью должны существовать способности и силы, задача которых — противостоять культурным формализациям» (*Мамардашвили, Пятигорский, 1997. С. 187*). Представ-

ления обыденного сознания, обыденное понимание включается в научную картину мира, как показывают работы многих отечественных и зарубежных авторов (*Московичи, 1995; Юревич, 1993; Черняк, 1994* и др.). «Натуральная логика» проникает в научное мышление, стоит за его гносеологическими «ошибками», которые могут приводить к научным открытиям. Свидетельство тому — многочисленные научные открытия, совершенные под влиянием обыденных представлений, перенесенных в науку, как отмечает А.В. Юревич (1993. С. 167).

С.Московичи, анализируя содержание социальных представлений, говорит о постоянно совершающемся движении, обмене между научными знаниями и знаниями «здравого смысла». Он отмечает, что происходит регулярный «подъем» мышления от восприятия к разуму, от конкретного к абстрактному, от «примитивного» к «цивилизованному», что связано с преодолением связи с контекстом, и «опускание», «когда наши знания и речь контекстуальны и циркулируют в обществе... Изменения и преобразования постоянно свершаются в обоих направлениях, представления сообщаются между собой, соединяются, разделяются, вводя множество новых высказываний и новых приемов в их повседневное и спонтанное использование» (*Московичи, 1995. №2. С.6*).

По мнению Московичи, мотивом, по которому мы формируем социальные представления, может быть желание свыкнуться со странным. «Это попытка перекинуть мост между странным и обычным ... в той мере, в какой странное предполагает коммуникативный дефект и внутри группы, и с миром... возникает ощущение, что оно больше не пригоняется к матрице совместной жизни, не согласуется с нашими отношениями с другими. Чтобы справиться с какой-то идеей или странным образом, их начинают закреплять в существующих социальных представлениях и именно в ходе этого закрепления они преобразуются» (Московичи, 1995. № 2. С. 10). Нечто противоречащее сложившейся системе знаний ассимилируется и встраивается в уже известную картину мира как непротиворечивый элемент.

1. Предметом перемещения могут быть не только научные факты, но и система ценностей, идеология. Процесс «опускания», «снижения» идеалов описан М.М.Бахтиным как процесс карнавализации. Во время средневековых карнавалов и еще более ранних сатурналий содержание «официальной культуры», религиозные догмы так же подвергались «снижению» через осмеяние, пародирование, перевод на язык «телесного низа». Механизмом снижения образов был перевод в другую знаковую систему — абстрактные понятия переводились в систему конкретных образов, что приводило к изменению первоначального смысла. «Ритуальный смех был направлен на высшее: срамословили и осмеивали солнце (высшего бога), других богов, высшую земную власть, чтобы заставить их обновиться» (Бахтин, 1979. С. 146). В результате же преодолевался разрыв между содержанием «официальной культуры» и смысловой сферы личности. Осмеянные и сниженные ценности становились более близкими и понятными, а соблюдение норм, которые были отвергнуты и разрушены во время карнавала, — более естественным. Эффект карнализации наблюдается в создании анекдотов о популярных личностях, осмеянии «высоких истин». Но анекдоты либо рассказывают о тех, кто действительно популярен и хоть в чем-то вызывает симпатию или уважение, либо позволяют примириться с существующим положением вещей, сделать его более терпимым.

2. Амбивалентность свойственна не только знаниям о мире, но характеризует и чувства человека. В то же время эти противоположные чувства, как показывает практика психотерапии различных направлений, далеко не всегда осознаются. Обыденное сознание выполняет функцию защиты, давая возможность проявлять противоположные чувства, суждения, но игнорируя при этом их противоречивость. Тем самым создается пространство свободы, неопределенности, которое не ощущается личностью как дискомфортное: «Я ругаю ребенка, потому что люблю его». В некоторых случаях оно может препятствовать

развитию, но, создавая приемлемый уровень безопасности, позволяет и осознавать отдельные элементы содержания и, значит, делает возможным и дальнейшие изменения.

3. Автономия

К.А.Абульханова-Славская указывает на основную функцию индивидуального сознания, заключающуюся в обеспечении самоопределения, индивидуального способа жизни личности в обществе, осознания ее жизненного пути (*Абульханова-Славская*, 1991. С. 194). Представляется, что значимый вклад в выполнение этой функции вносят особенности обыденного сознания.

Если функция мифа в социальном плане, как показывают работы К.Леви-Строса, Е.М.Мелетинского, К.Хюбнера и других исследователей, заключается в обеспечении группового единства, подчинении индивида социуму, то функция обыденного сознания состоит в предоставлении индивиду автономии за счет «пространства свободы», неопределенности. Это пространство формируется путем расщепления амбивалентности и построения противоречивой картины мира. Такое пространство создается как в межличностной сфере, так и во внутриличностной, позволяя существовать противоположным сообщениям, противоречивой информации.

Особое значение имеет обыденное сознание для поддержания контакта между личностью и социумом, ценностями индивида и ценностями рода. На уровне мифологического мышления происходит максимальное подчинение индивида родовому сознанию (*Мелетинский*, 1995; *Асмолов*, 1996). Индивидуальная жизнь при этом размещается в пространстве повторяющихся событий, закрепленных в системе традиций. Уровень письменной цивилизации также требует от индивида подчиненности нормам, в том числе правовым. И традиции, и цивилизация освобождают личность от власти инстинктов, способствуют преодолению биологического ради социального. В то же время и уровень мифа, и уровень культуры предполагают соблюдение правил, что задает пределы субъекта, оставляя, при условии следования им, мало пространства для самоопределения. Ю.Шрейдер (1979) рассматривает ритуал как пространство свободы, позволяющей личности избежать ситуативного выбора, не брать на себя ответственности в определенном роде жизненных эпизодах. Такое самоопределение на самом деле проблематично, так как самоопределяться приходится с опорой на закрепленные в дискурсе понятия. Обыденное сознание дает возможность, не вступая в конфликт с принятыми в обществе ценностями, «расчистить место для себя», не подчиняться принятым нормам, но и не отвергать их. Общество развивается в направлении большей автономии личности. Но в процессе развития автономия формируется и с опорой на «некраси-

вые», эгоистичные действия, в которых утверждается большая ценность личности по отношению к обществу.

Никакая идеология не может без искажений приниматься обыденным сознанием. Обыденное сознание позволяет адаптировать любую идеологию к жизни, найти в ней место реальным человеческим потребностям и слабостям, и тем самым в конце концов разрушить ее, что бы на ее месте была создана новая. Но при этом человек может искренне верить, что эту идеологию он принимает, и чувствовать себя комфортно. В результате формируется надежная конформистская позиция, позволяющая не вступать в конфликт с обществом, не ощущать противоречий и, вместе с тем, обладать определенной свободой от общества. Однако эта конформистская позиция с двумя типами ценностей — общественных и индивидуальных, сосуществующих в противоречии, но не уничтожающих друг друга, позволяет, в случае необходимости, в проблемных ситуациях, осознать их противоречие и сделать выбор. Это было бы невозможно при полной подчиненности идеологии.

Наличие противоположных суждений здравого смысла позволяет выбирать то, которое подходит в данный момент, снимая индивидуальную ответственность, позволяя подкреплять выбор общим мнением, народной мудростью. В результате достигается вариативность поведения и мнений, позволяющая преодолеть давление единого мифа, но сохранить для индивида ощущение общности с другими. Перефразируя Московичи, можно сказать, что мотивом, по которому мы используем обыденное сознание в социальном плане, выступает желание замаскировать свою индивидуальность (желание заставить других свыкнуться с нашей странностью, особенностью), но не отказаться от нее.

Контакт, взаимодействие человека и общества осуществляется через сосуществование противоречий, в том числе — между ценностями рода и индивида, не вытесняя один из членов оппозиции. А значит и позволяет осуществлять контакт между взаимоисключающими членами оппозиции без их нейтрализации. Форма сосуществования ценностей рода, социума и индивида, субъекта — это правильные и неправильные тексты. Правильные тексты утверждают ценности рода, общества, стабильности, а неправильные — ценности индивида, автономности, изменчивости.

Обыденное сознание, занимающее промежуточное, пограничное положение, что обеспечивает возможность контакта, взаимодействия индивидуального и общественного опыта, смысла и значения, выполняет основную функцию, заключающуюся в выделении на уровне субъекта индивидуального Я без утраты связи с видом — в формировании субъектности. Субъектность с этой точки зрения понимается

как активность по отношению к дискурсу, как процесс преодоления означенности.

Более подробно проблема формирования субъектности и автономности личности будет рассмотрена в 3 главе.

Выводы

Сознание представляет собой многоуровневую гетерогенную структуру, соотносимую со структурой знака. В психике человека, в индивидуальном сознании присутствуют элементы всех уровней — мифа, обыденного сознания, рационального знания, выполняющие собственные функции. Механизмом развития сознания (и механизмом формирования личности, формирования субъекта) является взаимодействие между разными уровнями сознания, диалог, в процессе которого происходит изменение, трансформация исходного содержания. Диалог осуществляется при передаче информации, выраженной в носителях различной природы. Диалогическая природа индивидуального сознания, как предполагается, в максимальной степени реализуется через уровень обыденного сознания.

Проведенный анализ позволяет определить обыденное сознание как уровень индивидуального сознания, составной элемент сознания, занимающий положение медиатора по отношению к общественному и индивидуальному сознанию, по отношению к бессознательному рефлексивному сознанию, по отношению к мифологическому отражению и рациональному, научному знанию. Доминирующей формой опосредствования отражения на уровне обыденного сознания можно считать символ, что обеспечивает терпимость к противоречиям, возможность диалогического взаимодействия и развития.

Предложенная модель структуры обыденного сознания включает в себя образы правильного мира, утверждающего ценности стабильности, ценности социума и неправильного, утверждающего ценности развития, ценности индивидуальности. Определены функции обыденного сознания, которые: а) по отношению к особенностям отражаемой информации заключаются в расщеплении амбивалентности нижележащих уровней (бессознательного, мифа) и фиксации противоположностей, а значит и терпимость, толерантность к противоречиям, б) по отношению к выше- и нижележащим уровням отражения — в осуществлении контакта между ними, обеспечении автокоммуникации системы, в) по отношению к самой личности как члену социума — в обеспечении условий формирования субъектности, автономии личности (обеспечение условий личностной автономии без потери связи с социумом).

Глава 2

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗОВ «ПРАВИЛЬНОГО» И «НЕПРАВИЛЬНОГО» МИРА

2.1. ЭТНОЦЕНТРИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ АРХАИЧЕСКОГО УРОВНЯ СОЗНАНИЯ

Этноцентризм — представление о том, что «наши всегда лучше», — достаточно устойчивый элемент обыденного сознания, имеющий опору в глубинных, архаических пластах психики.

Термин этноцентризм в узком смысле используется для характеристики отношений между этническими группами, а в более широком — между группами вообще. Смысл этноцентризма заключается в разделении людей на «своих» и «чужих» и проявлении преимущественно позитивного отношения к своим и негативного к чужим.

Феномен этноцентризма служит предметом исследования социальной психологии и психологии личности (через механизмы социальной идентификации). В социальной психологии существуют убедительные концепции этноцентризма, описывающие феномены группового фаворитизма, межгрупповой дискриминации и пр. Согласно модели социальной идентификации Г.Тэддфела и Дж.Тернера, через групповое членство человек реализует базальную потребность в самоуважении и потому склонен стремиться принадлежать к хорошей группе. А если принадлежность уже задана, то — считать свою группу хорошей, самой лучшей.

Значимость этноцентризма определяется общими законами становления самосознания группы и личности. Известно, что в истории человечества категория Я появляется позже категории Мы, а категория Мы — позже Они (*Поршнев, 1979, Мухина, 1985* и др.). Формирование родового сознания первобытного общества предшествовало формированию индивидуального. А родовое сознание, в свою очередь, формируется на противопоставлении своих чужакам, другом

группе. Б.Ф.Поршневу, анализируя грамматику языков мира, пришел к выводу о первичности категории «Они» по отношению к «Мы». «Материал не только из истории первобытного общества, но и из истории разных эпох иллюстрирует, что может подчас быть очень слабо выражено или вовсе отсутствовать сознание «мы» при ясно выраженном сознании, что есть «они». «Они» — это «не мы», и наоборот: «мы» — это «не они». Только ощущение, что есть «они» рождает желание самоопределиться по отношению к «ним», обособиться от «них» в качестве «мы»» (Поршнев, 1979. С.84). Как подчеркивает Б.Ф.Поршнев, тенденция формирования образа «мы» позднее образа «они» универсальна, она присутствует всегда, в любых группах и на любом уровне взаимодействия.

При этом «мы» рассматриваются как носители естественной нормы, в противопоставлении к «они» как к чему-то не нормальному. Самоназвание многих племен, находящихся на ранних стадиях развития, переводится как «люди», «человеки», в то время как иные племена называются «не люди», «варвары» — не умеющие говорить, не знающие речи, или вообще существа демонической природы (Иванов, Топоров, 1965). Для нас, как показывают исследования, сохраняется связь оценки степени опасности с оценкой степени близости. В.С.Агеев приводит данные о результатах исследования этнических стереотипов с использованием метода семантического дифференциала. По его данным наибольшую положительную корреляцию среди 10 выделенных факторов имеют факторы «Близость» и «Безопасность» (Агеев, 1990. С. 146). Это значит, что чужие, далекие для нас остаются, на уровне обыденного сознания, опасными.

Этноцентризм — вполне нормальное явление, он вырастает из потребности в социальной идентичности, которая, по мнению Э.Эриксона, в свою очередь заложена ходом социогенетической эволюции человека. У людей, утверждал Эриксон, есть потребность, не присущая больше ни одному природному виду и не существующая у человечества в целом, — «это потребность чувствовать, что они представляют некоторый особый род (клан или нацию, класс или касту, семью, профессию или тип), чьи знаки отличия они будут носить с тщеславием и убежденностью и защищать (наряду с экономическими требованиями и т.п.) от других, иностранных, враждебных и уже потому как бы не вполне человеческих родов» (Эриксон, 19965. С.247). Однако это может приводить к патологическим явлениям. «Человек как биологический вид выжил, будучи подразделен на группы, которые я называю псевдовидами. Сначала такими псевдовидами были отдельные стаи или племена, классы, нации, но затем и каждое религиозное сообщество стало считать себя единственным настоящим представителем человечества, а всех остальных — странным и непо-

2.1. Этноцентризм как проявление архаического уровня сознания

приятным изобретением какого-нибудь незначительного божка» (*Там же*. С.50). При формировании собственного приятного и ценного образа другие группы должны были выполнять функцию экрана, на который проецировались негативные модели идентичности — модели «не Мы», считает Эриксон.

Анализ понятия показывает, что категория этноцентризма относится к числу наиболее архаических и присутствует в сознании современного человека как след более раннего уровня развития, когда индивидуальное сознание было еще не полностью выделено из общественного. Данная категория лежит у истоков формирования личности, субъектности, когда индивидуальное сознание уже начинает выделяться и, в то же время, в очень большой степени нагружено не рефлекслируемыми социальными связями. Субъект осознает себя как отдельную личность, но эта отдельность еще опирается прежде всего на принадлежность к группе. Однако, как показывают экспериментальные исследования и происходящие в мире события, этноцентризм как категория восприятия себя и других не утратил значимости и в настоящее время. Если в определенных условиях — экспериментальных или созданных жизнью — данная категория актуализируется, становится доминирующей, то можно предположить, что в обычных ситуациях она также существует, но в латентном, неявном виде, определяя восприятие себя и других людей.

Формирование чувства «мы» предшествует формированию «я» и в онтогенезе. Ребенок лишь постепенно учится выделять себя как самостоятельное существо.

Конкретные проявления этноцентризма стали предметом многочисленных эмпирических и теоретических исследований, ставших особенно актуальными в отечественной психологии в настоящее время (*Агеев*, 1990; *Мухина*, 1994; *Соснин*, 1997; *Лебедева*, 1989, 1996 и др.). Существуют работы, демонстрирующие зависимость уровня этноцентризма конкретных этнических групп от изменения статуса ин-группы и других факторов. В частности, чем ниже ощущается статус собственной группы, тем сильнее, в соответствии с положением Э.Эриксона, проявляется этноцентризм.

Лабораторные и естественные эксперименты показывают, что межгрупповая дискриминация, внутригрупповой фаворитизм и пр. появляются не только в естественных, но и в искусственных группах при наличии минимального группового противопоставления. Частота его проявления и филогенетические корни позволяют предполагать его существование как параметра обыденного сознания.

Теоретический анализ понятия и результатов многочисленных исследований позволяет предположить, что феномен этноцентризма как элемент социальной перцепции существует в обыденном созна-

нии и независимо от реального (естественного или искусственного) деления на группы. Воспринимая других людей, мы стремимся оценивать их как своих — хороших, или чужих — плохих, а реальное объединение в искусственные или естественные группы позволяет этому стремлению реализоваться.

Понимание этноцентризма как категории обыденного сознания делает возможным использование для изучения его структурных и содержательных особенностей метод личностного семантического дифференциала вне реального деления на группы. В обыденном сознании существует предрасположенность, начальная готовность к делению людей на своих и чужих, существуют стереотипы своих хороших и чужих плохих.

При построении личностных семантических пространств в известных автору исследованиях не ставилась специальная цель анализа этноцентризма как самостоятельного фактора. Но полученные данные показывают значимость противопоставления своей этнической и профессиональной группе — другой по факторам, имеющим оценочный смысл. Так, при оценке профессиональных стереотипов отмечено наличие тенденции «неприятия, или, говоря более мягко, чуть более негативного отношения к представителям близких наук» (*Петренко, 1997. С.250*), и позитивного отношения к собственной профессиональной группе.

2.2. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНОЦЕНТРИЗМА

Гипотезу данной части исследования составили предположения:

1. В структуре факторов семантического пространства, построенного при использовании личностного семантического дифференциала, существует значимый фактор, объединяющий общую оценку объектов с оценкой субъективной близости; 2. Фактор этноцентризма задает структуру семантического пространства, формирующего образ правильного и неправильного мира.

Методика и испытуемые. Исследование проводилось в 1996—97 годах. В качестве испытуемых выступали студенты различных вузов города Ставрополя, преподаватели вузов, слушатели воскресной православной школы «Умная молитва», работники системы образования, солдаты срочной службы. Всего 548 человек, 143 мужчины и 405 женщин.

Результаты отдельных фрагментов исследования подробно изложены в наших работах (Анализ результатов различных вариантов фак-

торного вращения ролевого семантического дифференциала, 1996; Этноцентризм как элемент семантической структуры обыденного сознания, 1997; Простые и сложные образы в структуре обыденного сознания, 1998; Обыденное сознание: структура и функции, 1998.)

Набор шкал составляли денотативные признаки — личностные характеристики, и коннотативные — типа *черный, белый, колючий* и пр. При выборе шкал были использованы наиболее частотные прилагательные, употребляемые для характеристики себя и других людей, представленные испытуемым на предварительной стадии работы. Кроме того, мы ориентировались на результаты факторизации 1650 личностных прилагательных, представленных А.Г.Шмелевым, и задачи исследования. Во всех случаях в качестве шкал использовались наречия *близкий, далекий, чужой*.

Сложность подбора коннотативных шкал заключается в том, что большая часть прилагательных, имеющих метафорический характер, широко используется в языке для описания людей. Про человека можно сказать «железный», «мягкий», «сухой» — и это будет привычный термин.

Предметом анализа результатов применения метода семантического дифференциала могут быть как индивидуальные, так и групповые, общие семантические пространства. Групповые матрицы строятся путем суммирования индивидуальных результатов. При этом частные различия неизбежно нейтрализуются и явным становится «общий для всех смысл», делающий возможным общение в социуме. Именно этот уровень представляет особый интерес при реконструкции обыденного сознания, отражая содержание «общественного значения» использованных языковых единиц.

Объектами оценки служили ролевые позиции — я; мама; папа; я через 15 лет; я в детстве; человек, достигший успеха; человек, который на меня не похож; человек, который не нравится; человек, которого жаль; идеальная женщина; идеальный мужчина; счастливый человек; авторитетный человек; интеллигентный человек; типичный человек нашего общества. Использование нейтрального набора объектов позволяло строить различные оппозиции по половому, возрастному и другим признакам, но и не навязывало обязательного деления на своих и чужих.

Обработка результатов проводилась по программе центроидного факторного анализа из пакета программ Statistica и последующим вращением.

При анализе полученных данных были выделены феномены, имеющие отношение к составу значимых факторов, к особенностям распределения шкал в факторном пространстве и особенностям расположения в данном пространстве отдельных объектов.

Состав значимых факторов

Полученные в результате факторизации групповой матрицы первые два фактора можно интерпретировать как: 1. фактор «Оценки», имеющий выраженный смысловой оттенок этноцентризма, и 2. фактор «Адаптированности» или «Силы».

В состав фактора «Оценки» или «Этноцентризма» (34 % общей дисперсии) вошли шкалы: близкий .95, добрый .91, надежный .85, знакомый .82, мягкий .81, белый .80, открытый .80, приятный .80, теплый .79, нравственный .78, откровенный .76, сладкий .72, естественный .72, свежий .67, простой .65, общительный .59, красивый .59, русский .55 и, с противоположным знаком, далекий —.89, холодный -.86, лицемерный —.81, скрытный —.80, черный -.80, хищный —.79, эгоист —.76, сухой —.78, хитрый -.77, угловатый —.76, опасный -.75, чужой -.75, злой -.74, глупый -.71, печальный -.72, острый -.70, непрактичный -.68, тяжелый —.61, сжатый —.61.

Параметр оценки включает в себя шкалы, указывающие на непосредственно-чувственные аспекты восприятия, имеющие отношение к физическому комфорту/дискомфорту — *мягкий, белый, сладкий, теплый*, в противоположность шкалам *сухой, острый, сжатый, черный, угловатый, холодный*. Эти признаки объединяются с прилагательными, связанными с морально-нравственной оценкой — *скрытный, хитрый, хищный, лицемерный, опасный, злой*, в противоположность шкалам *простой, откровенный, добрый, нравственный, приятный*. Нужно отметить, что особенно значимы по фактору качества, относящиеся к количеству и качеству предъявляемой о себе информации. Если информации мало или она сомнительна, то образ воспринимается как далекий, опасный, хищный. В итоге представления о межличностной дистанции совмещаются, «склеиваются» с нравственной оценкой — по типу «скрытный, значит непонятный, значит плохой».

Общий смысл выделенного во всех выборках фактора можно считать соответствующим понятию этноцентризма. Полученные данные согласуются с известными положениями Г.Тэдджела о стремлении человека поддерживать представление о превосходстве группы, к которой он принадлежит, по сравнению с другими группами.

Содержание выделенного фактора несет в себе явные следы архаического мировосприятия. «Оценка “чужих” как враждебных и опасных для человека существ восходит к архаическим верованиям о том, что все пришедшие извне и не принадлежащие ближайшему сообществу люди являются представителями иного мира и наделяются сверхъестественными свойствами» (Виноградова, 1995. С.17). В работе Л.Н.Виноградовой показано, что признаками, позволяющи-

ми отличить человека от «не человека», нечистой силы считались, кроме отдельных деталей внешности, молчаливость, угрюмость, неприветливость, замкнутость, нелюдимость, холодность — именно те признаки, которые близки по смыслу отрицательному полюсу фактора.

Неслучайный характер выделенного фактора косвенно может быть подтвержден, в частности, близостью результатов фактору «Моральности», полученному Б.Д.Нанеишвили (1995) при изучении восприятия ведущих программ молодежной аудиторией. Шкала «*свой—чужой*» имела значимую нагрузку по фактору, включающему в себя шкалы «*порядочный—бессовестный*», «*добрый—злой*».

Другой значимый фактор «Адаптированности» (27 %) близок по смыслу фактору «Силы» общего, универсального осгудовского набора, фактору «Твердости» осгудовского личностного семантического дифференциала, фактору «Силы», выделенному В.Ф.Петренко при оценке портретов по шкалам, образованным «личностными» прилагательными и пр.

Фактор включает в себя следующие шкалы: опытный .88, твердый .85, авторитетный .81, прочный .81, стабильный .80, сильный .80, осмотрительный .75, интеллигентный .73, умный .71, сексуальный .71, свободный .67, глубокий .67, индивидуалистичный .65, уравновешенный .66, быстрый .63, ровный .62, гордый .62, блестящий .59 и, с противоположным знаком, наивный —.89, беззащитный —.86, зависимый —.84, хаотичный —.80, доверчивый -.74, хрупкий —.70, изменчивый —.66, дикий —.61, тихий —.61, обычный —.59, угловатый -.57.

Полярными по фактору во всех случаях являются: на положительном полюсе — «человек, достигший успеха», реже «я через 15 лет», и на отрицательном — «человек, которого жаль», «я в детстве».

Семантическое пространство, образованное сочетанием двух данных факторов, задает описанные выше образы правильного и неправильного мира. Пространство, заданное одноименными полюсами факторов, сочетающее положительную моральную и эмоциональную оценки с положительной оценкой силы и адаптивности соответствует образу «правильного» мира, а образованное разноименными полюсами — образу «неправильного» мира.

Состав шкал, входящих в оба фактора, не является специфическим, описывающим только одно качество. Так, в один фактор входят качества *интеллигентный, сексуальный, осмотрительный*, относящиеся, казалось бы, к разным сторонам личности. При такой структуре семантического пространства отдельная шкала, отдельный признак выступает носителем нескольких смыслов: так, угловатый — это не только слабый, но и плохой, чужой. Данный эффект получен и в ре-

зультатах исследований И.М.Поповой (Попова, 1991), которая отмечает тесную корреляцию социальных представлений друг с другом — т.е. объединение суждений об отдельных сторонах действительности в единый блок. Это объединение определяется, как показывает анализ, прежде всего настроениями респондентов, их удовлетворенностью жизнью и пр. Т.е. связь отдельных сторон знаний о действительности определяется, на уровне обыденного сознания, прежде всего общим отношением к ней. В нашем случае имеет место тот же эффект, состоящий в снижении размерности семантического пространства.

В.Ф.Петренко (1997) указывает, что такое объединение отдельных признаков в единый фактор свойственно детям, для которых сказочный герой если хороший, то сильный и смелый. С возрастом происходит дифференциация отдельных признаков, увеличение их независимости друг от друга. Объединение разных шкал в один фактор в наших данных связано, скорее всего, с большим количеством идеальных объектов — однозначно плохих и однозначно хороших. Так, можно предположить, что для большинства испытуемых идеальный мужчина получает высокую оценку и по шкале *добрый*, и по шкалам *сильный* и *умный*, что в результате и дает объединение признаков в один фактор.

Полученные факторы близки по общему смыслу и двухфакторной модели межличностных отношений Лири, включающей в себя параметры Доминантность (Сила) и Дружелюбие (Альтруизм, Моральная оценка). Использование двух основных параметров — весьма распространенная стратегия обыденного сознания.

Выделение двух наиболее значимых факторов совпадает с результатами масштабных исследований А.Г.Шмелева (1994), который при работе с несколькими десятками биполярных и униполярных шкал получал, как на материале суждений о семантическом сходстве слов, так и на материале атрибуции черт реальным людям, устойчивую интерпретацию 2-х главных осей. «Первая ось репрезентирует моральную оценку (дружественность — враждебность, социально-одобряемое поведение, аффектотимичность и т.п.), вторая ось — деятельностную, прагматическую оценку (у разных авторов иногда сливаются, иногда дифференцируются “интеллектуальная” и “прагматическая” оценки, у Лири на этом месте мы находим межличностную доминантность, но так или иначе сюда относятся качества, предопределяющие способность к деловому лидерству)» (Шмелев, 1994. С.90).

В нашем случае специфика выделенных факторов состоит в устойчивом объединении шкал эмоциональной оценки со шкалами, описывающими степень субъективной близости. Представляется, что данная особенность позволяет раскрыть дополнительный аспект в понимании природы отмеченной многими авторами инвариантности.

2.2.1. СТРУКТУРА СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

При анализе полученного семантического пространства была выделена закономерность, заключающаяся в том, что шкалы распределяются между факторами не равномерно, а образуют симметричные скопления в одних секторах, в то время как другие остаются относительно пустыми.

Такое распределение показывает, что большая часть шкал имеет нагрузку по обоим факторам и связана сразу с двумя смысловыми параметрами.

Относительно пустое пространство на рисунке можно интерпретировать как дефицит средств описания, означивания для сочетания данных смыслов — например, слабого, неадаптированного и своего-хорошего, а следовательно слабую разработанность в языке, и, вероятно, слабую закрепленность в дискурсе, в системе языковых значений образа «неправильного» мира для данных объектов оценки. Это значит, что на уровне существующих в языке стереотипов маловероятным представляется сочетание качеств *добрый*, *откровенный* и *зависимый*, *слабый*, что подтверждают данные исследований социальной психологии, показывающие существование в обыденном сознании «веры в справедливый мир». Образ «правильного» мира имеет большую закрепленность в языке и потому более доступен анализу.

Данный эффект близок описанной Д.Пибоди четырехполюсной модели личностных черт. Согласно его исследованиям, личностные прилагательные содержат дескриптивный компонент содержания (описание конкретного качества) и оценочный. Например, прилагательное «скупой» включает в себя указание на определенную черту характера, касающуюся отношения к собственности и неодобрительную оценку, а прилагательное «бережливый» или «экономный» указывает на сходную личностную особенность с положительной оценкой. А.Г.Шмелев (1994), анализируя подход Пибоди, предлагает собственную интерпретацию данного факта. Положительная или отрицательная оценка качества зависит от уровня адаптивности поведения. Крайняя выраженность качества является дезадаптивной и оценивается отрицательно, а положительно оценивается средний уровень. Эта особенность обыденного сознания близка, как отмечает А.Г.Шмелев, существующему в психодиагностике представлению, что крайняя выраженность черт, так называемая «акцентуированность», ведет к дезадаптивному поведению по механизму категориальных ошибок (Шмелев, 1994. С.94).

Однако наш материал позволяет, учитывая расположение объектов в семантическом пространстве, выделить несколько иной смысловой оттенок в отмеченной особенности обыденного сознания и дать ему теоретическое объяснение.

2.2.2. РАСПОЛОЖЕНИЕ ОБЪЕКТОВ В СЕМАТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. Семантика образов «правильного» и «неправильного» мира

На рис. 1. видно, что 70 шкал достаточно компактно сгруппированы, как и во всех других случаях, между одноименными полюсами первого и второго факторов. При таком распределении наибольшее количество средств описания (шкал-признаков) имеют смысловые области, соединяющие в себе качества успешной адаптации — *сильный, опытный, твердый* — и положительной оценки — *близкий, мягкий, сладкий*.

Соединение различных шкал в одну группу отражает тенденцию к построению одного общего параметра восприятия, что можно считать проявлением тенденции к стабилизации структуры. Результаты, полученные, в частности, и в работах Ф.Франселлы (1987), и в работах Е.М.Тарасенко, показывают, что при упрощенном семанти-

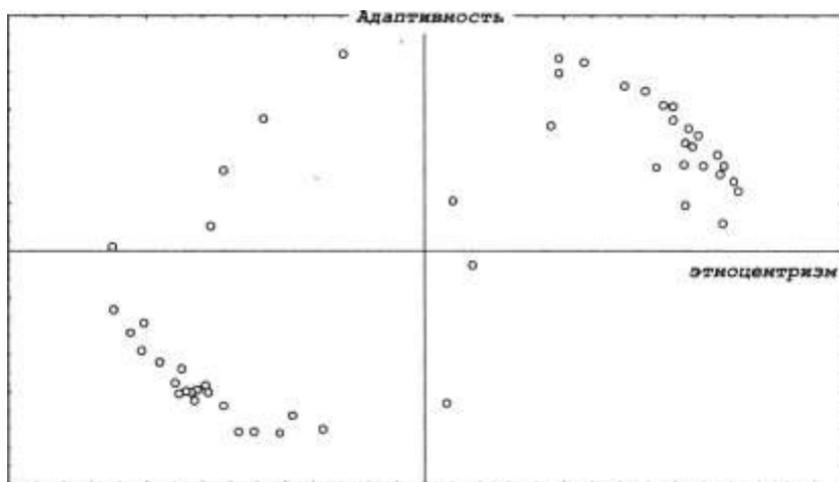

Рис. 1.

ческом пространстве — склеенности личностных конструктов и объединении шкал личностного дифференциала в один фактор — вероятность излечения страдающих заиканием и алкоголизмом является не-большой (Тарасенко, 1990. С.95).

Полученная в результате картина соответствует представлению о гармоничном, непротиворечивом, простом мире, в котором «хорошие» являются одновременно сильными, активными, твердыми и опытными, а «плохие» — зависимыми, слабыми и хаотичными. Примером такого мира может служить сказка, в которой положительные герои всегда сильнее и умнее отрицательных и одерживают над ними победу. Привлекательность и внутренняя, вне рациональная убедительность такого мира для всех возрастов подтверждается его устойчивым использованием в массовой культуре — телевизионных и книжных сериалах, советских фильмах про войну и пр.

В наполненных признаками семантических зонах, образованных положительными полюсами факторов с большой нагрузкой, располагаются образы «мама», «я через 15 лет», «папа», «друг», «подруга», «идеальный мужчина», «идеальная женщина» — воспринимающиеся в целом как хорошие и успешные. Нужно отметить, что при реальном разнообразии отношения к родителям, проявляющимся при построении индивидуальных семантических пространств, обобщенный образ, безусловно, положительен. В противоположной части семантического пространства располагается область антиидеалов — там во всех случаях располагается образ человека, который не нравится, и человека, который не похож на меня, и типичного человека. Эти образы воспринимаются как плохие и слабые.

Идеальные и антиидеальные объекты воплощают в себе систему ценностей, существующих в обыденном сознании на групповом уровне. При факторизации индивидуальных матриц наблюдается большее или меньшее отступление, определяемое личностными особенностями испытуемых, их жизненным опытом; так, образы папы, мамы, подруги и др. у конкретных испытуемых могут иметь низкий вес по факторам «Этноцентризма» и «Адаптированности». Однако в системе общественных значимостей мама и папа обязательно должны быть хорошими и сильными, адаптированными. А человек, который не нравится, оценивается как плохой и не адаптированный одновременно. В такой оценке отражается очень понятное желание, чтобы неприятные люди были не очень сильными. Интересно, что плохим и слабым считается не только не нравящийся человек, но и типичный человек нашего общества. Такое расположение может быть следствием включения в набор значительного количества заведомо идеальных объектов, которые оцениваются выше среднего, должны быть лучше типичного. Однако в тенденции видеть в образе

типичного человека плохого и слабого, неприспособленного может быть и проявление ценности индивидуальности, своеобразия, что на уровне обыденного сознания отражается во мнении: хорошо быть нетипичным, не таким, как все.

Интересно, что во многих случаях образ «человека, которого жаль», оценивается в большей или меньшей степени отрицательно не только по шкале «Адаптированности» и «Силы», но и по шкале «Этноцентризма». Это укладывается в общую схему простого гармоничного мира, в котором слабыми могут быть только плохие. А слабые, как следствие, не нравятся. Иное восприятие требует негативного отношения к устройству мира вообще, подрывает уверенность в базовой справедливости мироустройства. В таком мире трудно спокойно жить и трудно считать его «своим».

В расположении образов «идеальных» мужчины и женщины проявились половые особенности респондентов. Меньшее количество мужских выборок не позволяет делать однозначных выводов, но определенную особенность можно отметить. Образ «идеального мужчины» и в женских, и в мужских выборках расположен в зоне сильных и хороших. А образ «идеальной женщины» помещают там только сами женщины. Во всех мужских группах образ «идеальной женщины» имеет отрицательную нагрузку по фактору «Адаптированность» и располагается рядом с образом «ребенка» и «я в детстве». Мужчины хотели бы видеть идеальную женщину слабой, зависимой, покорной. А женщины стремятся снизить различия и идеалом считают сильную, адаптированную, активную. Можно предположить, что это различие служит одним из источников межполовых противоречий.

Гармоничному и стабильному миру, в котором располагаются образы идеальных и антиидеальных объектов в наибольшей степени противостоит восприятие образов «я в детстве» и «человек, достигший успеха», который расположен в относительно «пустой» семантической области, соединяющей признаки «плохого» и «адаптированного», опасного и сильного. Для «простого», «гармоничного» мира такого соединения как бы не может быть, для него недостаточно средств описания.

Образ «я в детстве» находится в области семантического пространства, сочетающего признаки «хорошего», но слабого — наивного и зависимого, вызывающего жалость. Эта область может считаться специфически детской и женской — в ней расположены образы «ребенка», «я в детстве» и, в женских выборках, — «я», а в мужских — «идеальная женщина». При всей стереотипности такого представления о детях и женщинах эти образы более сложны и потенциально изменчивы, чем образы «родителей», «неприятного», «непохожего» и «типичного человека». Невысокая адаптированность некоторых «хо-

2.2. Психосемантическое исследование этноцентризма

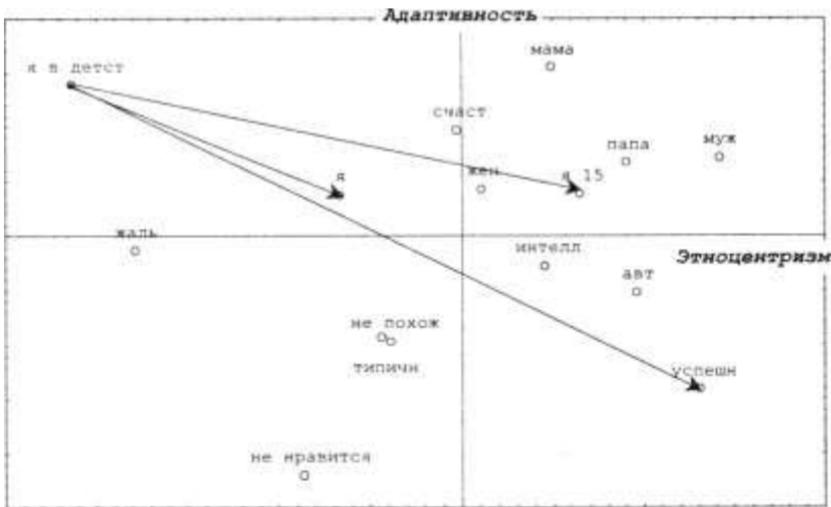

Рис. 2

роших» создает противоречие, напряжение в отношениях между субъектом и окружающим миром, обществом. В результате и общество должно приспосабливаться, защищая слабых — детей и женщин, и слабые вынуждены что-то менять в себе.

Образ «человека, достигшего успеха», характеризуется противоположным сочетанием высокой адаптивности и невысокой оценкой по фактору «Этноцентризм». Напряжение в данном случае может создаваться противоречием между его личными ценностями и ценностями общества, абсолютная значимость которых опровергается его успешностью.

При сравнении рис. 1 и 2 видно, что условная линия, соединяющая образ «я в детстве» и образ «человека, достигшего успеха», проходит между областями наибольшего скопления шкал. Хотя образ «я через 15 лет» попадает в гармоничную картину мира, сочетая признаки сильного и хорошего.

Эти линии отражают представление о взрослении и приобретении успешности как о возрастании адаптивности, силы и, в то же время, моральном ухудшении. Зазор между этими линиями отражает реально существующее противоречивое отношение к возможным изменениям. Детство воспринимается как время большей доброты, высокой нравственности, открытости и пр. А будущее в любом случае связано с большей или меньшей потерей моральных качеств и увеличением силы.

Б. Образ человека, достигшего успеха

В распределении ролей по фактору «Этноцентризма» на положительном полюсе (свой — хороший) расположены образы «мама», «я в детстве», на отрицательном (чужой — плохой) — «человек, который не нравится», «человек, достигший успеха» и, во многих случаях, «человек, которого жаль», «человек, который на меня не похож».

Отмеченное совпадение нуждается в дальнейшей проверке и более глубоком анализе, но уже сейчас можно говорить о наличии тенденции к сближению образа успешного человека с неприятным, непохожим и вызывающим жалость по фактору, разделяющему мир на своих, обладающих положительными качествами, и чужих, обладающих отрицательными. Выявленная тенденция представляется на данном уровне исследования достаточно толерантной к изменению набора шкал. При раздельной факторизации коннотативных и денотативных шкал в последних трех случаях общий смысл выделяемых факторов и размещение ролей по факторам полностью сохраняется, что также может служить подтверждением архаичности и доязыковой локализации смысла фактора.

Сходные результаты получены и в других исследованиях стереотипов обыденного сознания. Так, при реконструкции семантического пространства русских фразеологизмов (*Петренко, 1987*), образы «карьерист», «лидер», «мой враг» и «деловой человек» размещены в одной семантической зоне, заданной отрицательным полюсом фактора «Оценка» и положительным полюсом фактора «Самоконтроль поведения», имеющего выраженное значение успешной активности. Противоположны по смыслу симпатичные и воспринимаемые как слабые образы «неудачника», «романтика», «интеллигента».

В семантическом пространстве грузинских фразеологизмов (*Петренко, Сурманидзе, 1993*) самостоятельного фактора, который можно интерпретировать как «Адаптированность», «Прагматизм» или «Успешная активность» не выделилось, однако близкими по смыслу можно считать факторы «Изворотливость», по которому положительную нагрузку имеют образы «карьерист», «грузин», «делец», «деловой человек», и слабые факторы «Трудолюбие» и «Предприимчивость». По перечисленным трем факторам образы «карьерист», «делец», «деловой человек» имеют положительную нагрузку, а по фактору «Оценка» — отрицательную.

Сходные результаты получены и в пространстве киргизских фразеологизмов. Образ «делового человека» и «руководителя» размещается у положительного полюса фактора «Значительность» и отрицательного — «Простодушие — хитрость» (*Закиров, 1994. С. 48*).

Необходимо отметить, что такие внутренне противоречивые образы также знакомы нам в стереотипах «гениального злодея», «оба-

ятельного мошенника» и «несчастной добродетели», характерных скорее для драмы, трагедии, чем для сказки. Невозможно представить сказку, в которой положительный герой был бы до конца слабым и несчастным, а отрицательный — сильным и благополучным. Но это вполне возможно в романе, «городском фольклоре», блатных песнях и других поздних жанрах. Такие «неправильные» образы занимают устойчивое место в высоком и низком искусстве, выполняя, очевидно, важную функцию противовеса «правильной» идеологии, подвергая ее сомнению, в то время как сказочные, «правильные» образы служат ее упорочению.

Выявленный феномен восприятия успешного человека подтверждается и материалами других исследований, проведенных под нашим руководством. Так, в диссертации В.М.Савеленко (2000) получены данные, показывающие динамику отношения к успешному человеку курсантов военного училища. На первом курсе образ «успешного человека» по фактору «Моральной оценки», соответствующему фактору «Этноцентризма», расположен близко к нулевой отметке. В процессе учебы отрицательное отношение к успешному человеку усиливается и у курсантов четвертого и пятого курсов образ «успешного человека» занимает крайнее положение на отрицательном полюсе данного фактора.

Полученные данные подтверждают существующее мнение об отношении к тем, кто более успешен, обладает более высоким статусом. Как пишут в работе о социально-психологическом феномене слухов Б.В.Дубинин и А.В.Толстых, «Для массового сознания чужие — это те, кто выше в социальном (власть, начальство и т.п.) или культурном (“звезды”, чужаки и др.) плане...» (Дубинин, Толстых, 1993. С.77). Сходный феномен отмечал А.Г.Шмелев, говоря об устойчивой негативной окрашенности термина «карьерист» в русской выборке по сравнению с американской. «Здесь мы сталкиваемся с одной из исторически сложившихся специфических норм российской социальной жизни, выражающейся в негативном отношении к ценностям “индивидуального успеха”» (Голдберг, Шмелев, 1993. С.37). Анализ большого массива данных, полученных А.Г.Шмелевым, показывает, что здесь «мы сталкиваемся, по-видимому, с самым ярким примером национального историко-культурного стереотипа: “карьерист” в русскоязычной теории черт — это человек, который пренебрегает моральными нормами ради личного успеха, и он оказывается в одной связке с “рвачем”, “взяточником”, “хапугой”... Тут мы видим явное диспозициональное (предвзятое) негативное отношение к мотивации личного успеха, что, конечно, никак не характерно для обобщенной имплицитной теории личности в англо-американской культуре» (Шмелев, 1994. С.222). Возможно, отмеченный феномен имеет культурную отно-

сительность, но не специфически российскую. В семантическом пространстве грузинских и киргизских фразеологизмов (Закиров, 1994; Петренко, 1997) образ человека, стремящегося к личным успехам, также получает отрицательную оценку. Кроме того, в работах английских и американских психологов (Диттмар, 1997. С.34) отмечается, что хотя богатые люди воспринимаются большинством в приукрашенном свете — как более умные, напористые, уверенные в себе, им приписывается меньшая сердечность, дружелюбие, эмоциональная экспрессивность. Авторы объясняют это тем, что «такие качества, как “сердечность” и “дружественность”, могут рассматриваться как положительные, но менее важные аспекты идентичности. Характеристика бедных как “сердечных” и “дружественных”, конечно, не угрожает привилегированному положению и позитивной идентичности экономических достижений и может сделать неравное распределение богатства менее болезненным» (Диттмар, 1997. С.34).

Можно предложить следующее объяснение факту отрицательной оценки личного успеха по фактору «Этноцентризма». С позиций классического психоанализа З.Фрейда они выглядят как закономерное проявление архаических уровней психики, связанных с доминированием массового сознания над индивидуальным. В значимости категории этноцентризма и отрицательной оценке по ней образа успешного человека отразилось противоречие ценностей вида, выраженных в инстинктах Оно — либидо и мортидо, и ценностей индивида, выраженных в Эго. Стремление к слиянию с другими, производству потомства и стремление к смерти направлены на сохранение жизни вида вообще — размножение и устранение индивидуальной особи. У человека инстинктам Оно противостоит сознательное Эго, производное культуры, утверждающей ценность отдельного существа, ценность не только видовой, но и индивидуальной жизни. Эго пытается управлять инстинктивными импульсами, направить часть любви, энергии Эроса на самого себя, а часть стремления к смерти, Танатоса — на внешние объекты. Проявление видовых инстинктов требует объединения с себе подобными, утверждения ценности своей группы и негативное, настороженное отношение к тем, кто отличается от всех, в том числе к успешным особям. А интересы индивида требуют личного развития, совершенствования, успеха, а значит, и выделения из массы, что неизбежно приводит к столкновениям с интересами группы. Индивидуальный успех в этом контексте воспринимается как связанный с большей межличностной дистанцией и несущий потенциальную угрозу единству «мы».

При таком понимании свойственное российской выборке отрицательное отношение к индивидуальному успеху (карьеризму) может быть объяснено преобладанием в отечественной ментальности ро-

дового сознания, выраженного в преобладании коллективизма, соборности и пр. над индивидуальным. Возможно, отрицательное отношение к успешности связано и со свойственной, как отмечает И.А.Джидарьян (1997), российской ментальности моральной ценности несчастья и своеобразного «избегания» счастья. О привлекательности несчастья повествуют жестокие романсы, блатные песни и прочие «неправильные тексты», составляющие часть массовой культуры. «В рамках нравственного типа отношения к счастью, который веками формировался в недрах русского сознания и составляет привлекательную, ценную черту нашего народа, ясно просматривается механизм своеобразного “дистанцирования” или даже “боязни” счастья» (Джидарьян, 1997. С. 19). Такая оценка счастья и несчастья подтверждает приоритет соборного сознания в отечественной ментальности. Рядом с несчастным можно чувствовать собственную силу, его можно жалеть и оказывать помощь, не испытывая опасности, а индивидуальное счастье создает дистанцию с другими, выделяя обладателя из группы.

Дополнительный аспект отмеченного явления может быть выделен при опоре на описанный В.А.Петровским феномен надситуативной активности, заключающийся в стремлении к немотивированному, невыгодному риску, в побудительной силе опасного, требующего дополнительных усилий и чреватого провалом поведения. В.А.Петровский видит в этих феноменах наиболее общую модель развития личности. Личность развивается, преодолевая себя в ситуации с неопределенным прогнозом. Неадаптивная активность и есть форма становления и существования субъектности (Петровский, 1996). Полученные результаты позволяют увидеть связь идеи развития личности как проявления неадаптивной, надситуативной активности с отмеченными ранее особенностями модели черт личности, существующей в обыденном сознании. Согласно данным А.Г.Шмелева, именно неадаптивное поведение, слишком сильная, выходящая за пределы «золотой середины» выраженность любых личностных качеств оценивается обыденным сознанием неодобрительно. Действительно, любое «слишком» нарушает стабильность и представляет угрозу для сложившейся системы отношений. А значит, «слишком» сильный, умный, приспособленный также воспринимается как представляющий угрозу.

Косвенное подтверждение правильности данного объяснения получено в осуществленной под нашим руководством диссертации В.А.Белых (2000). Результаты его исследования показывают, что образ успешного человека имеет отрицательные оценки по фактору «Моральной оценки» у испытуемых с высоким и низким уровнем притязаний, высокой и низкой самооценкой, имеющих имидж вы-

Глава 2. Семантическая структура мира

сокой и низкой успешности и высокий социометрический статус. Только испытуемые, обладающие низким социометрическим статусом воспринимают человека, достигшего успеха, как хорошего, доброжелательного, близкого. Таким образом получается, что только испытуемые, психологически находящиеся «вне группы», не видят угрозы со стороны успешных и относятся к ним вполне доброжелательно. Для подтверждения устойчивости данного факта необходимы более масштабные исследования.

Анализ семантического пространства, образованного факторами «Этноцентризм» и «Адаптивность», и характер размещения в нем образов позволяет выделить два типа семантических структур. В соответствии с одним формируются простые, гармоничные образы, а в соответствии с другим — противоречивые, сложные. Простые в большей степени связаны с ценностями группы (общества в целом), ценностями стабилизации, сохранения имеющегося положения, а сложные — с ценностями личностного развития, разрушения, преодоления сложившегося положения вещей.

Разнородность семантического пространства и связь степени сложности образов с характером содержания можно считать проявлением на уровне обыденного сознания семантических структур, организованных по схеме «правильных» и «неправильных» текстов, образов «правильного» и «неправильного» миров. Будучи результатом расщепления исходного мифа «правильные» и «неправильные» тексты сосуществуют в культуре и в обыденном сознании, дополняя друг друга. На уровне обыденного сознания их одновременное существование обеспечивается разной организацией семантического пространства.

Простой, гармоничный образ мира обеспечивает сохранение ценностей стабильности, принадлежности к группе, работает на внутригрупповую интеграцию — «свои, хорошие — чужие, плохие». Противоречивый, амбивалентный образ мира в большей степени соответствует индивидуальным ценностям, занимающим окраинное, маргинальное положение по отношению к роду — в частности, ценностям индивидуального успеха.

Автокоммуникация, понимаемая как механизм порождения смыслов, действует как процесс согласования образов, расположенных в семантических пространствах, отличающихся по степени представленности в языке, закреплённости в дискурсе.

Развитие культуры включает в себя как периодическое усложнение и возврат к внутренней противоречивости, так и упрощение, закрепление однозначности. И обыденное сознание, в силу своей специфики, занимает в этих трансформациях важное место. Обыденное сознание как максимально гетерогенное образование располага-

ется на границе между уровнем аффективного, чувственного восприятия, основанного на континуальном способе кодирования, и рационального, научного знания — опирающегося на дискретное кодирование, служа «смягчающим буфером» или медиатором между ними. И тот, и другой уровни в силу жесткой детерминации биологическими и логическими (юридическими, нравственными, идеологическими) законами тяготеют к определенности и завершенности — инстинкт (аффект, эмоция) столь же однозначен, определен, как и юридический закон, религиозный постулат, формулировка теоремы. Промежуточный уровень обеспечивает преодоление завершенности, внося продуктивный хаос, допускающий возможность дальнейшего развития — появления новых элементов, новых стратегий поведения.

2.3. СЕМАНТИКА ВОСПРИЯТИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ УСПЕШНОСТИ

Понятие успеха, использованное в первой серии, было намеренно неопределенным, чтобы дать возможность каждому наделить его желаемым смыслом. Человеком, достигшим успеха, можно считать и мать десятерых детей, и министра. Но и полученные результаты сохранили ту же степень неопределенности, что лишает интерпретацию желаемой однозначности.

Связь успеха прежде всего с карьерой, бизнесом представляется достаточно распространенной на уровне стереотипов, и именно к такому типу успешности исследователи констатируют негативное отношение в отечественном менталитете. «Обыденное сознание, а вслед за ним и профессионалы настороженно относятся к чужому успеху, видя за ним подарок судьбы, стечение обстоятельств, теневые капиталы...» — отмечает А.И.Чирикова (1989. С.62). Указывая на свойственное отечественным испытуемым негативное отношение к «карьеристам», «деловым людям» и пр., многие авторы (Шмелев, Чирикова и др.) делают вывод о социокультурных причинах данной неприязни. Это вполне обоснованное мнение, подкрепляемое и актуальной ситуацией, и ближайшим доперестроечным временем. В наше время образ успешного человека легко ассоциируется с образом «нового русского», наделенного на фольклорном уровне красным пиджаком, криминальным прошлым и низким интеллектом. Успешность в прошлом вызывала также мало приятные ассоциации либо с партийным деятелем, либо с заведующим базой. И эти ассоциации вполне оправдывают настороженное отношение к успешно-

сти, что отмечается во многих современных исследованиях российского менталитета (Чурикова, 1998; Горшков, Тихонова, 1995). Однако можно предположить, что причины феномена не исчерпываются особенностями экономической и политической ситуации, а лежат в более глубокой психологической реальности. Это косвенно подтверждают данные о восприятии богатых людей английскими подростками. «Богатый человек воспринимается как имеющий высокий интеллект, более успешный в делах... В то же время он воспринимается как менее внимательный, менее счастливый и менее привлекательный как друг» (Диттмар, 1997. С.33). Определить роль социокультурного влияния на формирование осторожного, недоверчивого отношения к успеху можно при сравнении с данными другой культуры. Другой подход предполагает дифференциацию понятия успешности разного типа и сравнение особенностей восприятия этих типов успешности представителями одной культуры. В последнем случае особую ценность имеет сравнение деловой активности с активностью в сфере максимально архаической. На ранних этапах филогенеза механизмы адаптации (определяющей критерий успешности поведения) направлены прежде всего на выживание вида, а значит на размножение. У млекопитающих, живущих группой, — например, у волков, у обезьян и др., место в иерархии тесно связано с проявляемой сексуальной активностью, с правом на самок. В нашей культуре, при нормативности моногамного поведения, многовековом господстве христианской морали, утверждающей ценность целомудрия, сексуальная активность продолжает восприниматься как ценная личностная характеристика, один из показателей успешности.

Эксперимент. В качестве объектов оценки были предложены образы «я», «мама», «папа», «я через 15 лет», «я в детстве», «идеальный мужчина», «идеальная женщина», «типичный мужчина», «типичная женщина», «не нравящийся мужчина», «не нравящаяся женщина», «мужчина, ориентированный на карьеру» (деловой мужчина), «женщина, ориентированная на карьеру» (деловая женщина), «мужчина, ориентированный на сексуальную активность», «женщина, ориентированная на сексуальную активность». На этапе составления списка ролей возникли трудности, связанные с разной представленностью в языке мужских и женских стереотипов. Так, например, наименований женских стереотипов гораздо больше — есть образ деловой женщины, есть образ женщины легкого поведения, синего чулка, хозяйшкы, кисейной барышни и пр., в то время как распространенных, привычных терминов для парных мужских ролей нет. Для последней пары образов сложнее всего было подобрать адекватные названия: словосочетание «женщина легкого

поведения» не имеет точного мужского эквивалента — выражение «мужчина легкого поведения» употребляется редко, слово «бабник» более распространено и гораздо ближе, но его смысл не полностью симметричен женскому варианту. Мы остановились на искусственных образованиях, уточняя их значение в устной инструкции.

Образы ориентированных на секс мужчины и женщины были включены в набор как носители максимально выраженного либидо, что можно считать противоречащим структурирующим обществом моральным нормам.

В исследовании принимали участие две группы юношей и девушек. Результаты исследования подробно представлены в наших публикациях (*Улыбина, 1998а и др.*).

Во всех случаях при факторизации групповых матриц получено три значимых фактора, которые можно интерпретировать как факторы «Радость жизни», «Этноцентризм» и «Сила Я». Сравнивая результаты с результатами предыдущих серий, можно говорить о расщеплении фактора «Адаптивности» на два фактора, имеющих отношение к разным сторонам успешности. По фактору «Сила Я» наибольшую нагрузку во всех случаях имеют образы «деловых» мужчины и женщины, а по фактору «Радость жизни» — образы «я в детстве» и «ориентированные на секс» мужчина и женщина.

Образы «деловых» мужчины и женщины разрушают «правильный» мир, образованный параметрами «Сила Я — Этноцентризм», а образы «ориентированных на секс» — «правильный» мир, заданный параметрами «Сила Я — Радость жизни». И те, и другие образы не вписываются в «правильный» мир, заданный параметрами «Радость жизни — Этноцентризм», именно этот мир в наименьшей степени соответствует успешности и в деловой, и в сексуальной сфере. Сам параметр «Радость жизни» во многом задан образами «ориентированных на сексуальную активность» мужчины и женщины, которые имеют по данному фактору наибольшую нагрузку и в женской, и в мужской выборке.

Не обнаружено пространства, в котором бы деловые и ориентированные на секс образы противопоставлялись бы друг другу как идеальные и антиидеальные, но есть отдельные, не пересекающиеся семантические пространства, в которых ориентированные на секс занимают место антиидеалов, а ориентированные на карьеру — идеалов.

Можно сделать вывод, что образы «ориентированных на сексуальную активность» мужчины и женщины вызывают более противоречивые чувства, являясь и притягательными, и вызывающими осуждение.

ВЫВОДЫ

На основе данных личностного семантического дифференциала было получено семантическое пространство, заданное факторами «Этноцентризм» и «Адаптивность», иллюстрирующее построенную теоретическую модель обыденного сознания, включающую в себя образы «правильного» и «неправильного» мира.

Глубинный, архаичный характер выделенного пространства подтверждается наличием фактора «Этноцентризм», связанного с доминированием общественного, массового сознания и близостью результатов, полученных при использовании метафорических, коннотативных шкал.

Выделены закономерности расположения объектов в семантическом пространстве, образованном факторами «Этноцентризм» («Оценка») и «Адаптированность» («Сила»). Расположение образов соответствует ценностям, закрепленным в правильных и неправильных текстах, — ценностям вида и индивида. В пространстве, образованном одноименными полюсами факторов «Этноцентризм» и «Адаптированность», располагаются образы, воплощающие ценности устойчивости, сохранения стабильности общества, а в пространстве, образованном разноименными полюсами данных факторов — образы, связанные с ценностями развития, изменения. По характеру размещения и по особенностям содержания социальные стереотипы можно разделить на устойчивые и неустойчивые. К устойчивым относятся идеальные и антиидеальные образы, обладающие смысловой законченностью, достигшие (или близкие к тому) полноты совершенства или несовершенства, размещенные в пространстве «правильных» текстов. К неустойчивым — образы, обладающие потенциальной динамикой, размещенные в пространстве «неправильных» текстов. Устойчивые образы соответствуют социальным нормативам, могут быть использованы в качестве иллюстрации того, каким надо или не надо быть.

Образ «человека, достигшего успеха», располагается, в большинстве случаев, в пространстве «неправильного» мира и оценивается испытуемыми как сильный, но далекий и опасный. Данная закономерность проявляется и в отношении успешности в сфере карьеры и сексуальной активности.

Полученный экспериментальный материал позволяет говорить о наличии закономерностей размещения в семантическом пространстве образов, связанных с представлением о развитии личности, — «я в детстве», «я в настоящем», «в будущем», образов «идеальных» и «успешных» людей, образов «родителей». Представляется, что выявленные закономерности связаны с функциями обыденного сознания в развитии личности, что требует более подробного теоретического осмысления и дальнейших экспериментальных исследований.

Глава 3

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТУ ФЕНОМЕНА СУБЪЕКТНОСТИ

3.1. ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СУБЪЕКТА ЧЕРЕЗ ПРЕОДОЛЕНИЕ ОЗНАЧЕННОСТИ

3.1.1. СВЯЗЬ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ личности С ОСОБЕННОСТЯМИ ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблема развития личности относится к числу фундаментальных и вызывающих активный интерес психологов, философов, социологов. В этой области в отечественной и зарубежной психологии накоплен огромный опыт теоретических и экспериментальных исследований, разработано множество концепций развития личности ребенка и взрослого. В качестве факторов, определяющих развитие, рассматривались различные условия жизни и воспитания, врожденные и приобретенные качества самого субъекта. Вместе с тем нужно отметить, что при многообразии теоретических и экспериментальных работ формирование и развитие личности в связи с особенностями обыденного сознания не рассматривались.

Изучение развития и формирования личности связано, в частности, с ответом на вопрос: каким образом процесс становления, изменения самого себя отражен в обыденном сознании человека? Представления о формировании личности вообще, о собственном развитии, о происходящих и будущих изменениях полимодальны и включают в себя элементы, существующие и на уровне бессознательного, и на уровне рефлексивного, теоретического сознания, и на уровне обыденного сознания. Закрепленные в бессознательном представления о собственном изменении стали предметом различных направлений психоанализа и психотерапии. Отраженные в реф-

лексивном сознании рациональные, научные знания о развитии личности составляют предмет исследований по логике и истории науки. Обыденное сознание включает в себя и проявление бессознательного, и фрагменты рационального знания, приспособленные для того, чтобы делать понятным и приемлемым для человека естественный ход жизни.

Полученные в первой серии психосемантических исследований данные позволяют говорить о существовании определенных закономерностей в семантике образов себя в детстве, себя в будущем, образов идеальных и образов успешных людей, структурирующих представление о происходящем и дальнейшем изменении себя. Линия, проведенная на рис. 2 от образа «я в детстве» («типичный ребенок» в других вариантах) к образу «человека, достигшего успеха», проходит в относительно свободном пространстве, между областями, более тесно заполненными шкалами, а линия, соединяющая образ «я в детстве» или «ребенок» и образ «я через 15 лет» пролегает из относительно пустой области в заполненную. Такое расположение, хотя и может быть в достаточной мере случайным эффектом, вызванным использованием данных конкретных шкал и данных конкретных образов, в то же время выражает закономерность, достаточно точно соответствующую реальной ситуации развития, реальной топографии жизненного пути, описанной в работах по психологии личности и психологии развития в работах Ж.Лакана, Л.С.Выготского, А.Н.Леонтьева, В.С.Мухиной, Э.Эриксона, Б.Д.Эльконина и др. Согласно положению большинства психологических теорий, именно так и осуществляется развитие субъекта в мире, заполненном словами, смыслами и значениями, которые он должен «наложить» на собственное тело, на телесные ощущения, чтобы создать и субъективный образ своего тела, и образ самого себя. В то же время он должен избежать соблазна быть полностью поглощенным миром слов. В балансе между тотальной означенностью (оговоренностью в терминологии М.М.Бахтина) и природной бессловесностью происходит развитие субъекта: между отсутствием субъектности как отсутствием осознанности самого себя и, с другой стороны, потерей субъекта в объективациях дискурса.

При рождении мы имеем только слабо дифференцированные ощущения и не имеем слов или других средств ни для их категоризации, ни для их выражения. От других, от мамы мы получаем имена — имя для себя, имя для предметов, имя для телесных ощущений. Слова, которые мы присваиваем, изначально принадлежат другим и несут следы их употребления, использования. Они нагружены «общественно-историческим опытом», который мы постепенно осваиваем, причаемся соотносить его с субъективными ощущениями, которые

только через этот опыт и могут стать нашими собственными, стать предметом владения. Но это владение совместное. Как формулирует В.Подорога, «Я поверхностно по отношению к Оно, которое залегает в других слоях душевной жизни, под поверхностью, управляемой Я. ...Наше Я (это картезианское Я) является единственно возможным условием нашего сознательного присутствия в мире, и в то же время я не могу сказать, что оно принадлежит мне, скорее, если можно так выразиться, оно принадлежит всем мыслящим и никому в отдельности» (Подорога, 1995. С.34—35).

Представляется, что траектория, соединяющая в семантическом пространстве образ «ребенка», образ «я в будущем» и образ «успешного человека», соответствует реальному процессу, описанному в разных психологических школах, с различных теоретических позиций как процесс формирования личности (понимаемой как субъект активности, формирования субъектности как качества личности). Расхождение между образом «я через 15 лет» и «образом успешного человека» можно представить как семантическую основу будущих и, возможно, настоящих кризисов, связанных с продуктивным развитием.

Интересующие нас семантические аспекты формирования субъектности могут быть проанализированы в двух взаимосвязанных планах. Во-первых, в плане формирования субъектности в процессе овладения языком и, во вторых, в плане формирования социальной идентификации, отождествления себя с системой социальных ролей. И в одном, и в другом случае точкой (местом, пространством) локализации формирующейся субъектности является, как мы полагаем, уровень обыденного сознания. Теоретический анализ структуры и функций обыденного сознания, результаты первой серии экспериментального исследования позволяют предположить, что обыденное сознание — это уровень, вносящий существенный продуктивный вклад в развитие личности, позволяющий формироваться субъектности как свойству личности.

Отметим, что проблема формирования, развития, становления личности, субъектности как свойства личности в связи с опорой на особенность обыденного сознания в отечественной психологии не рассматривалась.

Для проверки выдвинутого предположения и определения дальнейших экспериментальных исследований необходимо решить следующие задачи:

1. Провести анализ теоретических подходов к определению личности, понимаемой как субъект активности.
2. Выделить основные моменты связи процесса формирования личности (субъектности как свойства личности) с языком, знаковым опосредствованием.

3. Определить связь кризисных моментов развития с изменением формы знакового опосредствования знаний о себе, образа себя.

4. Определить место и функции обыденного сознания в этом процессе, выделить особенности обыденного сознания, связанные с процессом формирования и существования субъектности как свойства личности.

3.1.2. СУБЪЕКТНОСТЬ КАК СВОЙСТВО ЛИЧНОСТИ

Понятие «личность», как и большинство других психологических понятий, не имеет однозначного определения и в русле различных теоретических подходов включает в себя различное содержание. Подробный сопоставительный анализ понятия личность дан в трудах К.А.Абульхановой-Славской (1991, 1997), Б.Г.Ананьева (1996), А.Г.Асмолова (1990, 1996), А.В.Брушлинского (1991, 1992, 1993, 1994, 1997), А.Н.Леонтьева (1983), В.С.Мухиной (1985), А.В.Петровского и М.Г.Ярошевского (1996), В.В.Петухова (1991, 1992, 1993, 1994, 1995, 1997) и др. В рамках данной работы преимущественный интерес представляет анализ вопросов: а) о природе личности, ее связи с языком, знаковым опосредствованием (через социальную детерминацию личности) и б) об активности личности по отношению к самой себе, собственным качествам и своей жизни в целом.

Прежде чем приступать к анализу этих вопросов, необходимо определить содержание основных понятий, используемых в данной работе, — личность и субъектность.

Базовым для отечественной психологии можно считать положение о социальной сущности личности, прижизненно формируемом свойстве индивида как биологического существа. Необходимость разведения понятий «индивид» и «личность» признавали практически все отечественные психологи независимо от разницы теоретических подходов. Личность во всех психологических школах понимается в оппозиции к понятию индивид, как социально детерминированное образование в противоположность врожденному. Во многих направлениях зарубежной психологии (З.Фрейд, К.Юнг, А.Маслоу, Г.Оллпорт, Г.Меррей, К.Роджерс, А.Маслоу и др.) понятие личность обозначает «нечто “единичное”, уникальное, резко отличающееся от периферийного социального фасада, т.е. социальной маски, персоны “социального индивида”. “Индивид” тем самым оказывается ядром “личности” и как “единичное” существо противопоставляется миру» (Асмолов, 1990. С. 155).

Наряду с оппозицией индивид — личность в отечественной и зарубежной психологии используются различные триады: организм — социальный индивид — личность (М.Г.Ярошевский), индивид — личность — индивидуальность (С.Л.Рубинштейн, А.Н.Леонтьев). Б.Г. Ананьевым было введено представление об индивиде, личности, субъекте деятельности и индивидуальности (1996). Индивидуальность — согласно взглядам Ананьева — это интегративное целостное объединение индивида, личности и субъекта деятельности. Сходные взгляды на индивидуальность высказывал и В.С.Мерлин, разработавший концепцию интегральной индивидуальности.

В рамках системно-деятельностного подхода, которого мы придерживаемся в нашей работе, личность рассматривается как относительно устойчивая совокупность психических свойств, как результат включения индивида в пространство межиндивидуальных связей. Индивидом рождаются, личностью становятся, это целенаправленный процесс, за результат которого человек несет ответственность. Никакие врожденные качества, как убедительно показывал А.Н. Леонтьев, не могут жестко детерминировать появление определенных свойств личности. «Личность человека тоже “производится” — создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. То обстоятельство, что при этом трансформируются, меняются и некоторые его особенности как индивида, составляет не причину, а следствие формирования его личности» (Леонтьев А. Н., 1983. Т.2. С. 196).

Ведущая роль в формировании личности принадлежит межличностному общению в ходе совместной деятельности, включению индивида в систему общественных отношений различного характера. Анализ сущности личности через интра-, интер- и метаиндивидные вклады дается в теории персоногенеза В.А.Петровского: «личность индивида может быть осмыслена тремя способами: интраиндивидно, интериндивидно и метаиндивидно ... лишь через единство этих аспектов раскрывается строение и структура личности. Личность индивида, опосредствованная социальной деятельностью, получает идеальную представленность в других людях, в его связях с ними, наконец, в нем самом как члене социального целого» (Петровский, 1996. С.400).

В силу гетерогенности формирования личность — это многомерная и многоуровневая система. Проблема поуровневого строения личности с позиций разных подходов была предметом анализа в творчестве Б.Г.Ананьева, В.П.Мясищева, А.Г.Ковалева, В.С.Мерлина, К.К.Платонова и многих других психологов.

С совершенно с других позиций предлагает рассматривать структуру личности А.Г. Асмолов. По его мнению, в качестве единицы анализа структуры личности необходимо выделять динамические смыс-

ловые системы: «лишь выделяя каждый раз такие моменты динамики личности, как мотивы деятельности, личностные смыслы, установки, поступки и деяния... раскрывая их генетические, функциональные и структурные связи друг с другом, мы вычленим единицу анализа структуры личности» (Асмолов, 1996. С.86). Динамические смысловые системы понимаются как единство аффективных и интеллектуальных процессов. «Осуществляемые посредством деятельности объективные отношения личности в мире интериоризируются и воплощаются в индивидуальном сознании в виде личностного смысла событий и поступков человека» (Там же). Асмолов предлагает выделять продуктивный и инструментальный планы проявления личности как субъекта деятельности. К продуктивным проявлениям личности относятся процессы активности личности, возникающие при отклонениях от нормативно заданных линий поведения, процессы самоотдачи, преобразования себя и других (Там же. С. 88). В контексте данной работы особое значение имеет выделение активности по преобразованию нормативности вовне и в самом себе в качестве продуктивного плана проявлений личности. Этот продуктивный план связывается Асмоловым с отражением преимущественно на уровне личностного смысла, соединяющего общественное значение и чувственную ткань и доминирующего на уровне обыденного сознания.

Проявление активности личности характеризует ее как субъекта деятельности, но понятия «личность» и «субъект» необходимо различать. Совпадение субъекта и личности, как указывал Б.Г.Ананьев, никогда не бывает абсолютным. «Совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность — совокупностью общественных отношений (экономических, политических, правовых, нравственных и т.д.)» (Ананьев, 1996. С.253). Зазор между личностью и субъектом активности определяет возможность продуктивного развития личности. Несовпадение субъекта и личности дает возможность человеку проявлять активность и по отношению к самому себе, к собственной личности. Активность субъекта рассматривается А.Г.Асмоловым как способность к преодолению, выходу за пределы. «Изучая личность как субъект деятельности, мы исследуем то, как личность преобразует, творит предметную действительность, в том числе и самое себя, вступая в активное отношение к своему опыту, к своим потенциальным мотивам, к своему характеру, способностям и продуктам деятельности» (Асмолов, 1996. С.88).

Способность быть субъектом активности по отношению к внешним условиям жизни, по отношению к обществу, по отношению к самой себе является важнейшим, определяющим качеством личное-

ти. «Личность... перестает казаться результатом прямого наслаивания внешних влияний; она выступает как то, что человек делает из себя, утверждая свою *человеческую жизнь*» (Леонтьев А.Н., 1983. Т.2. С.225). В процессе формирования человек, как отмечает А.Н. Леонтьев, приобретает способность проявлять активность не только во внешней сфере, но и быть субъектом собственной жизни, занимать по отношению к внешним обстоятельствам, даже своему прошлому, активную позицию. Именно активность личности определяет ее ведущий, категориальный признак — субъектность. «Конституирующей характеристикой личности человека (и выявления соответствующих областей психологии личности) является его субъектность» (Петровский В.А., 1996. С.И).

Подробный анализ понятия субъектности, его становления в отечественной психологии, связи с близкими понятиями и собственное видение его содержания даны в работе А.К.Осницкого (1996). Автор отмечает продуктивность использования понятия, так как «данная характеристика позволяет представить человека в психологическом исследовании не как беспристрастного исполнителя... а как пристрастного сценариста своих действий (на высших уровнях развития даже режиссера), которому присущи и определенные предпочтения, и мировоззренческие позиции, и целеустремленность преобразователя» (Осницкий, 1996. С.6). Активность человека в построении самого себя как проявление свойства быть субъектом выделял А.В.Брушлинский: «Трактовка человека как субъекта помогает целостно, системно раскрыть его специфическую активность во всех видах взаимодействия с миром (практического, чисто духовного и т.д.). По мере взросления в жизни человека все большее место занимают саморазвитие, самовоспитание, самоформирование... Будучи изначально активным, человеческий индивид, однако, не рождается, а становится субъектом в процессе общения, деятельности и других видов своей активности» (Брушлинский, 1991. С.4).

Возможность быть субъектом для человека означает возможность утверждения себя в мире. «Субъектность человека проявляется в его деятельности — особой активности, посредством которой человек воспроизводит себя, свое собственное бытие в мире» (Петровский В.А., 1996. С.8). Человеку, чтобы быть личностью, недостаточно просто жить в предложенных обстоятельствах, отвечать требованиям среды, «...на каждом повороте жизненного пути ему нужно от чего-то освобождаться, что-то утверждать в себе, и все это нужно делать, а не только подвергаться влияниям среды» (Леонтьев А.Н., 1983. Т.2. С.220).

Субъектность формируется и осуществляется в активности как таковой, понимаемой в противоположность реактивности. В ходе

Осуществления частных деятельностей, отмечает В.А.Петровский, субъект решает каждый раз частную задачу. Однако сам процесс активного преодоления препятствий, активного преобразования окружающей действительности и себя самого формирует в человеке новое качество, состоящее в способности противостоять «каким бы то ни было» ограничениям, способность к иницированию деятельности. «Активность и есть выросшая из отдельных приспособительных деятельностей субъекта специальная деятельность по снятию наличных ограничений вообще. ...В активности происходит как бы двойное освобождение субъекта — от состояний ближайшей к нему среды и от его собственных простейших потребностей» (Петровский В.А., 1996. С.300).

Определяя субъектность как форму активности человека, Осницкий отмечает, что именно в этой форме человек выступает автором собственной активности. Авторство рассматривается Осницким, в частности, через включение в опосредствованные формы опыта непосредственных переживаний, чувственных представлений, что способствует «превращению приобретаемого, “чужого” знания, знания для всех в знание собственное — субъектное» (Осницкий, 1996. С. 17). Пополнение субъектного опыта, как показывает Осницкий, происходит через взаимообогащающее смыкание различных видов опыта — непосредственного чувственного, оцениваемого эмоционально, и опосредствованного, оценка которого происходит на рациональном уровне (Там же). Можно увидеть явную связь между выделенным механизмом пополнения опыта и описанным Ю.М.Лотманом механизмом диалога на уровне культуры и на уровне личности (автокоммуникации). Таким образом, условием авторства выступают взаимодополнительные процессы отчуждения и субъективации знания. «Чужое знание» становится своим именно на уровне обыденного сознания, сохраняющего тесную связь с чувственными составляющими опыта.

Анализ позволяет предположить, что именно на уровне обыденного сознания реализуется авторство как специфическая позиция субъекта. Это определяется терпимостью к противоречиям и медиаторной, соединяющей функцией обыденного сознания по отношению к уровню бессознательного и уровню рационального, рефлексивного сознания.

Подведем итоги анализа понятий «личность» и «субъектность».

Личность — качество человека, которое формируется при жизни и социально детерминировано. Субъектность — характеристика личности, отражающая ее активность по отношению к обществу и самой себе. Возможность увидеть, выделить в себе качества, детерминированные принадлежностью к группе, социальной среде, как-то отнес-

тись к этим качествам, позволяет занять позицию вне этого влияния, не сливаться с социальной ролью. Осуществление этого — одна из форм проявления субъектности. Предварительный анализ теоретических представлений о развитии личности и проявлении субъектности позволяет говорить о существенной роли в этом процессе взаимодействия разных уровней отражения. Нужно отметить, что важную роль в проявлении такой возможности играет преодоление «власти слов». Социальная природа личности зафиксирована именно в языке, в системе общественно-исторических значений, и требуется опора на иной уровень отражения — уровень личностного смысла (в структуре сознания А.Н.Леонтьева), уровень бытийный (В.П.Зинченко) для возможности проявления активности субъекта.

Рассмотрим отдельные, наиболее значимые в контексте данной работы, решения проблемы формирования и развития личности как социально детерминированные, существующие в различных теоретических подходах.

3.1.3. ФОРМИРОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ ЯЗЫКОМ

Овладение языком — важнейший фактор, влияющий на многие аспекты формирования личности. В различных контекстах (с различных позиций) влияние языка на становление субъекта рассматривалось Л.С.Выготским и Ж.Лаканом.

3.1.3.1. СУБЪЕКТ КАК ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА В КОНЦЕПЦИИ Ж.ЛАГАНА. ЯЗЫК ОВЛАДЕВАЕТ ЧЕЛОВЕКОМ

Прежде чем мы получим в свое распоряжение знание о себе — осознанный образ самих себя, мы проделываем длинный и сложный путь. Образ себя, даже не выраженный в словах, появляется у нас далеко не сразу. Образ себя — это своеобразная надстройка, предполагающая определенное несовпадение с собой, возможность внешнего взгляда на самого себя. Представление о себе мы получаем как взгляд, слово других. Но стать собой можем только сумев осознать в этом образе авторство другого.

Большое внимание данному процессу уделяется в теории Жака Лакана. Согласно его теории, образ самого себя формируется в возрасте 6—18 месяцев, который Лакан называл стадией зеркала.

Происходящее на «стадии зеркала» Лакан предлагал понимать «как *идентификацию* в самом полном смысле, который придает психоанализ этому термину, а именно: преобразование, произведенное

2 субъекте тогда, когда он *принимает на себя* образ, — предопределенная связь которого с эффектом фазы достаточно хорошо обозначена употреблением в теории античного термина *imago*» (Лакан, 1996в. С. 10), что является, как отмечает Лакан, косвенным следствием разрыва с телом матери. Ребенок, лишенный единства с внешним миром, ищет подтверждения своего существования. На «стадии зеркала» он принимает свой «зеркальный образ», помогающий интегрировать до этого раздробленный, фрагментарный образ самого себя, построить, ощутить границы своего тела. «Функция стадии зеркала оказывается ... частным случаем функции *imago*, каковая — установить отношение организма с его реальностью, или, как говорят, внутреннего с внешним» (Там же. С. 9). Воображаемое связывает организм с его желанием, с его «реальным», играя при этом роль своеобразного защитного механизма, создавая такой образ Я, который дает ему окружающий мир, образ, который устраивает индивида и подчиняется не принципу реальности, а логике иллюзии. Этот образ изначально не точен, он обладает, по выражению Лакана, отчуждающей идентичностью, «которая отметит своей жесткой структурой все его умственное развитие» (Там же. С. 10).

Эта внешняя форма, с которой идентифицирует себя младенец, является в большей степени конструирующей, нежели конструируемой. Она в большей степени «делает» ребенка, чем ребенок ее делает. Принимаемый на себя собственный зеркальный образ формирует основу Я-Идеала, что дает возможность дальнейших (уже вторичных) идентификаций с родителями и создает место для последующего формирования Эго (*moi*): «...эта форма располагает инстанцию я (*moi*), еще до его определения в социальной области, на фиктивной линии, совершенно недоступной изменению со стороны самого индивида...» (Там же. С. 11). Задача Эго будет в последующем заключаться в том, что бы преодолеть свое несоответствие своей собственной реальности, стать тем, образ кого получен от окружающих в качестве «меня самого». В результате получается, что «воображаемое» может быть определено как область незнания, заблуждения человека относительно самого себя.

Однако расхождение знаний о себе с реальностью на этом не заканчивается. На стадии символического образ себя, представленный прежде всего как наглядный образ, как картинка, как скульптура, получает означивание в словах.

В теории Лакана понятие субъекта имеет смысл, отличный от классического картезианского. Картезианское положение — мысль, следовательно существую, отсюда — субъект — это тот, кто мыслит, Я, понимаемое прежде всего как субъект самосознания. Субъект в понимании Лакана предстает как функция культуры, как точка пере-

сечения различных символических структур и как точка приложения сил бессознательного: не культура является атрибутом субъекта, а субъект — атрибутом культуры, говорящей при помощи субъекта. Сам субъект есть «ничто», некая «пустота», заполненная содержанием символических матриц.

Язык формирует субъекта, о чем прямо говорит Лакан: «Что такое это? Субъект захвачен чем-то помимо смысла слов, чем-то по природе своей совершенно отличным — языком, роль которого является определяющей, основной в истории субъекта» (Лакан, 1998.

С.25). Субъект — это место в коммуникации, он порождается (создается) речью. «То, что я ищу в речи — это ответ другого. То, что конституирует меня как субъекта — это мой вопрос. Чтобы получить признание другого, я говорю о том, что было, лишь ввиду того, что будет. Чтобы найти его, я называю его по имени, которое, отвечая мне, он должен либо принять, либо отвергнуть. В языке я идентифицирую себя, но лишь для того, чтобы затеряться в нем как объект...» (Лакан, 1995. С.69). Говоря о себе нечто, например «я — гражданин, я — ребенок, я — невротик», мы приравниваем себя к некоторому объекту, квалифицируем себя как объект, например — объект гражданского права или объект определенного возраста, определенной нозологии. «Но если, говоря с кем-то, я обращаюсь к нему по какому-то определенному имени, я вмещаю ему тем самым субъективную функцию, которую, отвечая мне, он обязательно возьмет на себя — хотя бы для того, чтобы от нее отречься» (Там же). Я осознаю себя в средствах языка. А язык реализуется как речь, как конкретные коммуникативные акты. Прежде чем стать основой самосознания, нечто должно быть произнесено и услышано, воспринято как адресованное мне. Я отождествляю себя с тем, к кому обращены слова другого и тем самым становлюсь для него субъектом. Я — это тот самый, к которому обращаются. Это отождествление зарождается еще до формирования сознания, на аффективной, эмоциональной основе, в отношениях матери с ребенком. Ребенок становится тем, кем называет его мама, к кому она обращается, о чьих желаниях она знает или догадывается. Ребенок капризничает, плачет — и мама знает, что ребенок хочет спать, хотя он сам об этом еще не знает. Иногда в том, что знает мама о ребенке, содержатся ее собственные неосознаваемые желания, которые ребенок затем учится принимать за свои.

Таким образом, субъект определяется, строится желанием Другого, ответом на его запрос. Субъект стремится быть предметом желания другого, ибо только это гарантирует возможность удовлетворения его собственных желаний. «Запрос в любви может лишь страдать от желания, означающее которого ему чуждо. Если желание матер::

есть фаллос, ребенок хочет стать фаллосом, чтобы его удовлетворить» (Лакан, 1996а. С.21). Лакан имеет в виду мысль Фрейда о том, что зависть к пенису разрешается в желании иметь мужа, обладающего пенисом, и ребенка как символически замещающего пенис.

Смешение индивидуального желания и речи Другого, структурирующей это желание, не происходит безболезненно. Такая динамика — от социального дискурса к индивидуальному выражению и от субъективного опыта к выраженности его через общественный язык, неизбежно вызывает проблемы.

На уровне индивида человек (субъект) переживает на себе непреодолимое рассогласование дискурса и желания, что определяет сложности в «отношениях речи и языка внутри субъекта». Сложности определяются тем, что «язык — это готовый продукт, пассивно регистрируемый говорящим; он никогда не предполагает преднамеренности... Наоборот, речь есть индивидуальный акт» (Соссюр, 1977. С.52), и ребенок вынужден преодолевать разрыв между всеобщим и индивидуальным, трансформируя индивидуальное, подгоняя его под всеобщие формы: «...парадокс отношения языка к речи — это парадокс субъекта, теряющего свой смысл в объективациях дискурса» (Лакан, 1995. С.51).

Символическое — понимаемое в теории Лакана как бессознательное, построенное на основе речи другого, вступая во взаимодействие с Я как носителем желания, через структурирующую функцию означающего неизбежно искажает, репрессирует желания субъекта. Результатом становится тотальная неосознаваемая и потому неконтролируемая зависимость субъекта от речи другого, от навязанного ему дискурса.

О взаимодействии субъекта с чужими словами говорил и М.М.Бахтин, занимая близкую к Лакану позицию. Человек вынужден признать, отмечал он, что мир заполнен чужими словами, которые необходимо отличать от своих, осваивать в их инаковости, чтобы через них вступить в контакт с другими людьми. «Чужое слово ставит перед человеком особую задачу понимания этого слова ... распадение для каждого человека всего выраженного в слове на маленький мирок своих слов (ощущаемых как свои) и огромный, безграничный мир чужих слов — первичный факт человеческого сознания и человеческой жизни...» (Бахтин, 1979. С.348). Необходимость контакта заставляет соотносить и трансформировать свои и чужие слова, изменять их значения.

Рассмотрим описываемый Лаканом процесс с точки зрения структуры сознания. Понятие «символическое» употребляется Лаканом скорее в смысле знака. Стадия символического может быть представлена через доминирование значения как одной из составляющих

структуры сознания и структуры знака. На уровне символического преобладает форма дискретного кодирования. Возникновение патологических, невротических искажений является, как считает Лакан вслед за Фрейдом, следствием отрыва означающего от означаемого, нарушением связи знакового уровня с чувственным, с уровнем желания. Дискурс формирует субъекта как позицию в коммуникации. Однако опасность заключается в закреплении пассивной позиции, сдаче субъектности. Если обратиться к рис. 2, показывающему расположение образов в семантическом пространстве, то место ложной субъектности будет находиться как раз в заполненной шкалами области, в области идеальных фигур.

Лакан рассматривал в основном процесс преодоления власти дискурса, слова Другого. Выготский делал акцент на овладении собой с помощью знака, преодолении власти дознакового, непосредственно го отражения.

3.1.3.2. ОВЛАДЕНИЕ СОБОЙ С ПОМОЩЬЮ ЗНАКА.

ФОРМИРОВАНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ ЧЕРЕЗ ЗНАКОВОЕ ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ В ТЕОРИИ Л.С.ВЫГОТСКОГО

В отечественной психологии проблему овладения собой с помощью знака разрабатывал Л.С.Выготский. Согласно его теории, формирование высших психических функций, собственно человеческого уровня развития психики у ребенка осуществляется за счет интериоризации процесса общения со взрослыми, переноса их функций, их действий во внутренний план. Ребенок управляет своими движениями и действиями теми же средствами, какими ранее управлял поведением взрослого — знаками, словами. «Ребенок, организуя собственное поведение по социальному типу, применяет к себе тот способ поведения, который раньше он применял к другому», «речь, будучи сперва интерпсихическим процессом, становится теперь интрапсихической функцией... становясь инструментом организованного решения задачи» (Выготский, 1984. С.33). Таким образом, слово, знак рассматривается в его репрессивной — подавляющей, контролирующей функции. Ребенок преодолевает зависимость от ситуации через «предварительный контроль над самим собой и предварительную организацию своего поведения» (Выготский, 1984. С.36) с помощью знаков.

В концепции Выготского значимое место занимает представление о социальной детерминации высших психических функций. «Средство воздействия на себя первоначально есть средство воздействия других наличность» (Выготский, 1983. Т.3. С.145). В этом подчеркнутом мо-

менте зависимости от влияния другого можно увидеть несомненную (опережающую) близость к лакановскому прочтению Фрейда, показавшему, что субъект есть функция социального дискурса. Глобальная потребность младенца, еще не дифференцированная и не имеющая наименования, структурируется речью окружающих его взрослых и подчиняется законам языка. Поэтому субъект, являясь принадлежностью культуры, и отчуждается от своих реальных желаний.

Выготский также считал, что решающая роль в становлении личности принадлежит тому значению, которое взрослый, «другой», придает движениям, действиям, и в итоге, побуждениям ребенка. Ярким примером, подтверждающим сходство с концепцией Лакана, можно считать рассуждение Выготского о превращении хватательного движения ребенка в указательное. Ребенок пытается схватить предмет и его движение целенаправленно и не имеет иного значения. «Когда мать приходит на помощь ребенку и осмысливает его движение как указание, ситуация существенно меняется. Указательный жест становится жестом для других». Именно мать вносит в ситуацию дополнительное значение — и оно впоследствии усваивается ребенком. «Первоначальный смысл в неудавшееся хватательное движение вносят, таким образом, другие... Ребенок приходит ... к осознанию своего жеста последним» (*Выготский*, 1983. Т.3. С.144). Выготский видит в этом большой выигрыш, значимую ступень развития. Делая привнесенный матерью смысл фактом собственного сознания, ребенок усложняет структуру психического отражения, внося в нее структуру коммуникативного акта.

О сходной ситуации говорил и Лакан, утверждавший тоталитарность слова: «...выходит, что человеческий язык создает ситуацию общения, в которой передающий получает от принимающего свое собственное сообщение в обращенной форме» (*Лакан*, 1995. С.67—68). Лакан обращал внимание на невротическую отчужденность Эго субъекта от его желаний, создаваемую дискурсом Другого, особенно заметную в клинической работе психоаналитика.

Выготский, в отличие от Лакана, не усматривал в процессе овладения собой с помощью знака опасности патологии. Знак понимался им как инструмент, расширяющий возможности индивида, создающий пространство свободы по отношению к непосредственно воспринимаемой ситуации. Возможно потому, что процесс овладения знаком рассматривался им как процесс овладения прежде всего функцией означивания, что предполагает сохранение контакта с аффективным уровнем через внутренний диалог, через внутреннюю речь.

И для Лакана, и для Выготского подлинная субъектность предполагает динамическое существование, обеспеченное возможностью выхода за пределы тотальной означенности, поглощенности дискур-

сом, системой языка и контакта с желанием (Лакан), возможностью осуществления внутреннего диалога (Выготский). Т.е. контакта между разными уровнями психического отражения, различающимися характером знакового опосредствования. Как показывает анализ, и Ж.Лакан, и Л.С.Выготский, рассматривая процесс формирования психики человека через взаимодействие с языком, социальную ситуацию коммуникации, делают акцент на различные аспекты. Для Лакана позитивной значимостью обладает активность, направленная на осознание власти дискурса, выход за пределы «речи Другого». Подлинный субъект, свободный от безусловной власти «речи Другого», должен преодолеть тотальную зависимость от языка. Для Выготского на первое место выступает активность, направленная субъектом на самого себя, на управление собственной психической деятельностью. Субъект формируется в результате овладения языком, но в этом процессе, как считает Выготский, активность изначально принадлежит субъекту. Язык рассматривался им как инструмент, как нечто, что может быть использовано субъектом. Но несмотря на различия в позициях необходимо отметить, что и для Лакана, и для Выготского подлинная субъектность достигается через позицию «вне языка», когда происходит «отчуждение» от привычных языковых норм, когда установлено авторство другого, и возможно быть активным пользователем.

3,1.4. ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ. МОРАТОРИЙ КАК ВЫХОД ЗА ПРЕДЕЛЫ

Иной аспект формирования субъекта можно видеть во включенности индивида в социальные связи, в его идентификации с социальной группой. Проблемы идентичности в зарубежной психологии рассматривались в работах Э.Эриксона, Дж.Марсиа, А.Ватермана, Дж.Мида, И.Гофмана, Р.Фогельсона, Г.Тэджфела, Дж.Тернера, Г.Брейкуэлл.

Мы остановимся на вопросах, касающихся кризиса идентичности и ее связи с языком и социумом.

Кризис идентичности как центральная проблема жизненного пути личности, решение которой приходится в основном на юношеский возраст, был предметом анализа в работах Э.Эриксона (1996а, 1996б), заложившего теоретические основы изучения идентификации. Идентификация понималась им как результат отождествления с определенными социальными группами, принятие на себя системы социальных ролей. Однако в определенный период, предшествующий вступлению в активную созидательную жизнь, человек получает воз-

можность оказаться как бы вне системы определенных идентификаций. Этот период Э. Эриксон называл периодом моратория, когда «все тождества и непрерывности, на которые эго полагалось до этого, снова в той или иной степени подвергаются сомнению...» (Эриксон, 1996а. С.366). Мораторий обеспечивает возможность избежать автоматического включения в социальную среду, позволяет совершить сознательный выбор. Однако причины кризиса идентичности Эриксон связывал в основном с изменением социальной ситуации жизни личности, сменой реальных позиций в социальной среде и необходимостью соответствовать новым требованиям, предъявляемым обществом.

Формирование идентичности может предполагать различную степень активности субъекта. Так, Дж.Мид (*Mead, 1946*) говорил об осознаваемой и неосознаваемой идентичности. Неосознаваемая базируется на неосознанно принятых нормах, привычках, формах поведения и мышления, получаемых человеком от группы, к которой он принадлежит. Его собственная активность при этом минимальна. Осознаваемая идентичность возникает при наличии рефлексии, когда человек начинает размышлять о себе, своей жизни, выбираемых целях. Однако и самодетерминация не полностью автономна от социума, так как она формируется при помощи категорий, выработанных в языке. Дж.Марсиа (*Marcia, 1980*) в последних работах описывает два возможных пути достижения идентичности — через постепенное осознание некоторых данных о себе, что ведет к формированию присвоенной идентичности, и через самостоятельное принятие человеком решений о том, каким ему быть — что ведет к формированию конструируемой, или достигнутой идентичности.

В русле данной работы необходимо отметить, что в структуре идентичности разные авторы выделяют два взаимосвязанных аспекта — социальный и личностный. Личностная идентичность, как отмечается в рассмотренных подходах, формируется на социальной базе и сохраняет с ней связь через использование языковых категорий, имеющих социально обусловленный характер. Однако влияние это не односторонне. Будучи сформированной, личностная идентичность начинает активно воздействовать на социальную, изменять ее.

Крайнюю точку зрения на проблему социальной детерминации идентичности формулирует Н.В.Антонова. Анализируя различные зарубежные теории идентичности, Н.В.Антонова отмечает, что структура идентичности развивается за счет ассимиляции и аккомодации новых элементов или переоценки существующих. «Переход от одного состояния к другому осуществляется через преодоление кризиса идентичности» (Антонова, 1997. С.25), возникающего в результате несоответствия сложившейся структуры изменившемуся контексту

существования. Субъект должен иметь возможность отстраниться от имеющегося образа себя, чтобы осуществить его переоценку и совершить трансформацию. Однако автор делает упор на социальной детерминации не только идентичности, но и изменения идентичности. «Идентичность является социальной по происхождению, так как она формируется в результате взаимодействия индивида с другими людьми и усвоения им выработанного в процессе социального взаимодействия языка. Изменение идентичности так же обусловлено изменениями в социальном окружении индивида» (Антонова, 1996. С. 142). Рассматривая проблемы соотношения личностной идентичности с социальной и отмечая, что личностная идентичность вторична по отношению к социальной, Н.В.Антонова подчеркивает глубокую зависимость личностной от социальной идентичности, так как первая формируется на основе использования выработанных в процессе социальной категоризации понятий.

В отечественной психологии проблема развития личности как принятия системы идентификаций с именем, этносом, полом, возрастом и пр. рассматривается в работах В.С.Мухиной и ее школы (1975). Ребенок обретает социальность через отождествление себя с определенными категориями, позволяющими идентифицировать его как члена общества. «В основу структуры личности ложится выделение себя как носителя определенного имени... На начальном этапе развития личности идет первичная подготовка к “присвоению” ребенком социально значимых позиций и отношений к самому себе и к непосредственно окружающим его людям» (Мухина, 1975. С.61). Мухина подробно анализирует одну из первичных идентификаций ребенка — идентификацию с именем. Описанный Мухиной процесс явно опирается на мифологический уровень психического отражения, идентификация с именем рассматривается как образование нерасторжимой связи означающего и означаемого. «Имя собственное, соединяясь в сознании с “Я”, создает такое образование, которое психологически представляет весь облик человека и прежде всего его лик, лицо, которое в то же время предстает как носитель духовной индивидуальности человека, которое контролирует и направляет деятельность и поступки личности» (Мухина, 1975. С.62). Хотя у современного цивилизованного взрослого уже нет той развернутой идентификации с именем, которая была присуща родовому человеку, имя собственное, как отмечает В.С.Мухина, все же остается «кристаллом, с которого начинается развитие личности» (Мухина, 1975. С.64).

Однако в качестве важнейшего дополнения к идентификации, обеспечивающего подлинное рождение личности, формирование субъекта, В.С.Мухина называет и обособление, позволяющее отделить себя от других, отстаивать свою природную и человеческую сущ-

ность. «Если идентификация обеспечивает усвоение конвенциональных ролей, норм, правил поведения в обществе, то обособление позволяет присваивать “внешнее через внутреннее”» (Мухина, 1975.

С.86). Именно обособление дает возможность отнестись определенным образом к социальным структурам, системе идентификаций и индивидуализировать социальный опыт. Отчуждение позволяет занять место вне принятой системы значений и тем самым принимать или не принимать определенные идентификации.

В концепции А.В. Петровского развитие личности представлено через процесс последовательного вхождения в актуальную социальную ситуацию. Этот процесс предполагает последовательное прохождение стадий адаптации, индивидуализации и интеграции.

Обобщая рассмотрение проблемы идентичности, можно сказать, что в данном феномене в существующих подходах принято выделять стороны, в разной степени определяемые социальной средой. Формирование идентичности, как отмечают практически все авторы, включает в себя кризисные моменты, продуктивное преодоление которых предполагает пересмотр уже принятых идентификаций и активную работу по выбору дальнейших.

3.1.5. КРЕАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ ГРАНИЦ. СУБЪЕКТ КАК ПРОДУКТ СОПРОТИВЛЕНИЯ ГРАНИЦЕ

В содержании понятий «личность» и «субъектность» важное место занимает активность человека, направленная на преодоление разного рода границ — субъективных и объективных ограничений, норм, налагаемых системой языка, обществом, им самим. Психологические аспекты проблемы границы рассматривались в работах В.А.Петровского (побудительная сила границы — «мотив границы»), Б.Д.Эльконина (представление о границе между реальной и идеальной формой), Е.В.Кузьминой (развернутая типология границ), М.В.Бороденко («смеховое означивание» границы нового), М.А.Ишковой («феномен границы» в детерминации активности ребенка) и др.

Один из видов социально-культурных границ — это идентификация, определяющая пределы индивида рамками значений языка и системой социальных ролей. Идентификация позволяет человеку найти в социуме место для своего Я, разместить себя в определенных рамках, разделить свое и чужое. И в то же время именно ощущение несовпадения с фиксированными пределами идентификации дает возможность, как было рассмотрено выше, проявлять субъективную активность, формировать новую идентичность.

Процессы идентификации опираются на достаточно древние, архаичные механизмы психики человека, лежащие в основе филогенеза. Сам феномен построения личности может быть рассмотрен как функция обнаружения границы, столкновения с нормой и опробования ее на прочность. Такое понимание происхождения личности рассматривается во многих теоретических и экспериментальных исследованиях. В работах Е.А.Родионовой (1979а, 1979б) анализируется этимологическая и психологическая связь понятия личности с личиной, маской актера. Автор указывает на общую функцию маски, которая состоит в изоляции и самоизоляции носителя маски от внешней социальной и культурной среды (Родионова, 1979а. С.305). В архаических культурах ношение маски осуществляется в рамках ритуального поведения и позволяет резко изменить реальный облик человека, сделать его странным, неестественным. Странная, необычная маска определяла и необычное, неестественное поведение ее носителя, который мог делать то, что обычно нельзя, нарушать табу. «Следует обратить внимание на активность “маски” по отношению к правилам и нормам: именно нарушение табу, как и нарушение морфологических норм человеческого лица, сообщает ритуальному клоуну и маске магическую силу, обеспечивающую их влияние на окружающих. ...Переход социокультурной границы, выход за пределы человеческой общности способствует осознанию этой границы другими членами коллектива, и в силу этого необходимость соблюдения той или иной общественной нормы приобретает как бы двойную силу: осознанной становится не только сама норма, но и степень возможного отклонения от нее» (Там же. С.307). Однако маска отражает не случайное или индивидуально инициированное отклонение. В маске запечатлен общий предок, существо, которого нет и которое всегда присутствует, являясь условием существования родовой общины, воплощая в себе предписания Сверх-Я. И отклонение идет не в сторону усиления единичных, индивидуальных вариантов поведения, а в сторону приобщения к максимально общему, стоящему выше индивида. Через маску рядовой член общины не только может выйти за пределы существующих в социуме норм, табу, но прежде всего приобщиться к «вечной жизни» предка, того, кто задает нормы: «...“персональная” позиция предполагает выход за пределы “обжитого пространства” и фиксирует отношение к нему» (Там же. С.311). Надев ритуальную маску — личину, человек осуществляет временный переход в иной мир, в котором нормы и правила, обязательные для всех, устанавливаются, т.е. получает возможность стать в позицию автора этих правил. Рассматриваемые Родионовой процессы раскрывают связь ритуального надевания маски с описанным Фрейдом механизмом формирования индивидуального Сверх-Я за счет идентификации

с образом вождя первобытной орды. Отмеченные Родионовой аспекты ритуального маскарада сопоставимы также с описанными М.М. Бахтиным механизмами карнавализации. Но если Бахтин делает акцент на присвоение и последующее развитие норм через их отрицание, то Родионова обращает внимание на процесс идентификации с «высшим существом», автором норм, что дает ощущение свободы от их выполнения и позволяет более терпимо относиться к ним в обычной жизни.

Таким образом получается, что маска (личина, личность) предоставляет индивиду возможность выйти за пределы себя естественно-го, чтобы обрести себя вначале как производителя культуры, а затем как ее члена. «В маске ... в полном смысле слова сосредоточены функции социальной регуляции, общественной “гармонизации” индивидуального героического “характера”» (Родионова, 1979б. С. 150). Отметим важную роль момента выхода за пределы в структурировании, формировании субъекта как социального существа. Родионова анализирует феномен маски с позиций сценической модели личности, но в данном феномене видна и модель интериоризации, формирования высших психических функций, описанных Л.С.Выготским. При формировании личности в онтогенезе отмечается тот же процесс — ребенок идентифицирует себя с позицией взрослого, которая затем становится его собственной внутренней позицией.

Анализ показывает креативную значимость факта несовпадения лица и маски, исполнителя и социальной роли, индивида и его социальной сущности. Субъект, собственное активное Я формируется в месте «зазора», несовпадения лица и личины, физического индивида и члена социальной группы.

Отмеченный принцип формирования авторства через «отстранение» имеет аналоги и в более глубоких механизмах при осуществлении репрезентации физического тела и его социальной значимости. Человек обретает свои атрибуты, начиная от образа тела и кончая собственным социальным и психическим Я, через столкновение с границей, через сопротивление. На основе этого опыта и формируется знание о своем и чужом, о субъекте и объекте, Я и не-Я. Если граница абсолютна и не поддается воздействию — то значит здесь заканчивается Я и начинается объект. Представление о Я складывается из опыта преодоленных границ различной модальности. Психологические механизмы формирования представления об объекте в раннем возрасте рассматривались подробно Ж.Пиаже (1994), Дж.Брунером (1977), Ж.Лаканом (1996в), представителями школы объектных отношений Мелани Кляйн (1998), Д.Винникот (см. *Райкрофт*, 1995) и др.

Представление о собственном физическом теле, как отмечает А.Ш.Тхостов (1994), создается через столкновение с жестким, не

подчиняющимся миром, к которому нужно приспособливаться. Более того, само тело начинает существовать как факт сознания только при обнаружении его собственного сопротивления. «Свое существование (как объект сознания) тело получает, лишь демонстрируя упругость и непрозрачность, неадекватность прогнозирования и управления» (Тхостов, 1994. №2. С.6). Тело становится фактом сознания человека, когда приходится прилагать усилия для управления им. Мы не ощущаем те элементы собственного организма, которые действуют исправно без нашего вмешательства. Именно через сопротивление как среды, так и самого организма для человека оформляется представление о своем физическом теле. По той же модели строятся и репрезентации культурного тела, которое определяется принадлежностью к конкретной социально-исторической среде. Тело в целом, его отдельные части, функции, проявления наделяются значениями, определяются как правильные и неправильные, приличные и неприличные. По отношению к телу действуют нормативы, задающие пределы его возможностей. Представление о «культурном» теле обязано своим происхождением давлению культурной среды: «Метафора Кафки становится буквальной, и общество “вырезает” свой приговор на теле своей жертвы. Результат этой операции — новая реальность “культурного”, содержащая в себе новые возможности и пространство “культурной патологии”» (Там же. С.9). Ребенка с раннего детства приучают к «правильному» осуществлению ряда естественных функций, связанных с питанием, отправлениями, овладением инструментами — в результате чего некоторые элементы тела попадают в фокус внимания, становятся предметом управления и наделяются социально-детерминированным значением. Ограничения, налагаемые на тело, формируют его новый «ландшафт», определяемый тем, что общество в теле видит, а что игнорирует. Подробно и глубоко эта проблема анализируется в работах М.Фуко (1996), посвященных истории представлений общества о сексуальности, болезни, наказании.

Однако натуральное и культурное тело не совпадают, образуя в месте соединения «зону неопределенности». Это пространство оставляет возможность как для свободного развития, так и для болезни, патологии, когда между натуральным и культурным телом возникают конфликты. Тхостов обращает внимание на формирование конверсионных симптомов, появляющихся при поломке в управлении или введении скрытого управления ранее автоматизированными функциями (Там же. С.11).

Наряду с риском патологии, отчуждение натурального уровня, восприятие его как иного в основном и формирует наше сознательное Я. Субъект, в принципе, может существовать лишь на границе с иным, Я возможно только в противопоставлении с не-Я. «Утрачивая

сопротивление *иного* (неважно, где я с ним встречаюсь), сознание превращается в исчезающую “шагреневую кожу”, в “черную дыру” *ничего* (Тхостов, 1994. № 3. С.6). «Я находится именно там, где начинается не-Я» (*Там же*). Эмпирическое Я, сознание субъекта существует в месте разрыва между *мною* и *не-мною*, по одну сторону которого находится «черная дыра» истинного субъекта, а по другую — плотный, сопротивляющийся мир. С этой точки зрения, указывает Тхостов, истинный субъект не совпадает полностью с определением Декарта, ограничившем Эго, Я феноменом знания, осознания. «Вопрос в том, существую ли я там, где я испытываю ... ощущения, или, в терминологии Декарта, *ubi cogito — ibi sum* (где мыслю — там и существую). Если признать, что чувствования или место *cogito* это не место субъекта, а место его столкновения с иным, его превращения в иное, лишь в виде которого он может замутиться, потерять прозрачность, то более точным было бы утверждение, что Я как истинный субъект существую там, где не мыслю, или *я есть там, где меня нет*» (*Там же*). То есть в месте «разрыва», зазора между натуральным и культурным. Личность человека не совпадает с маской, социальной ролью, но определяется возможностью выбирать и исполнять эту роль. Если маска сливается с носителем, то можно говорить о потере личности. Чтобы Я сформировалось, необходима проницаемая граница. Реальность социального Я, как и Я телесного, производна от сопротивления социальной и языковой среды. Оно существует в силу осязательности давления социальных норм и, в то же время, в силу их подверженности произвольным изменениям. Граница, на которой формируется Я, должна быть четкой, но проницаемой. Проницаемость обеспечивается особенностями обыденного сознания, позволяющими осуществлять перекодирование дискретных и континуальных форм репрезентации.

Не совпадая с декартовским, субъект сознания, отмечает Тхостов, очень схож с истинным субъектом психоанализа — *Оно*, по отношению к которому Я и Сверх-Я есть измененные под воздействием сопротивления среды его части. При принципиальном согласии с данным утверждением, считаем необходимым его дополнить, отметив, что если Сверх-Я формируется в том месте, где среда оказывает сопротивление, то Я формируется там, где Оно сопротивляется Сверх-Я, усвоенным границам. Реальное Я человека, субъектность как свойство личности формируется и существует в месте сопротивления давлению социальных норм и в месте управления собственными физическими и психическими функциями.

Отражение этой ситуации в семантическом пространстве представлено в расположении образов себя в разные временные проме-

жутки, образов родителей и идеальных фигур. Образ ребенка лежит в секторе (области) семантического пространства, смысл которого не имеет жесткой связанности со словами, слабо заполнен шкалами. А образ себя в будущем, через 15 лет, располагается в области, смысл которой имеет множество средств репрезентации, в буквальном смысле «означен», закреплен.

3.1.6 «РАЗРЫВ». ПОНИМАНИЕ СУБЪЕКТНОСТИ В РАБОТАХ С.Л.РУБИНШТЕЙНА

Отчуждение, разрыв в естественном течении жизни служит и источником развития, и несет в себе потенциальную патологию. Проблема «разрыва» в естественном течении жизни, опасности и продуктивности рефлексивного выхода была четко обозначена в работах С.Л. Рубинштейна.

В творчестве С.Л.Рубинштейна реализовывался выдвинутый им принцип единства сознания (и вообще психики) и деятельности (трудовой, познавательной, учебной и т.д.). Согласно этому принципу человек и его психика формируются и проявляются в деятельности (изначально практической), а потому изучаться они могут прежде всего через проявления в такой деятельности. Однако при этом на первое место ставится активность личности, «личность не растворяется в деятельности, а выстраивая системы жизненных отношений с миром, с людьми, определяет систему деятельностей, которую она считает необходимой осуществить» (*Брушлинский*, 1997. С.208). Анализируя понятие личности, С.Л.Рубинштейн особое внимание уделял активной позиции человека в системе общественных отношений. «В качестве личности человек выступает как “единица” в системе общественных отношений, как их реальный носитель. В этом заключается положительное ядро точки зрения, которая утверждает, что понятие личности есть общественная, а не психологическая категория» (*Рубинштейн*, 1957. С.311). Тем самым понимание личности связывалось с активностью по отношению к системе общественных отношений, а значит и возможностью выходить за их пределы, не сливаться с социумом, занимать по отношению к нему определенную позицию. Эта активная позиция реализуется прежде всего через аффективный компонент, пристрастность сознания, который С.Л.Рубинштейн называл ведущей характеристикой личности: «человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему... Человек есть в максимальной степени личность, когда в нем минимум нейтральности, безразличия, равнодушия и максимум “партийности” по отношению ко всему об-

щественно значимому. Поэтому для человека как личности такое фундаментальное значение имеет сознание, но не только как знание, но и как отношение. Без сознания, без способности сознательно занять определенную позицию нет личности» (*Там же*. С.312). Функция сознания в формировании личности определялась Рубинштейном через возможность активности по отношению к внешним обстоятельствам.

Говоря о человеке как субъекте жизни, С.Л.Рубинштейн выделяет два возможных способа существования. При первом жизнь выступает «почти как природный процесс, во всяком случае очевидна непосредственность и целостность человека, живущего такой жизнью. ... Здесь нравственность существует как невинность, как неведение зла...» (*Рубинштейн*, 1973. С.351). Человек при таком существовании не имеет возможности каким-либо образом отнестись к собственному бытию, принятой на веру системе ценностей. Используя представление о разных формах знаковой опосредствованности различных уровней сознания, можно сказать, что в такой жизни силен элемент мифологического, значительная часть знаний о себе и мире усваивается на основе индексального уровня отражения. При втором способе жизни человек начинает различать знания и способы их получения, начинает размышлять о принципах своего существования. Этот способ связан с появлением рефлексии, которая «как бы приостанавливает, прерывает этот непрерывный процесс жизни и выводит человека мысленно за ее пределы. Человек как бы занимает позицию вне ее» (*Там же*). Результатом, как считает С.Л.Рубинштейн, могут быть или душевная опустошенность, или построение нравственности на новой сознательной основе. Особую роль в этом процессе играет сознание, в одну из функций которого входит обеспечение возможности преодолеть непосредственность восприятия, включенность в естественный ход жизни. «Сознание выступает здесь как разрыв, как выход из полной поглощенности непосредственным процессом жизни для выработки соответствующего отношения к ней, занятия позиции над ней, вне ее для суждения о ней» (*Рубинштейн*, 1946. С.352). Отметим, что такое различение способов существования в связи с принятием уже сложившейся системы ценностей или выхода за ее пределы близко по духу представлению Л.Колберга о конвенциональной и постконвенциональной морали (*Пауэр и др.*, 1992). Принятие существующих в обществе законов и моральных норм в качестве критерия правильного, нравственного поведения предшествует формируемой только начиная с подростко-

С.Л.Рубинштейн рассматривал проблему взаимодействия содержаний, существующих в разных формах репрезентации, как проблему соотношения идеалов, ценностей и реальной жизни. Движение осуществляется в обе стороны. В течении жизни человек, как отмечал С.Л.Рубинштейн, должен выполнить задачу по преодолению отчужденных от него идеалов, что достигается не через их перечеркивание, а через их реализацию, которая позволяет изменить форму репрезентации. Но сами идеалы формируются именно «как образование отчуждения, разрыва, противопоставления и его преодоление» (*Рубинштейн*, 1946. С. 362). Необходимо отстраниться от естественного течения жизни, занять позицию «вне», чтобы иметь возможность построить не совпадающий с наличной реальностью идеал. Отметим, что развивающую, преобразующую функцию выполняет именно процесс перекодирования, перевода из одной формы существования содержания в другую. Обыденное сознание в данном контексте С.Л.Рубинштейном не упоминается, но можно предположить, что именно неоднородная семантическая структура обыденного сознания позволяет совершать описанные переходы, обеспечивая возможность и дорефлексивного и «пострефлексивного» существования, выхода за пределы тотальной означенности, т.е. возможность «разрыва».

Развитие проблемы противоречивого соотношения индивида и общества в работах С.Л.Рубинштейна и психологов его школы анализирует К.А.Абульханова-Славская (19976). Поставленная Рубинштейном проблема дала начало многим интересным направлениям работы. В русле данного подхода были предприняты исследования, направленные на выявление разного рода противоречий — противоречия «общения» и «обособления» индивида, что раскрывает специфику индивидуальной формы общественного бытия, противоречия «особенности» — индивидуальности и всеобщности, противоречия между индивидуализированностью и всеобщностью (*Абульханова-Славская*, 19976. С.292).

Сопrotивление материала, сопrotивление социальности ставит человека перед необходимостью преодолевать его, отстаивать свое право быть субъектом. К.А.Абульханова-Славская, рассматривая жизненный путь личности, говорит о становлении субъекта как об одной из центральных проблем личной жизни. Развивая идеи С.Л.Рубинштейна, К.А.Абульханова-Славская предлагает различать констатирующую часть индивидуального сознания и деятельную, творчески преобразующую. Констатирующую часть сознания составляет содержание общественного сознания, которое принимается, не становясь предметом специальной рефлексии. Наличие деятельной части позволяет личности занять активную позицию по отношению

к обществу, подвергнув анализу принятые в обществе нормы, ценности, идеалы. Именно через теоретическое мышление происходит индивидуализация личности: «чем более индивидуализирован общественный способ жизни и действия людей, тем более индивидуальному сознанию свойственна подлинно теоретическая работа, а не простое конкретное отражение действительности» (Абульханова-Славская, 1991. С. 194). Теоретическая работа индивидуального сознания, подчеркивает К.А.Абульханова-Славская, связана с его основной функцией — функцией обеспечения самоопределения личности в обществе. Таким образом, конкретным механизмом, позволяющим преодолеть погруженность в непосредственное течение жизни, называется теоретическая рефлексия социального бытия, «социальное мышление», как называет его автор, что также связано с изменением форм репрезентации.

3.1.7. ОПАСНОСТЬ И ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТЬ НЕАДДИТИВНОСТИ

Развитие психики человека происходит на границах между «чувственной тканью сознания» и «общественным значением слова» и заключается в балансировке, напряжении, в преодолении границы, в расширении соединительного слоя. Чувственный слой никогда не может полностью совпадать со словесной формой его означенности. Но именно эта означенность, выраженность в знаке делает возможным знание о том, что лежит за знаком за счет несовпадения непосредственного ощущения с зафиксированным в значении содержанием. Развитие можно понимать как стремление удержаться между тотальной означенностью, попаданием в зону стабильных «правильных» образов, и выпадением из сознательной жизни в животное существование. В результате индивид формирует для себя «третье» пространство — пространство обыденного сознания.

Условная линия, соединяющая в семантическом пространстве образ «ребенка» и образ «я через 15 лет», может быть понята как пролегающая между отражением с преобладанием бессловесной чувственной ткани сознания и отражением на уровне доминирования значений.

Как видно на рис. 1, заполнены словами зоны, в которых расположены образы идеальных (положительных и отрицательных) объектов. В этой части общего семантического пространства существуют образы, «какие должны быть», их долженствование жестко закреплено общественным значением слова. Можно сказать, что это и есть мир «чужих слов», порождение дискурса.

Как указывает А.Г.Шмелев (1994), большая часть личностных прилагательных во всех языках в той или иной степени связана с оценкой, имеющей отношение к уровню адаптивности личности. В прилагательных, заполняющих «идеальный мир», отражается знание о достоверной, надежной адаптивности, неявно прописаны правила поведения: если А, то Б, если сильный, то хороший, если нервный, то плохой, неадаптивный. А почти пустыми остаются зоны неустойчивости, потенциальной изменчивости, характер которых не определен относительно адаптивности: сильный, но плохой, непонятный; хороший, но слабый. Тогда непонятно, стоит ли быть хорошим, ведь есть риск оказаться слабым. Первый мир удобен для жизни, а второй — скорее проблематичен. В первом мире снижена степень риска, а во втором — повышена.

В этом контексте расположение образа успешного человека в относительно пустой зоне семантического пространства можно понимать как вариант избегания однозначной закреплённости в дискурсе, выпадения из готовых схем. Естественно, такой образ будет восприниматься как опасный, злой и непонятный для социально ориентированного сознания, при преобладании ценностей стабильности и порядка.

Проблема риска, опасности, связанной с самоопределением, более того, являющейся неотъемлемым качеством самоопределения, исследуется в работах В.А.Петровского (1996).

В предложенной В.А.Петровским (1996) концепции развития личности как проявления надситуативной активности рассматривается момент преодоления адаптивности, к которой можно отнести и словесное означивание, особенно если опираться на концепцию имплицитной теории личности А.Г.Шмелева (1994). Субъект может реализоваться в качестве самоопределяющегося существа в активности, избыточной по отношению к заданной деятельности. Субъект развивается, создает себя в особой деятельности, побуждаемой возможностью несовпадения цели и результата, когда человек идет на риск, прикладывает усилия ради достижения цели, не имеющей прагматической ценности, но позволяющей «поиграть с собой», расширить представление о своих возможностях (Петровский В.А., 1996. С. 92).

Описанный В.А.Петровским механизм развития связан с изменением форм означенности, опирается на взаимодействие различных форм репрезентации знаний о себе. Субъект, решая задачу на самопроявление, обладает образом себя, объединяющим два ряда переживаний: «определенно-чувственным», составляющим, с точки зрения субъекта, неотъемлемую часть Я, и «неопределенно-чувственным», осознание и идентификация которых невозможны лишь в рамках рефлексивных процессов. Определенно-чувственные пере-

живания, отмечает В.А.Петровский, соответствуют отчасти сознательному в психике, а неопределенно-чувственные относятся к явлениям неосознаваемого или смутно осознаваемого субъектом. Критерием разграничения данных переживаний автор называет то, что при их осознании первые остаются тождественными, а вторые — «смещаются», «ускользают» в процессах их непосредственного осознания и требуют для своей фиксации выхода за рамки самосознания (*Там же*. С. 146). Представляется, что данная особенность неопределенно-чувственных переживаний субъектности имеет отношение к явлениям асимметрии семиосферы (культуры и сознания), описанным Ю.М.Лотманом. Невозможность адекватного осознания, перевода в систему дискретного (в данном случае словесного) кодирования приводит к выходу за пределы имеющегося образа себя, осуществлению расширенного воспроизводства образа Я. «В решении задач самореализации человек исходит из уже достигнутого сложившегося представления о себе и о своих возможностях. Однако, реализуя в деятельности рождающиеся в ней самой избыточные потенциальные возможности, он постоянно выходит за рамки исходных представлений о себе, осуществляя расширенное воспроизводство образа Я» (*Там же*. С. 147).

В процессе самоутверждения личности возможны два варианта — внешнее и внутреннее самоутверждение. При внешнем изменяется система внешних презентаций субъекта, его внешней означенности — меняется мнение окружающих, что-то добавляется к существующим знаниям об этом человеке. При внутреннем исходное чувственное Я субъекта характеризуется наличием конфликтных отношений между двумя находящимися в противоречии частями. Исходный образ соединяет два момента. «Первый из них характеризует наличное Я субъекта, т.е. в данном случае сложившееся в его опыте представление о своих реальных возможностях, реализуемых в деятельности. Другой момент — это потенциальное Я субъекта, то есть некоторые превосхищаемые им возможности, возникающие в условиях выполнения данной деятельности» (*Там же*. С. 148). Субъект в процессе самоутверждения должен совершить трансформацию — преобразовать наличное Я в неподлинное, а потенциальное — в наличное, т.е. изменить их форму существования в сознании, форму репрезентации, изменить границу своего Я. Наибольшие возможности для изменения предоставляет уровень символического отражения, доминирующий в обыденном сознании.

Таким образом, можно сказать, что личность развивается в процессе преодоления словесного определения самой себя, выхода за пределы наличного дискурса, за пределы словесной означенности. Для нас важно отметить, что для индивида этот выход обладает не-

3.2. Образы «правильного» и «неправильного» мира

сомненной притягательностью и вместе с тем вызывает тревогу. В данном случае опасность и притягательность существуют в единстве. В известных экспериментах В.А.Петровского опасность неадаптивного поведения задавалась экспериментально, была чувственно ощутима, и результаты показывали, что для части испытуемых она притягательна. В реальной жизни даже не столь очевидная, определенная опасность может для некоторых преобладать над притягательностью.

Опасность преодоления дискурсивных связей вполне оправдана. Происходящее на уровне обыденного сознания взаимодействие разных уровней отражения не имеет заданного финала. Это взаимодействие может приводить как к возникновению разного рода патологии, так и к дальнейшему развитию. Взаимодействие связано с риском, но само ощущение риска обладает притягательностью. В культуре существуют выработанные способы поощрения риска, снижения субъективной неопределенности. За счет чего человек получает возможно рисковать, что облегчает риск — объясняет концепция Б.Д.Эльконина, которая будет рассмотрена ниже.

3.2. ОБРАЗЫ «ПРАВИЛЬНОГО» И «НЕПРАВИЛЬНОГО» МИРА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЕДИНОЙ СИТУАЦИИ РАЗВИТИЯ

2.1. РОЛЬ ИЗМЕНЕНИЯ ФОРМЫ ЗНАКОВОГО ОПОСРЕДСТВОВАНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ

Механизм развития психики через изменение формы репрезентации представлен в концепции Б.Д.Эльконина (1995). Б.Д.Эльконин, анализируя идею Л.С.Выготского о процессах знакового опосредствования, обращает внимание на два взаимосвязанных момента: на одновременное существование идеальной и реальной формы действия и на конфликтный характер идеальной формы.

Реальность идеальной формы

Существование идеальной формы действия, предшествующей и взаимодействующей с реальной, составляет специфику ситуации человеческого развития, отмечает вслед за Л.С.Выготским Б.Д.Эльконин (1994, 1995). Идеальная форма существует как элемент культуры, как стимул-средство или знак, посредством которого реконструируются и объективируются натуральные, уже сложившиеся формы поведения. Идеальная форма запечатлена в виде образцов поведения, сложившихся норм и правил, системы значений.

Анализ знака у Б.Д.Эльконина выходит за пределы традиционного способа его рассмотрения, в частности у Ф. де Соссюра и у А.Н.Леонтьева. Эльконин обращает внимание на характер (способ) действия знака и отмечает, что готовый и функционирующий знак, взятый в приложении к ситуации поведения, требует прежде всего правила соотнесения с данными обстоятельствами, т.е. существует, все более приближаясь к поведенческому автоматизму. Это значит, что жизнь знака, его реализация, заключается в превращении опосредствования, как чего-то внешнего и пред-ставленного сознанию, в нечто уходящее из осознания (при успешном функционировании автоматизмы не нуждаются в осознании). «Жизнь знака ... приводит ...к “застреванию” в наличных обстоятельствах — так называемой “функциональной фиксированности прошлого опыта”, которая является своеобразным эквивалентом той “био-органической” натуральной формы поведения, которую имел в виду Л.С.Выготский в своих первоначальных исследованиях поведения» (Эльконин, 1995. С.20). Траектория пути знака как опосредствующего психические процессы проходит от точки вне субъекта, от внешнего элемента ситуации, далее к размещению в сфере его сознания в качестве идеи, идеальной формы и далее в изменении видения ситуации с точки зрения данной идеи, в соответствии с содержащимися в нем (знаке) правилами, нормами. Эльконин называет эту траекторию «схемой события», которая и есть способ существования идеальной формы.

Представляется возможным сопоставить изложенные выше данные о структуре семантического пространства и размещении образов «я», «я в детстве», «я через 15 лет», «человека, достигшего успеха» и «идеальных» образов с мыслями Б.Д.Эльконина о развитии как преодолении автоматизма существования знаковости идеальной формы. Образы «мамы» и «папы», образы «идеальных» мужчины и женщины и образ «я через 15 лет» можно рассматривать как своеобразные идеальные формы, воплощающие желаемые и предполагаемые как вероятные изменения субъекта. Они находятся в области семантического пространства, максимально заполненной шкалами, обладают высокой степенью закрепленности в системе значений. Именно за счет своей знаковой природы они могут быть пред-ставлены субъекту, располагаться вне его непосредственного чувственного опыта.

В момент реализации идеальная форма дана субъекту как чувственный опыт, как ощущение усилия, связанного с преодолением привычных автоматизмов действия. При овладении новыми формами поведения происходит изменение формы репрезентации. То, что было естественным, натурально-спонтанным процессом, должно стать объектом изменения, а значит — объективизироваться, стать «иным» в терминологии Б.Д.Эльконина. А то, что предстает как

культурная, идеальная форма, идея — должно стать реальностью и утратить свое внешнее положение, превратившись в результате процесса освоения в поведенческий автоматизм. «Переход наличное — иное тогда является событийным, когда он означает (символизирует и манифестирует) переход к реалии, “этости” какого-то совершенства и полноты и, соответственно, сам означен именно как таковой...» (Эльконин, 1995. С.22). Это значит, что для субъекта образ самого себя должен стать «иным», отчужденным, как бы помещенным во внешне пространство и рассматриваться как предмет изменений. А то, что является идеальной формой, закрепленной в системе идеальных образов, должно интериоризироваться, стать «своим», чувственной реальностью.

Именно формы представленности играют ведущую роль в данном переходе. Так, для осуществления акта развития необходимо среду действия увидеть образно, метафорически, превратить реальное действие в символическое. «Условием творческого акта является специальный этап ориентировки, содержанием которого становится опробование отображения образности в конструкции, опробование того, какая конструкция отвечает этой образности ... другими словами, какова реалия идеи» (Там же. С. 38), каков этап изменения способа видения реальности, перевода на другой язык — знакового опосредствования.

Возможность перехода к иному способу видения обусловлена сложной и меняющейся природой знака, имеющего возможность функционировать и как символ и как индекс. «В самом начале, в момент удачного задания и принятия, знак имеет образно-символическую или даже образно-мифологическую природу и, следовательно, в этом аспекте может и не отличаться от сказочного сюжета» (Эльконина, Эльконин, 1993. С.64). А далее знак приобретает чувственную жизнь и форму индекса, становясь поведенческим автоматизмом. Слово, являющееся посредником действия, выступает в своей символической природе, а значит, лишено однозначности и открыто диалогическому взаимодействию.

Иначе, то, что существовало как непосредственный чувственный опыт — должно приобрести опосредствование, знаковую форму, а выраженная в опосредствованной форме знака идея — стать непосредственным опытом, как об этом писал С.Л.Рубинштейн, говоря о жизни идеалов. Промежуточной ступенью считается, как и должно быть, ступень символа. Это перекодирование обладает порождающим эффектом, способствует формированию нового образования. Момент объективации натуральной формы становится, как подчеркивает Б.Д. Эльконин, моментом порождения субъекта, приобретения человеком нового качества. «Можно сказать, что “точка встречи”

идеальной и реальной форм специфична и знаменательна тем, что в ней происходит *возникновение субъекта поведения*. И с другой стороны, указание на субъекта и субъектность предполагает конструирование (теоретическое и экспериментальное) взаимоперехода реальной и идеальной форм» (Эльконин, 1995. С.51).

Возникновение субъекта поведения происходит в результате усилий по переводу текстов, представленных в разной системе кодов, если опираться на концепцию Ю.М.Лотмана. «В знаковом опосредствовании сами естественно сложившиеся стереотипы поведения становятся предметом изменения и уже в силу этого преодолеваются в качестве естественных — становятся осознанными и произвольными...» (Эльконин, 1995. С.6). То, что существовало как непосредственное поведение, было представлено в континуальной системе, становится знаком, осознается, переходит в систему дискретного кодирования и наоборот.

Представленные выше результаты можно рассматривать как демонстрирующие механизм такого перехода на уровне семантической структуры обыденного сознания. Образы «родителей», «идеальных» мужчины и женщины, «я через 15 лет», представляющие идеальную форму, обладают природой знака, закреплены в системе нормативных значений. В то время как «переходные» образы — «ребенка», «я в детстве», «успешного человека» — расположены в относительно мало заполненных значениями зонах и, значит, обладают менее жесткой связью с дискурсом.

Этот перевод, который не может быть до конца адекватным по определению, обуславливает незволюционность развития, его конфликтный характер. Идеальная форма существует как событие — формулирует Б.Д.Эльконин, понимая событие как изменение способа видения и действования, не обусловленное естественным ходом жизни. «Явление идеальной формы ниоткуда не следует и никем не детерминировано. Оно есть не продолжение естественного хода жизни, а перерыв, промежуток в нем» (Эльконин, 1995. С. 21).

Этот перерыв, промежуток, имеющий продуктивный характер, обладает внутренней конфликтностью и требует специальных усилий для проживания.

Конфликтность идеальной формы

Конфликтный характер идеальной формы, отмечаемый Б.Д.Эльconiным, — второй важный момент, значимый в контексте данной работы. Конфликтный характер определяется тем, что знак не только соединяет, устанавливает структурные связи, но и разрывает то, что до его «вдвижения» в естественную ситуацию уже существовало как неразличимость, непрерывность: «говоря о развитии как о переходе от натуральной к культурной (от реальной к идеальной) форме дей-

ствия, Л.С.Выготский особо отмечал неэволюционный, конфликтный характер этого процесса» (Бугрименко, Эльконин, 1994. С.28). Конфликт заключается в столкновении уже известных способов действия с новыми, что требует преодоления наличного, натурального и перехода к тому, что представлено как идеальная форма.

Знак, отмечает Эльконин, это нечто вроде специального аппарата, через который человек видит мир. Мир не меняется, меняется воспроизводимая при этом картинка — что-то в ситуации акцентируется, а что-то «затушевывается», что-то, как в пересказе мифа, распадается на несовместимые части — идеального и реального, существующие, тем не менее, одновременно, в единстве. Идеальная форма понимается Эльconiным именно как более совершенное, развитое и осмысленное действие, совершаемое в полном соответствии с правилами. Наличие правил контрастирует с их отсутствием в спонтанном натуральном действии. Наличие правил требует от субъекта выхода в рефлексивную позицию.

Неэквивалентность перевода определяет возможность творческого акта, добавление нового измерения в наличную ситуацию, что и изменяет ее саму.

Стоит отметить сходство с процессами, происходящими в ходе психоанализа (и, вероятно, любой психотерапии), когда развитие или продуктивное и даже желаемое на рациональном уровне изменение неизбежно связано с преодолением сопротивления. Уже сложившиеся паттерны поведения, способы реагирования, при всей их патологичности оказываются менее болезненными, чем отказ от них, изменение знания о себе, принятие нового образа себя и освоение нового способа жизни. Любое изменение, согласно концепции Б.Д.Эльконина, также требует рефлексии, возможности отстранения от непосредственного течения жизни, а значит и вызывает сопротивление.

Сходство усиливается ролью слова, знака, которому в процессе развития, как и в процессе психоанализа, принадлежит важнейшая роль. Согласно концепции Л.С.Выготского, преодоление натуральной формы поведения строится как постепенный переход от внешних действий с предметами к их свернутому значению, представленному в слове. Наличное существует в форме непосредственного ощущения, реального действия с предметом, а идеальное — в форме знака, слова. Разница форм существования определяет, в частности, сложность их взаимодействия. Выраженная в знаке, слове идеальная форма должна быть переведена в практическое действие, в реальное бытие.

Акт изменения имени, переименования, выполняет особую функцию в ходе развития ребенка, что анализируется Б.Д.Эльconiным и Е.А.Бугрименко на примере периода 6—7 лет, когда ребенок перехо-

дит от дошкольного к школьному возрасту. В это время ребенок получает имя, не полностью совпадающее с наличным бытием, он начинает называться «школьник», а затем следует процесс освоения того, как это на самом деле «быть школьником». «Актуализация будущего в новом имени (“школьника”) создает промежуток внутренне противоречивого “уже-но-еще-не”, когда новая форма жизни обнаружена в своей идее... но еще не распознана в реальности: бытие школьника относится к собственному бытию ребенка как *инобытие*... Новое имя как бы высвобождает место для явления нового содержания жизни» (Бугрименко, Эльконин, 1994. С. 30). В сам момент перехода школьник как бы повисает вне определений. Сложившаяся форма его существования — как «не школьника» — должна отрицаться, отвергаться, хотя и продолжает во многом быть психологической реальностью, а новая форма — «школьник» — существует только в имени, но еще не ощущается как реальность. Такое маргинальное, промежуточное существование вызывает амбивалентные чувства — не только радости развития и приобщения к новому, но и страха, опасения, сожаления об оставленной в прошлом идентичности. Данная ситуация соответствует описанным Ж.Лаканом процессам, по-разному, на разном материале происходящим на стадии зеркала и на стадии символического. На стадии зеркала я узнаю от других, что я — есть и тем самым обретаю отдельное от них бытие, но еще не имеющее словесного выражения; на стадии символического я узнаю от других, кто я, и обретаю называемые качества. Факт несовпадения имени и реальности (реального) понимается Лаканом как конфликтный, чреватый последующими проблемами, связанными с неразличением имени и бытия, то есть потерей отстраненности. Если использовать модель Б.Д.Эльконина, то можно предположить, что проблемы порождаются в результате застревания на моменте перехода и погружения в собственное усилие. «Пребывание внутри усилия (в усилении), вечное состояние напряжения приведет лишь к потере чувства активности...» (Эльконин, 1995. С. 46).

Значимость процесса переименования, обретение имени как полученного от социума и закрепленного в нем подтверждается характером расположения образов «я» и «я через 15 лет» в семантическом пространстве, рассматривавшемся выше. Желаемое изменение образов самого себя связано со все большей погруженностью в дискурс, приведением во все большее соответствие с существующими в языке значениями.

Б.Д.Эльконин и соавторы уделяют большое внимание конфликтности, противоречивости, внутренней трудности процесса развития, связанных с переводом реального в иное, знаковое. Но этот перевод по определению не может быть точен, не может полностью сохранить

содержание оригинала. Интересно, что как важный элемент, как важная форма опосредствования в развитии ребенка рассматривается волшебная сказка, которая, как отмечалось ранее, есть вариант редукции мифа в результате его пересказа.

К.Н.Поливанова (1996) в предложенной Б.Д.Элькониным парадигме рассматривает ситуацию подросткового возраста. Автор опирается на положение о том, что в «основе изменения поведения в кризисном возрасте лежит открытие идеальной формы и ее мифологизация» (Поливанова, 1996. С.22), т.е. конкретизация в реальном персонаже, воплощающем образ совершенного действия. Таким действием для подростка является действие авторства по отношению к собственным действиям. «В точке встречи замысла и реализации происходит рождение идеи и рождение субъектности ребенка, породившего идею» (Там же. С.32). Данное определение рождения субъектности применимо не только к подростковому возрасту, но сохраняет актуальность и в последующем развитии.

Характер символической природы момента перехода идеи в реалью анализируется Б.Д.Элькониным на примере структуры и способа функционирования волшебной сказки.

3,2,2, ВОЛШЕБНАЯ СКАЗКА (ОБРАЗ «ПРАВИЛЬНОГО» МИРА)

В работе Л.Элькониновой и Б.Д.Эльконина волшебная сказка рассматривается в контексте процесса знакового опосредствования развития ребенка, как модель ситуации «принятия решения», инициативы героя в принятии на себя и осуществлении требований и вызовов этого мира (Эльконинова, Эльконин, 1993). «Субъект, который задан в волшебной сказке и должен быть явлен в ее слушании, — это не субъект решения задачи, и, следовательно, его субъектность не в построении и осуществлении замысла действия. Это субъект, олицетворяющий место самой этой задачи в мире. Его субъектность выражается в принятии на себя труда и решения задачи, заботы и работы по выполнению действия. Это субъект поступка (в том смысле, в каком об этом писал М.М.Бахтин), субъект инициации действия. Инициация действия — это основное событие, в котором рождается субъект слушания сказки» (Там же. С.69). В волшебной сказке, как считают авторы, моделируется ситуация развития ребенка через сознательное изменение себя, принятие решения войти в сложный взрослый мир. «В сказке выделено не то, каким способом ее герой решает задачу (она вообще не про удачное решение задачи), а про удачное решение решить задачу, принятие на себя выполнение чего-либо» (Там же. С. 68).

Чтобы поощрить на проявление инициативы, необходимо представить максимально удачный вариант исхода, показать возможность устранения всех возникающих препятствий, даже если собственных сил героя не хватает. Особенность волшебной сказки состоит в наличии могущественных помощников, которые, собственно, и осуществляют достижение трудной, казалось бы невозможной цели, выступая в качестве опосредствующих средств (знаков, инструментов) действия.

В.Я.Пропп (1928, 1996) указывает, что в волшебной сказке различены поступки и подвиги. Поступки связаны именно с «правильным поведением» и обуславливают чудесную помощь, которая и создает подвиг как нечто невозможное для героя в обычном состоянии, но реальное при переходе в иное качество.

При том, что волшебная сказка обладает метафорической природой, ее понимание, как показывают Л.Эльконинова и Б.Д.Эльконин (1993), лишено амбивалентности, противоречивости. Волшебная сказка задает образ правильного поведения, правильного героя, действующего в помогающей ему среде, и может быть отнесена к «правильным» текстам. В этом смысле волшебная сказка отражает только часть ситуации развития, перехода. Будучи пересказом, а значит и неизбежным упрощением исходного мифа, волшебная сказка хоть и несет следы начальной амбивалентности, но направлена на ее снятие. В результате модель перехода как производства самого себя, развития воспроизводится лишь частично, в удачном варианте. В нем отсутствует момент риска, реальной опасности, непредсказуемости, существующий в реальности.

Переходное действие, или инициация, о которой говорят Л. Эльконинова и Б.Д.Эльконин, опирается на достаточно древнюю практику, которая в архаических обществах (и не только в них) включала в себя, при всем разнообразии конкретных деталей, обязательные этапы: изоляцию иницируемого, ритуальную смерть, последующее возрождение, приобщение к новому знанию и возвращение к обычной жизни. Символическая смерть воссоздавалась в обрядах достаточно натурально и чувствительно, через достаточно мучительные физические и психические испытания (Эльконинова, Эльконин, 1993). Психологический смысл обряда инициации предполагал изменение личности через его идентификацию с определенным идеальным образом. «В обрядах социальная группа побуждает посвященного пройти через испытания, совершить деяния ради такого человека, уподобление с которым позволяет найти свое “Я”» (Асмолов, 1996. С.529). Ситуация инициации, перехода — социального, сакрального и пр. — в реальности обладает двойным смыслом для иницируемого. С одной стороны, это желаемый переход, повышение статуса, обретение новых свойств и качеств. С другой — это опасное действие, вызывающее

обоснованный страх и печаль расставания с прошлым, умирание предшествующей сущности. Выраженная амбивалентность инициации ярко представлена, например, в народных свадебных ритуалах, предусматривающих жалобы невесты и оплакивание ее родными. Можно предположить, что ребенок, развиваясь и взрослея, испытывает не только радость открытия, стремление приобщиться к миру взрослых, но и страх, порождающий сопротивление. В реальной жизни дети находят способы проявить сопротивление и отреагировать нежелание меняться. Одним из радостных для ребенка моментов можно считать момент «неправильного» поведения. Дети в определенные периоды с удовольствием кривляются, коверкают слова, рвут и ломают то, что могут. Они разрушают правильный мир на уровне слов и действий. Нарушение правил, карнавализация, диалектическое объединение противоположных качеств, преобразование предметов являются, как показано в работе О.М.Дьяченко и Н.К.Вераксы (1994), важным элементом детского развития. Роль игрового разрушения норм, как указывают авторы, состоит в их усвоении, нарушение правил «позволяет утвердить “норму” объекта через обратную позицию, позицию “наоборот”» (1994. С.83). Но это только один из аспектов. Существующие в детском фольклоре «неприличные» анекдоты, страшилки, «сказистские стишки» и пр. не только позволяют усвоить норму через сравнение с не-нормой, но и удовлетворяют потребность в отреагировании определенных негативных эмоций.

Наряду с отрицанием нормы существует и страх развития, естественная реакция на возможный риск. А значит, должны существовать и формы отреагирования этого страха, формы, в которых отражены фантазии об опасности изменений.

Представляется, что волшебная сказка как вариант «правильного» текста отражает лишь одну составляющую амбивалентной ситуации инициации. Но что происходит с другой составляющей? Если «правильный» текст повествует об удачном развитии, успешном переходе в результате выполнения правил, поддержке помощника, то «неправильный» текст должен содержать рассказ о том, как процесс перехода не облегчается, а затрудняется, результатом перехода становится не благополучие, а гибель героя. Существуют ли такие сказки? В известном фольклоре, сохранившемся в виде сказок до наших дней, такие тексты практически не встречаются. Отдельные элементы можно найти в авторских сказках, например, про Русалочку (см. анализ Жуковой, 1994), и в различных вариантах сказаний о героях, которые гибнут, жертвуя собой ради других. Такая гибель уже в самом тексте оценивается положительно, как продуктивная. Но более яркий вариант «неправильного» текста можно найти в сказке «Снегурочка» и одноименной пьесе А.Н.Островского.

В этой сказке ситуация перехода рассматривается как в принципе невозможная. Перейти в другой мир, в другой возраст — значит умереть. Эта ситуация зеркальна по отношению к волшебной сказке. Героиня изначально обладает чудесными свойствами, но приносящими ей ущерб, не позволяющими совершить переход. Исход инициации — отрицателен, героиня гибнет. Вместо волшебных помощников, облегчающих выполнение задачи, есть подталкивающие к гибели персонажи. Она выбирает риск не ради других, а ради самой себя, желая получить нечто ценное для себя, но ей это не удается. Естественно, что такой сюжет не мог получить широкое распространение в фольклоре. Однако сказка существует, о Снегурочке упоминается в словаре Даля: «Девочка снегурка — *сказочн.* рожденная от снега» (Даль, 1980. Т. 4. С. 250). Можно считать, что данный сюжет дополняет волшебную сказку, составляя с ней единое амбивалентное целое в первоначальном мифе.

Если исходить из того, что структуру обыденного сознания составляют «правильные» и «неправильные» тексты, то можно предположить, что в формировании и развитии личности участвуют и те, и другие. Что же вносят «неправильные» тексты в процесс формирования и развития личности, становление субъектности как качества личности? Какой же смысл придает обыденное сознание ситуации неудачного (невозможного, смертельно опасного) перехода?

Мы предполагаем, что обыденное сознание, расщепляя исходную амбивалентность мифа, делает и «неправильные» тексты приемлемыми для личности, как модели идентификации. Позитивный смысл, содержащийся в «неправильных» текстах, заключается, как это ни парадоксально, в усилении чувства «авторства», субъектности как возможности проявлять инициативу, усиливая индивида, позволяя находить ценности и ресурсы внутри себя.

В волшебных сказках наличие посредника облегчает переход на иной уровень развития, но тем самым и уменьшает сопротивляемость среды, снижает момент авторства. Неудачность перехода при общей привлекательности персонажа усиливает значимость самого действия, лишая его утилитарного характера.

Изучение особенностей восприятия сказочных героев представляет значительный интерес по многим причинам. Во-первых, архаичность образов и сюжетов, существующих в народном сознании веками и переходящих из поколения в поколение. Это значит, что запечатленные в них смысловые образования сохраняют свою актуальность независимо от изменения конкретных исторических реалий. Во-вторых, символический характер героев и сюжетных линий, позволяющий наделять их множеством субъективных смыслов, сближая с материалам проективных тестов.

Сказки активно используются в работе практических психологов самым разным образом и для самых разных целей (Юнг, 1991; Груммес, 1998; Некрасов, Возилкин, 1991; Берн, 1988; Жукова, 1994; Соколов, 1997 и др.). Анализ сочиненных и любимых сказок в основном проводится по аналогии с содержанием сновидений, как результат проекции вытесненных в бессознательное чувств и желаний.

В некоторых случаях материалом для проекций в психосемантических исследованиях выступают и литературные произведения. Например, в работах В.Ф.Петренко (1997) изучалось восприятие героев фильма «Сталкер», героинь фильма «Москва слезам не верит», «Зита и Гита», в работе А.М.Грачева, А.А.Нистратова, В.С.Собкина, В.Ф.Петренко анализировалось восприятие героев фильма «Жестокий романс» (1988, 1990).

Вместе с тем сказки могут быть интересны и в более общем плане. Они представляют собой неотъемлемый элемент культуры и могут выступать в качестве моделей понимания окружающего мира, способов категоризации жизненной ситуации.

Рассмотрим подробнее смысл пьесы А.Н.Островского.

3.2.3. ЖЕСТОКИЙ РОМАНС (ОБРАЗ «НЕПРАВИЛЬНОГО» МИРА) КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ К ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ ФОРМА. ОБРАЗ СНЕГУРОЧКИ

«Снегурочка», сказка, написанная А.Н.Островским, — свободный перевод календарных обрядов древних славян на язык драматургического произведения.

Сам феномен такого перевода достаточно интересен, так как предполагает переход к языку совершенно иной организации. Ритуальное обрядовое действие строится по законам мифологического сознания, что делает невозможным точное переложение на иной, не мифологический уровень описания. «Мифологическое сознание принципиально непереводаемо в план иного описания, в себе замкнуто — и, значит, постижимо только изнутри, а не извне», — отмечают Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский (1992. Т.1. С.67).

Результатом такого перевода стал текст, в пространстве которого содержатся не совпадающие сообщения, звучащие одновременно на разных языках. Содержания этих сообщений в одних случаях дополняют, а в других — противоречат друг другу.

В пьесе можно выделить как минимум три сюжета, разворачивающихся в разных пространствах. Первичным является сюжет календарного обряда, в котором действуют природные силы, элементы макрокосмоса. Перевод осуществляется на язык драмы, в которой

действуют люди, вступающие в отношения любви, ревности, соперничества. Пересечение пространства сверхличностного календарного обряда, повествующего о едином и вечном ритме природы, с пространством драмы, расположенной в области межличностных отношений, происходит в третьем, внутриличностном пространстве, где осуществляется развитие человека и переход в следующую возрастную группу.

В этих пространствах совершаются события, имеющие разную временную организацию.

Время календарного обряда — это мифологическое время, оно замкнуто, циклически организовано, в нем происходит постоянное повторение одних и тех же событий, «прошлое циклически оживает в настоящем — или, что точнее, настоящее, стремясь к будущему, периодически возвращается к прошлому... Прошлое, настоящее и будущее предстают тогда как реализации некоторых исходных форм — иначе говоря, повторяются в виде формы, в которую облекаются индивидуальные судьбы и образы» (*Успенский, 1994. Т.1. С.28*). Понятия «начала» и «конца» в таком времени не имеют смысла. Смерть героя выступает лишь как один из этапов, за которым следует новое рождение, жизнь и снова смерть, и так постоянно. В ритуале инициации посвящаемый переживает символическую смерть, обозначающую разрыв с предыдущим состоянием и новое рождение. В фольклоре, при естественной трансформации мифологических сюжетов, герой либо временно умирает, воскрешаемый живой водой, либо засыпает, проваливается в колодец, ныряет в котел с кипящей водой и, в любом случае, проходит это испытание с выгодой для себя, становясь красивее, сильнее, богаче.

В пьесе Островского мифологический сюжет пересказывается почти буквально, что, в свою очередь, вносит изменения на смысловом уровне. Время пьесы — историческое время, оно линейно, безгранично и происходящие события имеет единичный, уникальный характер, начало и конец абсолютны, смерть прекращает существование героя. В пьесе «Снегурочка» события, относящиеся к мифологическому времени, представлены как принадлежащие историческому, в результате чего символическая смерть, входящая в ритуал инициации, становится реальной смертью, за которой возрождения и обновления не предполагается.

В каком времени разворачиваются события во внутриличностном пространстве — непонятно. На уровне сознания время линейно, на уровне бессознательного — циклично, так что происходящее может по-разному восприниматься сознанием и бессознательным.

Действие пьесы разворачивается в четко указанных временных рамках — между двумя сходными праздниками — Масленицей и

Ярилиным днем. Оба праздника по традиции сопровождаются ритуальным уничтожением кукол-чучел. И оба ритуала представлены в пьесе, но с разной мерой условности, в разном времени и разном пространстве. Масленица появляется в своем натуральном виде — соломенного чучела, а воплощением второго можно считать Снегурочку, которая гибнет в Ярилин день, выполняя функцию жертвы, приносимой богу, чтобы смягчить его гнев. Об этом открыто говорится в самой пьесе: «Какая жертва готовится ему! При встрече солнца / вручим ее счастливому супругу» (здесь и далее текст пьесы цит. по: *Островский, 1977. Т.7*).

Мифологический образ, заявленный в условной форме в начальных сценах, как бы оживает и приобретает все большую реальность и человечность. Природа героев пьесы носит такой же двойственный и неопределенный характер и за сказочными персонажами угадываются то реальные человеческие черты, то мифологические образы.

Обратившись к исследованиям Б.А.Рыбакова (1993), можно узнать, что праздничный обряд, соответствующий Ярилину дню, совершался в разгар лета — на Троицу, на Ивана Купалу, на Петров день и другие близкие сроки. Уничтожаемая кукла называлась по-разному — Морена, Купала, Кострома, Смерть — и была, по мнению Рыбакова, не воплощением конкретных богинь, а выражала представления древних славян об общей растительной силе, которая при похоронах куклы должна перейти на новый урожай.

А.Ф.Афанасьев подробно описал разные варианты весенне-летних праздников, имеющих сходную структуру, включающих в себя чествование и уничтожение чучела. На праздниках начала марта, посвященных встрече весны, чучела олицетворяют смерть: крестьяне «выносят из деревни соломенное чучело, изображающее Смерть, топят его в реке или предают сожжению...» (*Афанасьев, 1988. С. 144*). Чучело чаще всего называется Марой, Мареной, Мореной — именем, производным от корня «мор» — смерть, и воплощает уходящую зиму, смерть, старость.

На празднике середины лета совершались сходные обряды, которые были известны под названием похорон Костромы, Лады, Ярила. На этих праздниках хоронили уходящую весну: «Подобный же обряд в Саратовской губ. называется проводами весны: 30 июня делают соломенную куклу, наряжают ее в кумачовый сарафан, ожерелье, кокошник, носят по деревне с песнями, а потом раздевают и бросают в воду» (*Там же. С. 146*). По многочисленным примерам, приведенным Афанасьевым, видно, что хоронимая кукла могла обозначать совершенно противоположные силы. Постоянным оставалось сочетание похоронного обряда и акта уничтожения с «бесстыдными» играми. Идея смерти в этом празднике тесно переплеталась с идеей продол-

жения жизни, плотской любви, эротики. «Как всегда, с аграрным комплексом сливался воедино и эротически-брачный», — отмечает Рыбаков (1993. С.175).

Такое неразрывное сочетание смерти с обновляющейся жизнью весьма характерно для образов народной карнавальской культуры и народного сознания вообще, о чем писал М.М.Бахтин: «Смерть, труп, кровь, как семя, зарытое в землю, поднимается из земли новой жизнью, — это один из древнейших и распространеннейших мотивов. Другая вариация его: смерть обсеменяет мать-землю и заставляет ее снова родить. Эта вариация расцветается эротическими образами...» (Бахтин, 1990. С.362).

Снегурочка, героиня пьесы, замещающая уничтожаемую в обряде куклу, изображается в виде юной красивой девушки, она участвует в жизни людей, вызывает любовь к себе и сама испытывает разные чувства. Тем не менее, ее место среди людей и ее характер соответствуют обрядовому аналогу — она является результатом буквального брачного союза противоположных сил — Весны и Мороза, т.е. начала жизни и остановки жизни. Как и полагается в мифологической картине мира, Снегурочка объединяет в себе противоположные начала — тепла и холода, жизни и смерти. При жизни самой Снегурочки в ней и вокруг нее ярко выражен полюс смерти, холода. Пока она жива — останавливается жизнь вокруг, рушатся любовные союзы, появляется холод в сердцах. Сама Снегурочка показана Островским как эгоистический ребенок с элементами демонстративного поведения.

«...Тебе одна забота, / Как глупому ребенку, любоваться / На свой наряд, да забегать вперед, / Поодаль встать, — в глазах людей вертеться, / И хвастаться обновками», — говорит о ней Купава. Снегурочка и сама подтверждает, что ценит прежде всего публичное признание, уговаривая Леля выбрать ее подружкой на празднике: «Несладко мне украдкой целоваться. / Подумай ты, когда теперь дождешься, / Чтоб царь велел из всех девиц-красавиц / Красавицу поставить напоказ!» Не зная любви, она знает ревность и зависть: «... Мучительную ревность / Узнала я, любви еще не зная. / Отец — Мороз и ты, Весна-красна, / Дурное мне, завистливое чувство /взамен любви в наследство уделили» — жалуется Снегурочка матери.

Изображенный Островским характер соответствует тому, что в психоаналитической терминологии называется нарциссической стадией развития.

Используя данный термин, Фрейд указывал, что «...нарциссизм — общее и первоначальное состояние, из которого только позднее развилась любовь к объекту...» (Фрейд, 1989. С.265). Это первоначальное состояние характеризуется гармонией, безусловной уверенностью и безопасностью. На этом этапе младенец не воспринимает мать как

отдельный объект. В ходе развития и столкновения с реальностью ощущение слитности с миром нарушается и «на смену фазе грандиозного и естественного удовольствия и внутренней уверенности приходит не менее грандиозная фаза познания противоположного: познания собственного бессилия и с трудом преодолеваемых аффектов...» (Хензелер, 1998. С.468). Как переходная фаза детского развития, нарциссизм проявляется в том, что ребенок слишком занят собой, можно сказать — эгоистичен. Но при некоторых нарушениях развития нарциссизм может сохраниться в структуре характера уже в патологической форме. «Как и дети, пациенты с подобными симптомами чувствуют себя великолепными, единственными в своем роде... Они ожидают — ошибочно — от других людей отношения, соответствующего их восприятию самих себя. Если такового не случается, они быстро разочаровываются, реагируют депрессивно или агрессивно» (Куттер, 1997. С.161). Такие люди, пишет Питер Куттер, сильно зависят от нарциссической подпитки и хотят, чтобы ими постоянно восхищались и лелеяли их.

В норме такой период предшествует формированию зрелой личности, способной устанавливать реальные отношения с другими людьми, учитывать их интересы, воспринимать других как самостоятельную ценность, а не только как отражение собственного совершенства, вступать в брак, рождать детей.

Детский нарциссизм Снегурочки находится в оппозиции ко всему окружающему миру. В царстве берендеев основная ценность — это любовь, от которой напрямую зависит благополучие людей и природы. Не умеющая любить Снегурочка оказывается в полной изоляции. От нее отворачиваются соперницы — подружки, отвергнутые женихами, от нее отказывается Лель, ради песен которого Снегурочка покинула родной лес.

Отношения Снегурочки с Лелем вообще чрезвычайно загадочны. Фигура Леля занимает одно из центральных мест в пьесе. Красивый пастух обладает просто магической властью над женскими сердцами. Его не пускают на ночлег в дом, где есть взрослые дочери и молодые жены. По словам Прекрасной Елены, жены боярина Бермяты, «Из юношей цветущих, берендеев, / Известных мне, один лишь только может / Внушить любовь девице, сердце жен / Поколевать, хотя бы наша верность / Крепка была, как сталь, — и это Лель». Однако Лель, дитя солнца, не выглядит носителем выраженного мужского начала, яркой маскулинности. Вероятно, не случайно при Островском эту роль на сцене играли женщины, а соответствующая партия в опере Чайковского написана для женского голоса.

При обращении к истории мифологии это противоречие становится понятным. Академик Рыбаков утверждает, что не было в ми-

фологии древних славян такого мужского образа — Лель, а была фигура Лели, Ляли — дочери богини весеннего плодородия Лады (Рыбаков, 1993. С.207). Леля, Ляля — это символ дитя, ребенка, и Лель в пьесе произвольно и естественно воспринимается именно как желанный ребенок, о появлении которого уместно просить богов на летнем празднике плодородия. Желание женщин, направленное на Леля — не столько эротическое, сколько желание продолжить род, родить. Рождение ребенка для архаического сознания — это высшее благо, а отсутствие потомства — страшная кара. Женские персонажи в пьесе как бы соревнуются, стремясь завоевать расположение Леля, получить ребенка. И выбор пастуха указывает на наиболее достойную с точки зрения берендеев — на умеющую горячо любить Купаву. Таким образом, Лель, заявленный в пьесе как герой-любовник, реально выполняет другую функцию, олицетворяя (воплощая) идею продолжения рода. Расположить к себе Леля — значит получить ребенка.

Образ Снегурочки в пьесе тесно связан с образом Леля. Ради пьесы Леля она покидает лес, по ходу пьесы наиболее эмоционально реагирует на отношения с ним, слова «Лелю / Не детская любовь нужна» заставляют ее сразу же бежать в лес и просить у мамы Весны дать ей способность любить, зная, что это может стоить ей жизни. При этом мы уже знаем, что взрослой, сексуальной любви к красивому пастуху она не испытывает. Так может вести себя женщина, желающая родить ребенка, даже с риском для жизни. И в этом Снегурочка находит понимание у мамы. Происходящее далее противоречит здравому смыслу. Снегурочка получает способность любить, но любит не Леля, а Мизгиря, и смена объекта воспринимается как должное, не смущая ни ее, ни автора.

Что в реальности происходит, если понимать события как выражение внутриличностного плана? Драматическое напряжение сказки соответствует одному из важнейших периодов развития человека, связанного с формированием генитальной сексуальности. Все поведение Снегурочки подчинено идее перехода от детства к взрослости, потребности преодолеть детство. Смена объектов желания психологически достоверно отражает происходящий переход от нарциссизма к полноценным объектным отношениям. Лель был выбран Снегурочкой как подобный себе «девичьей миловидностью и нежностью кожи», при нарциссическом выборе человек ценит другого «не за то, что он собой представляет как таковой, но в гораздо большей степени за то, что он имеет с ним общее. В конечном счете человек ценит в нем самого себя» (Хензелер, 1998. С. 470). А Мизгирь, на которого затем переносится любовь — образ противоположный, олицетворяющий мужскую силу и агрессивность. Нарциссический выбор

объекта по сходству, по типу «второго Я», позволяющий в другом любить прежде всего себя, свои черты, сменяется выбором по типу опоры, что характерно для более взрослого состояния.

Дальнейшие события пьесы следуют букве обряда, полностью противореча его смыслу. Возвращение Снегурочки в лес к матери представляет собой аналог (эквивалент) обряда инициации. Лес — это древний символ «потустороннего мира», иного царства. В архаических обществах именно в лес, в горы, в пещеру отправлялся ребенок, проходящий инициацию, и возвращался взрослым, имеющим право создавать семью, занимать другое положение в обществе. В лес, на испытания к Бабе-Яге попадают героини и герои народных сказок. Из леса они выходят с подарками, в новых нарядах и с женихом или невестой. Для ребенка возвращение из леса было началом новой, взрослой жизни, к которой научившаяся любить Снегурочка, казалось бы, уже готова. Но пьеса строится по обряду календарного ритуала, предполагающего смерть, уничтожение куклы-чучела. В древних ритуалах инициации и календарных праздников проигрывалось очевидное для мифологического сознания и для нашего бессознательно-го единство смерти и новой жизни. Отправившийся в лес ребенок действительно умирал, чтобы смог родиться взрослый, новый человек. Умирало его детское состояние, чтобы освободить место взрослому. У Островского все очень точно показано — Снегурочка гибнет вместе с Мизгирем, воспроизводя парное уничтожение мужской и женской кукол, как это случилось на летние праздники в некоторых среднерусских губерниях. Мужская фигура называлась Кострубонька, Горюн или Ярило. Мизгирь — Ярило, воплощающий мужскую силу, должен был умереть, чтобы передать новым растениям свою силу, свою ярь. А значит, снова жить в другом облике.

У Островского же смерть Мизгиря бессмысленна, он гибнет, никому не передавая своей мужской силы, наказывая себя за любовь к Снегурочке. Но противореча смыслу праздника, действие пьесы разворачивается в полном соответствии с логикой мифологического сознания, для которой имя и вещь неразделимы. Снегурочка, воплощая детский нарциссизм, холодность, неразрывно связана с этими качествами. Признак не может быть уничтожен отдельно от вещи, а значит, чтобы преодолеть детское состояние, должна умереть сама Снегурочка. Смерть героини неотвратима, хотя и носит явно нереалистичский характер. Островский придумал даже специальный трюк, чтобы показать на сцене таяние, превращение живой девушки в воду.

Получается, что процессы, происходящие в мифологическом и социальном пространствах, противоречат друг другу. Однако пьеса не воспринимается как абсурд, она затрагивает чувства зрителей и вызывает эмоциональный отклик. На глубинном уровне схема взаимо-

действия героев пьесы и их судеб имеет отношение к вечной борьбе жизни и смерти, Эроса и Танатоса, к стремлению продолжить жизнь и, с другой стороны, остановить ее. Данная оппозиция дополняется противопоставлением «индивидуальное — коллективное». Смерть индивида, по пьесе, есть условие жизни рода: продолжить род — значит умереть как личность.

Эту мысль ярко выразил М.М.Бахтин, указывая на «надъюридическое преступление всякой самоутверждающейся жизни... преступление звена в цепи поколений, враждебно отделяющегося, отрывающегося от предшествующего и последующего», в этом, по его словам, «...глубинная трагедия самой индивидуальной жизни, обреченной на рождение и смерть, рождающейся из чужой жизни и своей смертью оплодотворяющей чужую жизнь (если можно говорить о психологии, то о глубинной психологии самой жизни, психологии индивидуальности как таковой, психологии борьбы сомы и плазмы в душе человека)» (*Бахтин*, 1996. С.86). Либо стремление сохранить смертную сому телесной оболочки индивидуальности, либо обеспечить бессмертную жизнь вида.

Происходящее соответствует описанному Фрейдом внутриличностному конфликту между инстинктами Оно и ценностями Я. Оба инстинкта — либидо и мортидо — обеспечивают продолжение рода за счет слияния с другими, появления потомства и, в конце концов, устранения индивида. Эта тенденция вступает в противоречие со стремлением Я к самосохранению, которым Оно пренебрегает. Самосовершенствование, развитие собственной индивидуальности как часть заботы о себе строится за счет вытесненной и сублимированной энергии инстинктивных влечений Оно: «...то, что наблюдается у небольшой части людей как стремление к дальнейшему усовершенствованию, легко становится понятным как последствие того вытеснения влечений, на котором построено самое ценное в культуре» (*Фрейд*, 1992. С.234).

Это все действительно есть, но это лишь часть правды. Вспомним обстоятельства возникновения любви Снегурочки и Мизгиря, которые можно было бы считать началом новой жизни. Оппозиция зрелой генитальной любви и сохранения личности подчеркивается в пьесе отсутствием избирательности при выборе объекта любви. «С первой встречи / Счастливица ты даришь любовью, кто бы / Не встретился тебе...» — с таким условием наделяет Весна свою дочь любовью. Именно в этом находится единственное несоответствие поведения героев теории психоанализа. Если зрелая генитальность, то и отношения избирательные.

Но Снегурочка и Мизгирь, гибнущие в финале, являются носителями индивидуалистических ценностей, предельного нарциссизма.

Их характер соответствует той ранней стадии развития личности, когда либидо полностью сосредоточено на себе, а другому, внешнему миру не достается ничего. Снегурочка подчеркнута отстранена ото всех, Мизгирь открыто попирает «старые порядки», не соблюдает обычаев, пренебрегает интересами других. Они оба чужие, пришлые в слободу берендеев и не вписываются в систему общинных отношений.

Ценность единства с группой, со своим родом, чрезвычайно значима для архаического сознания, а сомнение в абсолютности этих ценностей опасно. А значит, носители разрушающего группы сомнения воспринимаются как опасные, чужие. В финале пьесы демонстрируется торжество именно родового сознания, игнорирующего ценность индивидуальной жизни. Другой вариант развития, предполагающий неантагонистическое существование личности в мире любви, просто не предполагается.

Если индивидуальности не существует, то смерть никогда не абсолютна, и «Снегурочки печальная кончина / И страшная гибель Мизгирия / Тревожить нас не могут...» — заявляет царь Берендей в полном соответствии с логикой архаичного сознания. Когда о событиях рассказывается на языке реальности, это звучит несколько странно. В драматическом произведении подобные финалы встречаются часто, но предполагается, что они должны печалить, если не других героев произведения, то зрителей или читателей. Данный сюжетный ход соответствует распространенному штампу «смерть от любви», и служат выражением приоритета ценности любви по сравнению с ценностью жизни. Невозможность пережить смерть или разлуку с любимым демонстрирует значимость уникальности личности, недопустимость замены партнера. Но это невозможно для мифологического сознания, для которого любовь и продолжение рода — одно и то же, а продолжение рода и есть жизнь. Несовпадение мифологического уровня декларируемых ценностей и поведения отдельных персонажей проявляется в противоречивости восприятия финала.

На внутриличностном уровне смерть Снегурочки может быть понята как разрушение индивидуальности при вступлении во взрослый мир. Для конкретной личности смерть — это просто смерть, обозначающая остановку развития. Гибель Снегурочки, следующая за инициацией, может рассматриваться как трагический результат преодоления нарциссизма и свидетельство опасности взрослой жизни. Получается, что буквальный текст пьесы несет смысл, прямо противоположный смыслу изложенного в ней исходного обряда. Обряд утверждает ценность жизни (но общеродовой, как составляющей общеродовую), а пьеса показывает смертельную опасность взросления и продолжения жизни.

Можно предположить, что содержание пьесы выражает мироощущение подростка, стоящего на пороге половой зрелости и испытывающего страх перед новой самостоятельной жизнью и печаль по поводу расставания с детством. Анализируя происходящее с человеком в процессе инициации, А.Г.Асмолов особенно выделяет ее порождающую функцию, обретение новой личности, ее испытания на прочность. И в то же время в этих обрядах демонстрируется тотальная власть общества над личностью. «Индивид рассматривается как песчинка, как глина, как “чистая доска”, на которой группа записывает знания и мудрость. Общность буквально осуществляет “вклад” в индивида, строит его личность» (Асмолов, 1996. С.532). Обряд инициации, как и любой обряд, любой ритуал связан с утверждением примата ценностей общности, единства членов родовой группы. «Ритуал не просто механически и “на время” объединяет отдельных индивидов, а является условием индивидуализации общественных образцов поведения. Ритуальное действие, регулируемое общественным эталоном поведения, оказывается поэтому более сильной структурой по сравнению с сугубо индивидуальным действием, регулируемым эмоциональным психическим состоянием» (Родионова, 1979. С.309). А это значит, что в одной из составляющих инициации кроется и реальная опасность потери себя, вызывающая сопротивление общественному давлению, осуществлению вкладов. Ближайшим психологическим аналогом отраженных переживаний можно считать страх потери девственности, а сам сюжет рассматривать как допускающий использование в дидактических целях запугивания из разряда «не ходите, дети, в Африку гулять». Информация о том, что и в Африке можно выжить, будучи взрослым, осторожно опускается, дабы не пробуждать опасного желания личностной зрелости.

Таким образом, ценности, провозглашаемые в разных сообщениях одного текста пьесы, оказываются противоречащими друг другу при переводе на уровень «здорового смысла» и взаимодополняющими во внутриличностном плане. Это создает эффект неопределенности, допускающий восприятие текста в разных, прямо противоположных вариантах.

Интересна дальнейшая судьба этого искусственного, невозможного образа в отечественной культуре. Современники приняли пьесу неоднозначно, но многих она очаровала. В советской России Снегурочка стала одним из самых популярных сказочных образов, заняв место рядом с Дедом Морозом на единственном неполитическом государственном празднике. Это та самая Снегурочка, но так и не ушедшая из леса, оставшаяся жить с холодным сердцем, в бесконечном детском состоянии. Парадокс, но именно с образом вечной девочки, не способной жить в другом, взрослом состоянии связывается празд-

ник завершения календарного цикла и начала нового, праздник вечного обновления жизни. Архаический праздник получил другое идеологическое содержание именно за счет использования архаических символов в ином жанровом пространстве.

Популярность внучки/дочки Деда Мороза не может быть результатом только внешнего давления, насильственного внедрения. Можно предположить, что символический смысл образа находит отклик в душах детей и взрослых, затрагивая некоторые глубинные образования.

Согласно работе Л.Элькониновой и Б.Д.Эльконины, субъект, заданный в волшебной сказке — это субъект инициации действия, удачного решения решить задачу, «принятия на себя выполнения чего-либо» (1993. С.68). В отличие от героев волшебной сказки, Снегурочка, приняв решение выполнить нечто, гибнет. Можно ли в таком случае считать ее решение удачным? Каким смыслом наделяется данная ситуация обыденным сознанием?

3.3. ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОБРАЗА СНЕГУРОЧКИ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ

Особенности структуры образной системы сказки позволяют говорить, что воспроизводимый в ней образ мира не является простым, подлинно сказочным. Наличие в сказке одновременно нескольких сообщений и архаичность сюжета создает возможность вариативного прочтения и позволяет рассматривать ее как своеобразный проективный материал, текстовое «пятно Роршаха». Сказка воспроизводит структуру обряда, уходящего корнями в глубокое прошлое, но воспроизводившегося в народных праздниках еще в прошлом веке и оставшемся в памяти и сегодня. Это значит, что содержащийся в нем смысл продолжает вызывать отклик хотя бы на бессознательном уровне.

Образ Снегурочки обладает гетерогенной природой, на самом глубоком уровне он опирается на амбивалентность мифа и связан с ситуацией инициации, перехода, приводящего через смерть к жизни. Форма, в которой он представлен, имеет структуру сказки как «правильного» текста, содержание которого должно воспроизводить социальные нормы. На этом уровне смысл сказки можно понимать как предупреждение об опасности потери девственности, опасности вступления во взрослую жизнь. Сам образ построен в соответствии с образами «неправильных» текстов, в которых подвергается сомнению разумность и пригодность для жизни существующих норм и правил,

отражается конфликт личности и общества, утверждается приоритет ценностей индивида над видовыми ценностями.

Изучение особенностей репрезентации сюжета сказки и образа Снегурочки включало в себя два этапа, предполагавшие анализ двух уровней восприятия. На первом предметом анализа были результаты сознательного понимания, интерпретации самого сюжета сказки, вне литературной обработки. Нас интересовало, каким смыслом будет надлена сюжетная канва — гибель героини при соприкосновении с жизнью; возможно ли при этом построение «правильных» текстов, будет ли сохраняться позитивный смысл инициации. Испытуемые должны были сделать то, что обычно считается глупым — ответить на вопрос: «О чем эта сказка?» Известно, что любые ответы неадекватны, содержат лишь часть смысла и тем самым обедняют исходный текст. Однако в данном случае эта процедура была выбрана сознательно. Представляло интерес определить, какой из возможных вариантов будет выбран в качестве предпочтительного. На втором этапе предполагалось выделить факторы, определяющие восприятие Снегурочки в контексте других сказочных образов и образов реальных людей.

Гипотезу первой части исследования составило предположение о том, что сюжет сказки на уровне обыденного сознания будет трансформироваться и порождать интерпретации, построенные по типу неправильных текстов.

Методика и испытуемые. Для изучения особенностей восприятия сказки в первой части экспериментального исследования был использован метод контент-анализа текстов — свободных интерпретаций сюжета сказки.

Для интерпретации был предложен следующий текст, представляющий сокращенный вариант сказки. «Жили были дед и баба. И не было у них детей. Вот наступила зима, а во дворе снега намело видимо-невидимо. И стал дед лепить из снега Снегурочку. Слепил, и стала у них внучка, и назвали они ее Снегурочкой. Как-то раз Снегурочка и говорит: “Дедушка и бабушка, отпустите меня с подругами погулять на улице”. Отпустили они ее, и пошла Снегурочка на улицу. Подружки решили прыгать через костер. Так по очереди и прыгали. Когда дошла очередь до Снегурочки, прыгнула и она. И вдруг стали стекать с нее капли воды, все быстрее и быстрее, Снегурочка начала таять и растаяла совсем». Текст написан одной из студенток физико-математического факультета на занятии в тренинговой группе, при выполнении задания написать сказку, которую они хотели бы рассказать маленькому ребенку. Использование такого варианта позволяло сохранить следы «фольклорности», отражения основных элементов сюжета в бытовом сознании, вне литературной обработки.

3.3. Интерпретации образа Снегурочки в обыденном сознании

Данный вариант можно назвать символическим эквивалентом сказки Островского, что максимально расширяет возможности интерпретации.

Инструкция испытуемым: «Если предположить, что сюжет каждой сказки в символической форме описывает реальную жизнь, то о чем может быть эта сказка? Попробуйте описать реальную историю, которая могла бы соответствовать данной сказке». Исследование проводилось в анонимной форме.

Испытуемые: Выборку составили 241 испытуемый, из них 168 женщин и 73 мужчины, студенты 1—5 курсов очного и заочного отделений различных вузов Ставрополя. Возрастной состав — от 18 до 29 лет. Материал был собран в 1995—96 годах.

Изложение и анализ результатов

Содержание сочинений позволяет анализировать их по многим параметрам, в частности, выделяя в них элементы проекции собственного отношения авторов к миру, выражение различных мотивов и потребностей. В данной работе все эти возможности сознательно опущены.

Тексты оценивались прежде всего по тому, относятся ли они к «правильным» или «неправильным». К *правильным* были отнесены тексты, в которых наличная ситуация оценивается позитивно, ее изменение нежелательно, а гибель Снегурочки рассматривается как закономерное нарушение правил. К *неправильным* текстам относились такие, в которых мир изображается как неприспособленный к жизни, наличная ситуация оценивается негативно, ее изменение либо желательно, либо неизбежно. При анализе учитывалось следующее: 1. Черты характера, особенности личности Снегурочки, общая оценка героини, наличие симпатии авторов. 2. Интерпретация действий, совершаемых Снегурочкой. Понимание Снегурочки как «переходного» персонажа определяет значимость оценки самой ситуации перехода — как желательного или нежелательного, одобряемого или не одобряемого, и характеристики наличной и потенциальной ситуации — той, в которой Снегурочка жила, и той, к которой перешла. 3. Общая оценка окружающей действительности, в том числе других людей.

Половые особенности в распределении по вариантам не учитывались.

Анализ показал, что оценка действий Снегурочки находится в зависимости от двух параметров — оценки самой Снегурочки и оценки окружающего мира.

16 сочинений (6,7 %) содержат практически не измененное изложение и не поддаются интерпретации.

Таблица 2

	«Правильные» тексты	«Неправильные» тексты
стремление от людей	1. эгоистка, холодная, дурная компания, “нарушила правила” 49 чел., 20,3 %	3. Снегурочка героиня, поиск новых ощущений, роковая любовь, общество отвергло яркую индивидуальность 84 чел., 34,8 %
стремление к людям	2. стремление быть как все (“надо жить своим умом”); по глупости; неосторожность, 63 чел., 26,1 %	4. хотела быть человеком, но не смогла 26 чел., 10,8 %

Ниже приводятся примеры сочинений, принадлежащих к разным группам.

К «правильным» текстам были отнесены такие, в которых гибель Снегурочки рассматривается как следствие нарушения писанных и неписанных правил типа «Не давайте детям играть с огнем». В этой группе выделяются два варианта — в первом Снегурочка оценивается негативно, как «эгоистка, не думающая о стариках-родителях», как холодная и глупая, испорченная. Другой вариант «правильных» текстов описывает гибель Снегурочки как результат проявления конформизма, «чувства толпы», стремления быть как все. В данном случае также речь идет о нарушении правил, хотя и неписанных, подразумеваемых, но обеспечивающих не единение с обществом, а сохранение собственной индивидуальности.

«Правильные» тексты можно разделить на две подгруппы.

1. Снегурочка плохая и гибель ее оценивается как закономерная

А. Криминальный вариант. В данной подгруппе Снегурочка описывается как «избалованный ребенок», «ветренная, легкомысленная, эгоистка», «замкнутая, дезадаптированная», «безвольный герой, жалкий образ», «попала в дурную компанию, по барам, по дискотекам», «низкая самооценка, с комплексами». В этих сочинениях встречается криминальный характер развития событий, интерпретирующий «таяние» Снегурочки как расплату за нарушение моральных и социальных норм.

«Снегурочка — избалованный ребенок, который привык к обеспеченной жизни, не задумываясь о ее трудных буднях. Родители удовлетворяли любое ее желание. Но этажом выше жили две девушки, занимающиеся “нелегальным бизнесом”. Снегурочка завидовала

огромному числу их поклонников и однажды вечером попросилась погулять вместе с ними. Молодая девочка попала на своем “рабочем месте” и ее забрали в милицию». «Сказались “дурные гены”, пришло время, и она связалась с дурной компанией. Под видом невинных детских шалостей она с подругами занялась чем-то антисоциальным и по неопытности погорела».

Б. Снегурочка оценивается как слабая или плохая, а часто и то и другое вместе, а окружающий мир — как привлекательный или нейтральный. В этих случаях прыжок через костер оценивается негативно, как глупость, ошибка, как «потеря себя». Причиной называется либо слабость, либо глупость Снегурочки. Снегурочка не помогает деду и бабке, не думает о них, она холодная эгоистка или просто глупая девочка, на заботящаяся о последствиях своих поступков. «Это сказка о бесцельно прожитой жизни. Снегурочка ничего не сделала для того, чтобы скрасить жизнь старикам, думала только о себе... Каждый должен заниматься полезным делом, а иначе общество отторгнет своего члена как ненужный элемент». «Снегурочка — глупая и пустая девочка, погибшая по неосторожности, по своей глупости, не думала о том, что она единственная радость у стариков».

2. Снегурочка оценивается прежде всего как слабая. Сочинения этой группы изображают Снегурочку как гибнущую, разрушающуюся в результате стремления «быть как все». Снегурочка «не имеет своего мнения», «поддалась ложному коллективизму», «куда все, туда и она». Ее гибель рассматривается как «отказ от себя».

А. В одних сочинениях инициатива принятия мнения других принадлежит самой Снегурочке. «Здесь прослеживается мнение: “Как все, так и я”, даже если нельзя, я не могу отличаться от других — это мотив Снегурочки. А у ее друзей — “Почему она отличаться должна?” — они даже не подумали, не вошли в ее положение. У Снегурочки слабый характер, она легко поддалась уговорам». «Решила не отставать от подружек и зажечь красивой жизнью». «Снегурочка — типичная девочка, которая поступает так, как другие, она стремится стать такой как все, и не думает о том, что для нее это не подходит».

Б. В других вариантах сочинений инициатива приписывается другим людям. Снегурочка изображается слабой и хорошей, поверившей коварным подружкам-соперницам, обманувшим ее. «А подружки завистливые попались, женщины вообще завистливы и коварны». «Снегурочка наивная и неопытная, послушалась подлых подружек, которые захотели погубить ее». Гибель Снегурочки, как сказано в одном из сочинений, иллюстрирует мораль «Живи своим умом».

В «неправильных» текстах конфликт Снегурочки и окружающего мира принимается как безусловный и неизбежный.

«Неправильные» тексты также разделяются на две подгруппы.

3. Снегурочка хорошая, а мир плохой. В эту, самую большую, подгруппу сочинений вошло несколько очень разных вариантов, объединенных выраженной позитивной оценкой Снегурочки и осуждением окружающего мира. Во всех случаях Снегурочка показана как **хорошая, лучше чем другие, а окружающий мир — плохой.** — «Милая, с чистой как слеза душой и добрым сердцем», «добрая, романтичная», «олицетворяет собой некий высший, недостижимый идеал, чистый и хороший, некий мистический смысл, веру человека в несуществующее реально добро». При этом окружающий мир изображается как грубый и жестокий. Ситуация перехода оценивается как неизбежная и трагическая, результат борьбы с плохим миром.

А. Гибель в результате несоответствия яркой индивидуальности миру. Снегурочка описывается как сильная, яркая натура, погибающая в тусклом мире. (Что странно: костер — и тусклый.) «Сказка о том, как гибнет, исчезает яркая индивидуальность, непохожесть личности при попадании в общество, которое очень сильно отличается от нее». «Сказка о человеке “не как все”, человек был особенный, выделяющийся из общей крестьянской среды. ... Мир, общество не принимают этого человека, он остается не понятым, не приспособившимся к обстоятельствам, не сумевшим стать как все, переломить себя». Снегурочка описывается как стремящаяся вырваться из мира обыденной жизни, испытать яркие ощущения. Наличная ситуация описывается как плохая, пошлая; потенциальная ситуация считается привлекательной, но недостижимой. Процесс перехода воспринимается как позитивный и одобряется. «Стремление получить от жизни все погубило ее, как губит и многих людей. Но зачастую эти люди не жалеют о прожитых годах. Вопрос “Зачем она прыгала?” можно задать и людям, которые каждый день рискуют собственной жизнью, покоряют вершины, спускаются под воду... Зачем они это делают? Если так судить — сидели бы дома, пили кофе. Но ни в коем случае нельзя так думать, ведь жизнь одна, и ее надо прожить как можно интересней».

В некоторых случаях подчеркивается открытая враждебность Снегурочки миру, что оценивается позитивно. «...Девочка нашего поколения. У нее совсем другие понятия о взаимоотношениях в семье, совсем другие требования к жизни. На ее характер сказались требования новой эпохи. Она не дала деду и бабке ни тепла, ни ласки — ничего того, что от нее ждали. И сама не нуждалась в их советах, не хотела жить так, как они, считала их жизненные нормы и правила устаревшими. Она добивалась самостоятельности и независимости. И вместе со своими подружками жила так, как сама хотела и как считала нужным. Но она слишком мала и неопытна... В этом ее трагедия».

Б. Отдельно необходимо выделить сочинения, где прыжок через костер интерпретируется в своем архаическом символическом смыс-

ле — как метафора любви. «Это одинокий человек, которому хочется общения со сверстниками, любви мужчины. Может быть огонь — это сильная горячая любовь, от которой она и растаяла». «Снегурочка — это девушка, которая, несмотря на предупреждения старших, полюбила парня, отдала ему всю свою душу и не смогла перенести предательства». В этих случаях предмет любви оценивается как плохой, недостойный, а Снегурочка — как заслуживающая одобрения и сочувствия.

Мы объединили все эти разнообразные сочинения в одну группу, так как все они построены по образцу неправильных текстов, в них хороший герой действует в плохом, враждебном по отношению к нему мире и погибает. В сюжете подчеркивается, что выжить и тем более победить в этих обстоятельствах невозможно.

4. Снегурочка хорошая и гибель ее оценивается как закономерная. В эту группу «неправильных» текстов вошли сочинения, в которых стремление быть как все оценивается положительно, одобряется. Наличие ситуации оценивается негативно, иная — позитивно, но нет способов ее достижения. Окружающий мир при этом изображается как не имеющий правил, непригодный для жизни. Снегурочка хочет быть настоящим человеком, она хочет любить. «Снегурочка хотела стать истинным человеком в мире людей. Она познает все те чувства, желания, прихоти, и в конце сказки она познает, что такое любовь». «Снегурочка — тихая, задумчивая девочка, но в то же время добрая. Она многое не может понять в этом мире. Ей хочется как и другим детям играть, веселиться, но ее природа не позволяет ей этого». Интересно, что в этой группе сочинений не встречается указаний на реальные жизненные обстоятельства, которые могли бы быть аналогом такой ситуации.

Интерпретация полученных данных

Особенность данного сюжета по сравнению с волшебной сказкой состоит, как мы полагали, в неполном отражении ситуации инициации — отсутствии «идеальной формы» — совершенного действия. Тем самым внимание испытуемых в большей степени было направлено не на результат перехода, а на процесс, который приобретал самостоятельную ценность.

Содержание сочинений весьма различно: Снегурочка рассматривается и как положительная, и как отрицательная героиня, окружение оценивается как хорошее и как плохое, действие Снегурочки интерпретируется как одобряемое или не одобряемое. Таким образом можно сказать, что сюжет действительно содержит исходную амбивалентность, которая на уровне сознания, при изложении в связном,

близком к реальности тексте позволяет получить прямо противоположные сюжетные линии.

В «правильных» текстах проявляется стремление сохранить общее принятие мира, социума при трагичности ситуации — гибели героини. В этих случаях Снегурочка оказывается либо просто плохой, испорченной, либо слабой, нарушавшей установленные правила. Сочинения этой группы часто содержат моральные сентенции, выводы, в которых говорится о том, как надо было поступать, т.е. показывается, что миру доверять можно и хорошие люди не гибнут. Эти тексты изображают процесс и результат перехода как нежелательный, что позволяет выразить страхи и сомнения, связанные с любыми изменениями.

В «неправильных» текстах в вариантах № 3 «совершенным образцом» оказывается сам переход, и его привлекательность не снижает гибелью героини. Более того, трагический финал подчеркивает ценность сделанного выбора. В вариантах № 4 «совершенный образец» оказывается неприменим, переход привлекателен, неминуем, но в то же время несовместим с жизнью.

Сравнивая различные варианты интерпретации, можно сказать, что ситуация инициации, отраженная в сюжете, воспринимается адекватно при разном понимании конкретных реалий. Анализ полученных текстов показывает, что во всех случаях в сказке выделяется мотив «опасного перехода» и подчеркивается несоответствие героя миру, что обусловлено необычной природой Снегурочки. Это несоответствие трактуется по-разному, чаще всего в оценочном плане — плохой герой — хороший мир, хороший герой — плохой мир. В отдельных работах на несовместимость мира и природы Снегурочки лишь указывается, но психологический смысл этой несовместимости не раскрывается. Нужно отметить, что сам факт несовместимости героя и мира не рассматривается авторами как нечто необычное, доказательством чего может быть использование достаточно известных в искусстве, тривиальных сюжетных линий.

Процесс перехода наделяется в сочинениях прямо противоположными смыслами, но в любом случае опасными, ведущими к гибели. В некоторых случаях акцент ставится на момент перехода и подчеркивается ценность перехода из обыденного в необычное, а Снегурочка выступает аналогом бунтарей и альпинистов. В таких вариантах ситуация риска, бунта против обыденности оценивается как единственная возможность сохранения личности, духовности. В других случаях в действиях Снегурочки видится проявление крайнего конформизма и разрушения личности в результате подчинения нормам, стремление к адаптации рассматривается как разрушение личности.

3.3. Интерпретации образа Снегурочки в обыденном сознании

Во всех вариантах в действиях Снегурочки выделяется момент перехода от «наличного» к «иному» в терминологии Б.Д.Эльконина, а имеющаяся жизнь видится как то, что нужно преодолеть, подчеркивается опасность не совершить такой переход и сохранять погруженность в «наличное». Возможность «оставаться такой, как все» и, наоборот, стремление «быть как все» оценивается как эквивалент разрушения личности. Возможно, такое видение ситуации специфично для студенческой возрастной и социальной группы, отражает ее мировосприятие. Результаты, полученные в других выборках, позволяют говорить о существовании иных оценок перехода. На этом этапе сложно судить — является ли отмеченный в сочинениях страх «быть как другие» специфическим для данных испытуемых или отражает заложенный в сюжете смысл.

Полученные результаты не подтвердили высказанную гипотезу. При пересказе сюжета и соотнесении его с реальной жизнью получаются как «правильные», так и «неправильные» тексты. Результаты подтверждают высказанную ранее мысль о том, что исходный миф при переводе в иную знаковую систему распадается на дополнительные варианты текстов. «Правильные» тексты строятся по типу обычных сказок-предупреждений, в которых утверждается, что мир хорош и понятен, в нем есть правила, а их нарушение опасно. Однако сам процесс перехода, изменения существующего положения не одобряется. В правильных текстах отразились естественные страхи, связанные с изменением ситуации и обеспечивающие поддержание стабильности в жизни. «Неправильные» тексты позволяют проявиться агрессии по отношению к окружающему миру, который выглядит либо опасным, либо пошлым.

Анализ сочинений показал, каким образом происходит взаимодействие разных уровней отражения действительности. Исходная амбивалентность мифа, содержащаяся в обряде инициации и сохраняющаяся в сюжете сказки, воспринимается испытуемыми, но не может быть адекватно выражена при упрощении, на уровне обыденного сознания. В результате возникают варианты, позволяющие совместить лишь один из фрагментов целостного смысла с рациональной картиной мира. В «правильных» текстах находят выражение ценности сохранения стабильности, единства с обществом, а в «неправильных» — ценности развития, изменения, ценности индивидуальной жизни. В образе «неправильного» мира закреплены ценности прагматичного перехода, ценности изменения ситуации независимо от «полезности» результата.

Многовариантность предложенных интерпретаций позволяет предположить, что сюжет сказки «Снегурочка» может быть исполь-

зован в качестве материала для проекции глубинных личностных проблем, связанных с отношением к развитию. Одно из направлений дальнейших исследований — выявление связи между вариантами интерпретаций и особенностями мотивационно-потребностной сферы личности.

3.4. ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВОСПРИЯТИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ ПЬЕСЫ А.Н.ОСТРОВСКОГО «СНЕГУРОЧКА»

Особенности образа Снегурочки, выявленные в результате анализа текста пьесы и анализа интерпретаций образа в обыденном сознании, позволяют говорить, что этот образ создан по законам «неправильных» текстов и принадлежит «неправильному» миру. Образ Снегурочки можно считать парным — зеркально противоположным образу человека, достигшего успеха, — Снегурочка наделена привлекательными чертами, но она погибает, не вписывается в жизненный мир «правильных» текстов. В связи с этим представляет интерес рассмотреть влияние образа Снегурочки на структурирование семантического пространства и характер размещения в нем шкал и образов.

Методика и испытуемые. Общую выборку составили студенты 1—5 курсов разных специальностей Ставропольского государственного университета и Ставропольского государственного технического университета, объединенные в 9 групп по половому и профессиональному признаку, всего 459 человек, из них 132 юноши, 327 девушек.

Группы различались профессиональной принадлежностью, характером знакомства с пьесой Островского; в разных группах были использованы разные наборы шкал и объектов. Сравнение полученных результатов позволило сделать вывод о влиянии профессии и степени знакомства с текстом на восприятие образа Снегурочки и об относительной независимости данных тенденций от набора шкал. (Подробное изложение результатов см. *Улыбина, 1998д.*)

В качестве примеров имеет смысл подробно рассмотреть результаты работы с группой студентов-математиков, ознакомленных с текстом пьесы перед заполнением матриц.

В качестве испытуемых выступали студенты 2-го курса физико-математического факультета, 66 девушек и 28 юношей. Они оценивали по 67 шкалам 30 объектов — героев пьесы и сказки и образы реальных людей. В число сказочных героев были включены дополнительно образы Ильи Муромца и Иванушки-дурачка как безусловно

положительные мужские фигуры. Особенностью данной серии было предваряющее заполнение таблицы семантического дифференциала обязательное для всех испытуемых знакомство с текстом пьесы «Снегурочка» и сказки «Машенька и медведь» (*Русские народные сказки*, 1993. С. 159-161).

В результате факторизации групповой матрицы юношей выделилось 4 значимых фактора. Оценочный фактор расщепляется на два различных, по которым образ Снегурочки имеет противоположную оценку.

В первый фактор «Этноцентризма» (23,6%) вошли шкалы русский .83, близкий .82, теплый .80, добрый .77, естественный .74, открытый .65, сладкий .63, простой .56, красивый .54, понятный .52, свежий .50, энергичный .50, и с отрицательным знаком сухой —.87, чужой —.86, далекий —.82, злой —.77, холодный —.74, черный —.70, дикий —.68, хищный —.65, опасный —.63, узкий —.56, угловатый —.54, острый —.54, сжатый —.51, тяжелый —.50.

Смысл фактора составляет оценка с выраженным этноцентрическим содержанием «свой—хороший, чужой—плохой». Состав шкал слабо связан с конкретной моральной характеристикой образов, а указывает именно на общее ощущение близости, доступности контакту. Образ Снегурочки имеет по данному фактору высокую отрицательную нагрузку, т.е. она воспринимается как *не русская, чужая, холодная, далекая, неестественная*.

Во второй фактор (21,8 %) вошли шкалы: сильный .91, прочный .86, твердый .86, опытный .78, свободный .75, индивидуалистичный .73, широкий .69, гордый .68, стабильный .66, глубокий .59, быстрый .59, энергичный .57, уравновешенный .55, умный .53 и с противоположным знаком — беззащитный —.86, зависимый —.84, наивный —.81, доверчивый —.77, хрупкий —.74, прозрачный —.65, тихий —.62, грустный —.54. При наиболее общей интерпретации можно этот фактор обозначить как фактор «Силы»; содержащийся в нем параметр позволяет оценивать приспособленность, устойчивость, независимость с некоторым агрессивным оттенком. На положительном полюсе располагаются образы «сильных мужчин», обладающих для испытуемых привлекательностью, — Мороза, «идеального мужчины», Ильи Муромца, «человека, достигшего успеха», и «себя через 15 лет». Снегурочка здесь имеет высокую отрицательную нагрузку.

Третий фактор (18,2 %) составили шкалы: блестящий .79, тонкий .79, плавный .76, яркий .71, белый .71, свежий .69, гладкий .68, красивый .68, ясный .66, легкий .65, правильный .65, ровный .61, глубокий .59, гибкий .55, умный .53, сексуальный .51 и на другом полюсе — с меньшей нагрузкой — тяжелый —.61, серый —.61, угловатый —.54, хищный —.50. Фактор также связан с эмоциональной оценкой,

но в отличие от первого в нем не представлены шкалы *близкий, чужой, далекий*. Его смысл в большей степени определяется совершенством, неординарностью — большой вес имеют шкалы *блестящий, тонкий, яркий, белый* в противоположность качествам *тяжелый, серый*. Учитывая это и распределение ролей, он интерпретирован как фактор «Идеала», отражающего представление о чем-то совершенном, но не связанном с ощущением интимности и тепла, находящимся вне моральных оценок.

По третьему фактору наибольшую положительную нагрузку имеет образ Снегурочки. Интересно, что образ «идеальной женщины» здесь имеет значительно более высокую нагрузку, чем по первому — фактору «Близости».

Четвертый, слабый, но значимый фактор (4 %) включает в себя шкалы: изменчивый .92, сложный .58, хаотичный .48, скрытный .34 и с противоположным знаком: ровный —.43, стабильный —.38, уравновешенный —.33, понятный —.29. Фактор можно интерпретировать как фактор «Изменчивости», он близок по смыслу фактору «Активности» из классического осгудовского набора. На положительном полюсе расположены образы Леля, «типичного человека», Мизгиря, «я», а на отрицательном — Машеньки, отца Машеньки, Ильи Муромца, «авторитетного человека».

Распределение ролей по факторам показано в табл.3.

На рис. 3 представлено распределение шкал в пространстве первых двух факторов. Оно близко основным очертаниям распределе-

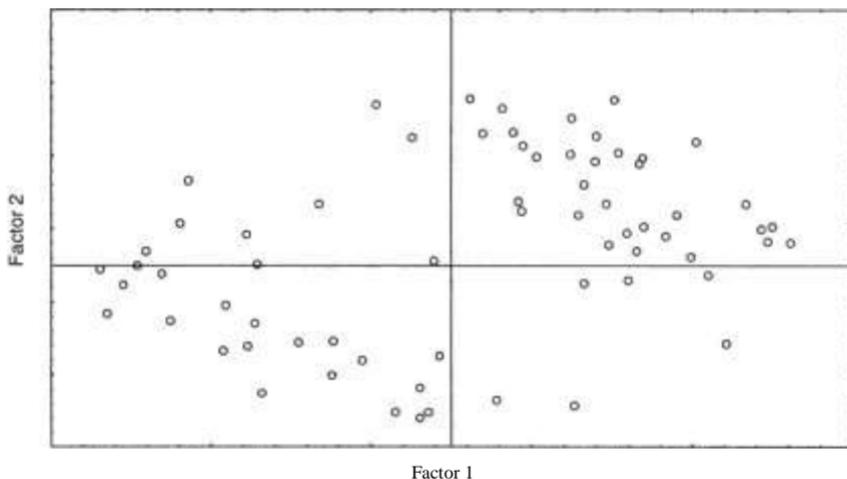

Рис. 3

Factor 1		Factor 2		Factor 3		Factor 4	
Мама	1.70895	Мороз	1.73666	Снегурочка	2.63791	Лель	1.69961
Я в детстве	1.61520	Мужчина	1.67798	Весна	1.58479	Типичн.	1.50146
Я	1.17412	Илья	1.56804	Женщина	1.46120	Мизгирь	1.48682
Иванушка	1.0930	Успех	1.25718	Успех	1.22252	Я	1.34535
Папа	1.05348	Я через 15	.98393	Мужчина	1.17004	Не нрав	1.28562
Машенька	.98765	Папа	.93734	Интелл.	.84295	Весна	1.11531
Лель	.86159	Медведь	.76894	Машенька	.68235	Я в детстве	.85777
Илья	.81728	Авторитет	.68218	Ярило	.61781	Жаль	.78642
И. Жен.	.77482	Ярило	.61968	Авторитет	.57438	Купава	.70302
Счаст	.76809	Царь	.51931	Не похож	.45444	Ярило	.66863
Отец	.61400	Лель	.32555	Я через 15	.44176	Папа	.43548
Купава	.56720	Мизгирь	.27510	Мама	.42779	Я через 15	.31114
Я через 15	.52186	Я	.23611	Счаст	.42100	Мама	.30515
И. Муж	.49494	Весна	.13451	Мороз	.13482	Мороз	.26521
Мизгирь	.24571	Мачеха	.07718	Купава	.00888	Не похож	.10503
Весна	.17693	Иван	.03859	Мачеха	-1.98720	Машенька	-1.96379
Не похож	-2.17066	Мама	.00034	Дочь	-1.82098	Отец	-1.61948
Не нрав.	-1.58189	Жаль	-2.10623	Медведь	-1.04327	Илья	-1.55411
Мачеха	-1.53235	Я в детстве	-2.02714	Папа	-.95800	Авторитет	-1.53417
Снегурочка	-1.3657	Снегурочка	-1.8588	Илья	-.94453	Дочь	-1.18724
Мороз	-1.29376	Машенька	-1.52820	Царь	-.85313	Интелл	-1.10846
Жаль	-1.08164	Отец	-1.34886	Жаль	-.79670	Мачеха	-.72566
Ярило	-1.02648	Дочь	-.99940	Отец	-.74394	Медведь	-.72024
Дочь	-.77567	Купава	-.67608	Типичн	-.72189	Царь	-.58634
Успех	-.75505	Типич.	-.31320	Не нрав	-.69414	И. Муж	-.55704
Типичн	-.72370	И. Жен.	-.29284	Иван	-.66052	Счаст	-.49780
Медведь	-.35215	Не похож	-.27642	Мизгирь	-.61160	Снегурочка	-.29483
Авторитет	-.31181	Счаст	-.25902	Я	-.42651	Успех	-.20971
Интелл	-.30845	Не нрав.	-.14973	Я в детст	-.38835	И. Жен	-.16682
Царь	-.19554	Интелл.	-.00272	Лель	-.03186	Иванушка	-.14631

ния, анализированным в главе об асимметрии семантических пространств — наибольшее количество признаков содержится в области, соединяющей признаки *близких* и *сильных*, и *далеких* и *слабых*, что создает, как об этом говорилось ранее, своеобразное сказочное пространство.

При факторизации матриц девушек выделилось также 4 значимых фактора, содержание которых в значительной степени сходно с содержанием факторов, полученных на выборке юношей.

В **первый** фактор «Этноцентризма» (30 %) вошли шкалы: мягкий .83, добрый .82, близкий .82, теплый .82, открытый .81, естественный .79, простой .78, сладкий .75, русский .70, широкий .64, понятный .64, ясный .64, легкий .62, плавный .60, красивый .57, глубокий .56, свежий .55, яркий .50, и с противоположным знаком — сухой — .84, холодный —.83, злой —.79, далекий —.77, опасный —.75, хищный —.71, черный —.71, тяжелый —.69, острый —.66, дикий —.65, узкий —.63, серый —.63, угловатый —.59, сжатый —.55.

Его смысл сходен со смыслом первого фактора мужской выборки. На положительном полюсе с большой нагрузкой располагаются образы «мамы», «я в детстве», Машеньки, Весны, Иванушки-дурачка, отца Машеньки, «я сейчас», Кулавы, «папы», а на отрицательном — образы «мачехи», «дочери мачехи», «человека, который не нравится», «не похож», Мороза, Снегурочки, «человека, достигшего успеха» и др. Образ «идеальной женщины» располагается на по-

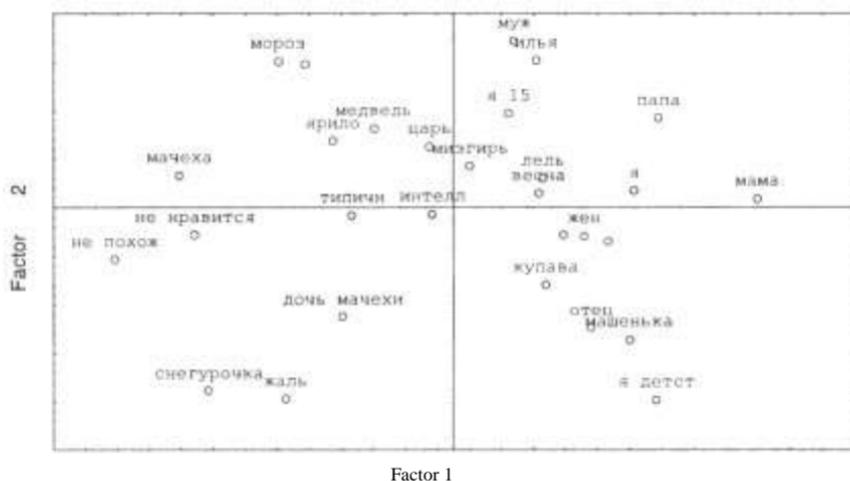

Рис. 4

ложительном полюсе, но с незначительной нагрузкой, меньшей, чем в мужской выборке. Снегурочка оценивается как в значительной степени *далекая* и *опасная, холодная*. Образ Купавы воспринимается как достаточно *близкий* и *теплый*.

Второй фактор «Силы» (23%) составили шкалы: сильный .85, твердый .85, опытный .81, гордый .79, индивидуалистичный .75, энергичный .73, свободный .70, быстрый .68, стабильный .60, умный .90, сексуальный .56, широкий .49 и, с противоположным знаком, беззащитный —.90, наивный —.89, зависимый —.80, прозрачный —.76, доверчивый —.76, тихий —.76, хрупкий —.70, грустный —.68, ослабленный —.56, сжатый —.53, узкий —.52.

Содержание фактора, как и в предыдущей выборке, составляет оценка силы, независимости и общей адаптированностиTM. По этому фактору Снегурочка оценивается как очень *слабая, беззащитная*, она занимает место на отрицательном полюсе рядом с образом «человека, которого жаль».

Третий фактор «Совершенства» (14%) включает в себя шкалы: белый .70, блестящий .69, свежий .69, тонкий .68, легкий .63, плавный .63, гладкий .58, красивый .58, яркий .57, гибкий .53, ясный .53, уравновешенный .51, ровный .51 и с противоположным знаком, обычный —.76, тяжелый —.57, серый —.54, угловатый —.54, черный —.49.

Смысл фактора аналогичен смыслу третьего фактора в группе юношей. Образ Снегурочки имеет по фактору еще большую нагрузку, что и определяет, вероятно, больший вес шкалы *белый*. Следующим за образом Снегурочки расположен образ «идеальной женщины», а образ «папы» и, в меньшей степени, «мамы» располагаются на отрицательном полюсе, воспринимаясь как *обычные, серые, тяжелые*.

В четвертый, слабый фактор (6%) вошли шкалы: изменчивый .90, хаотичный .73, сложный .37 и, с противоположным знаком, ровный —.62, стабильный —.56, правильный —.52, уравновешенный —.46, тихий —.39.

Четвертый фактор, как и в мужской выборке, можно проинтерпретировать как фактор «Динамизма, изменчивости». Высокую нагрузку по нему также имеют образы Леля, «себя», «себя в детстве», «типичного человека» и, в то же время, «человека, который не нравится». Вероятно, *изменчивость* и *хаотичность*, признаваемая у самого себя, вызывают неодобрение как черта другого. На наш взгляд, этот фактор отражает восприятие другого как реального, не поддающегося контролю.

Распределение ролей по факторам показано в табл.4.

Factor 1		Factor 2		Factor 3		Factor 4	
Мама	1.62819	Успех	1.36302	Снегурочка	3.11243	Лель	2.05911
Я в детстве	1.51061	Мужчина	1.35088	Женщина	1.66177	Я	1.47341
Машенька	1.13503	Мороз	1.34548	Весна	1.55084	Я в детстве	1.38255
Весна	1.12870	Илья	1.22194	Успех	1.16538	Мизгирь	1.32135
Иванушка	1.05970	Авторитетный	1.0863	Ярило	.96689	Типичный	1.19075
Отец	.85680	Мизгирь	.84993	Счастливым	.77770	Купава	.90934
Я	.80081	Ярило	.78273	Авторитетный	.70008	Не нравится	.90124
Купава	.78598	Я через 15 лет	.6345	Интеллигент	.62532	Иванушка	.82450
Папа	.77575	Женщина	.61042	Мороз	.36964	Весна	.80292
Лель	.69933	Медведь	.53252	И. Муж	.41191	Женщина	.65520
Счастливый	.62315	Лель	.51444	Я через 15 лет	.29137	Мачеха	.48512
Мужчина	.55806	Мачеха	.46975	Лель	.18051	Ярило	.47854
Я через 15 лет	.49928	папа	.42136	Я в детстве	.04475	Дочь	.20669
Илья	.44001	Царь	.40659	Не похож	.03839	Отец Маши	-1.98367
Женщина	.36394	Счастливый	.35567	Папа	-1.25976	Машенька	-1.64004
Царь	.11313	Интеллигент	.31753	Отец Маши	-1.49248	Мужчина	-1.34591
Мачеха	-2.2472	Мама	.02981	Мачеха	-1.08573	Интеллигент	-1.2178
Не нравится	-2.1383	Жаль	-2.50458	Царь	-.98594	Илья	-1.16649
Дочь	-1.5590	Снегурочка	-2.42602	Дочь	-.96971	Авторитетный	-.96066
Не похож	-1.29283	Отец Маши	-1.70583	Жаль	-.94808	Успех	-.80268
Мороз	-1.0977	Я в детстве	-1.35800	Мизгирь	-.84141	Царь	-.78600
Снегурочка	-.96820	Машенька	-1.06773	медведь	-.81756	Снегурочка	-.62626
Успех	-.80005	Не похож	-.73507	Илья	-.80573	Мама	-.45276
Жаль	-.79565	Дочь	-.67132	Типичный	-.63278	Медведь	-.44219
Типичный	-.76619	Не нравится	-.61183	Не нравится	-.55057	Мороз	-.29839
Авторитетный	-.327	Весна	-.54171	Купава	-.52803	Не похож	-.24640
Медведь	-.29888	Иванушка	-.29126	Мама	-.46771	Жаль	-.22634
Интеллигент	-.28790	Купава	-.19277	Иванушка	-.39922	Счастливый	-.22041
Мизгирь	-.23598	Я	-.12210	Машенька	-.06939	Я через 15 лет	-.1753
Ярило	-.16249	Типичный	-.06478	Я	-.04285	Папа	-.09924

Разное количество испытуемых в выборках не позволяет делать обоснованное межполовое сравнение результатов; в данном случае нам важно отметить наличие общих тенденций в выделении факторов и размещении ролей в факторном пространстве.

В обоих случаях (юноши и девушки) образ Снегурочки в семантическом пространстве факторов «Этноцентризма» и «Силы» расположен в заполненной шкалами зоне, соединяющей признаки чужого—плохого и слабого, в пространстве «правильного» мира. Эта зона была охарактеризована выше как зона простых текстов, соответствующих образам сказок. В то же время образ Машеньки располагается рядом с образом «себя в детстве» — в зоне сложных текстов, содержащей образы своих — хороших и слабых. Такое распределение можно считать парадоксальным. Снегурочка — героиня пьесы и ее образ построен по законам драмы — а значит, должен восприниматься как сложный, внутренне противоречивый. В то же время Машенька — героиня народной сказки, она является носителем однозначных идеалов, ценностей «правильного» мира и должна бы восприниматься как предельно простая. По сюжету она оказывается победительницей, сильной, именно она демонстрирует нужные качества, знает нормы правильного поведения и получает в результате награду.

Однако размещение образов в семантическом пространстве показывает иное. Снегурочка воспринимается по некоторым значимым параметрам как воплощение однозначно плохих ценностей (антиценностей), в ней заложена идея остановки жизни, остановки развития и в этом она жестко определена, закреплена. В то же время Машенька, героиня волшебной сказки, выражает идею перехода, развития и воспринимается в точном соответствии с идеей Л.Элькониновой и Б.Д.Эльконина. Такое размещение можно интерпретировать как отражение в сознании реального смысла данных образов.

Интересно, что образы Ильи Муромца и Иванушки-дурачка располагаются в зоне простых образов и воспринимаются одинаково, как хорошие и сильные. Возможно, такое расположение связано с тем, что они оценивались по уже сложившимся представлениям, вне конкретных текстов. Такой же эффект наблюдается при восприятии образов Купавы, Леля, Мизгирия. Купава в первой выборке, ориентирующейся на сложившееся представление, воспринимается как сильная и плохая, ставшая причиной гибели слабой Снегурочки, а при чтении ее образ приобретает теплоту и, в женской выборке, воспринимается как хороший и близкий. Если это предположение верно, то можно говорить о специфическом влиянии непосредственного восприятия текстов сказки и пьесы, которые позволяют понимать содержащийся в мифе исконный, архаический смысл, выходящий за пределы содержания сюжета.

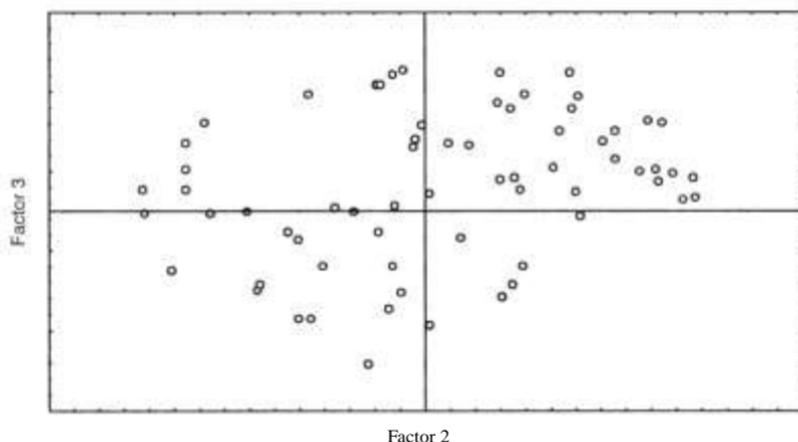
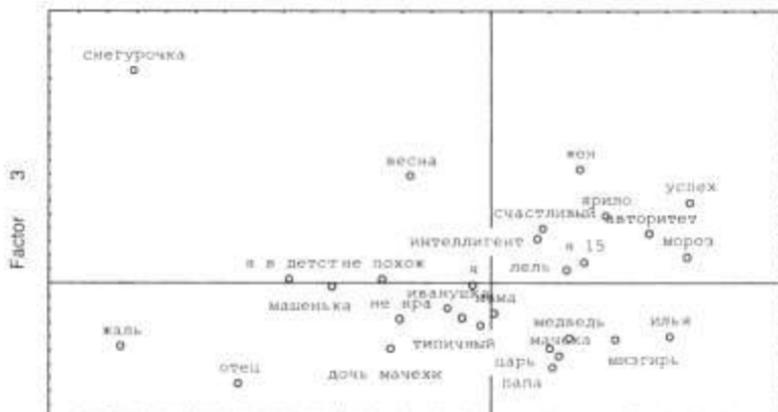

Рис. 5

Сочетание положительного полюса 3 фактора «Идеала, Совершенства» с фактором 2 «Силы», как видно на рис. 5 и 6, дает достаточно плотно заполненную и шкалами, и образами зону. Такая связь представляется естественной.

Однако симметричный относительно вертикальной оси сектор также заполнен — там расположены шкалы *белый, хрупкий, прозрачный, легкий, тихий* — это смысловая область «неустойчивого совершенства», а образ Снегурочки, расположенный в данной смысловой зоне, находится в значительном отдалении от других образов, доминирует над ними. Сравнивая расположение шкал в пространствах, образованных первым и вторым, и вторым и третьим факторами, можно сделать вывод, что представление об «Идеале», совершенстве гораздо легче сочетается в обыденном сознании как с понятиями силы, так и с понятиями слабости, в то время как представления о близости, естественности, открытости, отраженные в факторе «Этноцентризма», тяготеют к объединению преимущественно с представлением о силе.

Набор факторов и особенности семантического пространства, полученные в трех проанализированных выборках, отличаются от результатов первой серии экспериментов. Является ли различие случайным и характеризует особенности обыденного сознания данных групп, или связано с особенностями оцениваемых объектов: образов сказочных героев, реальных людей и социальных стереотипов? В работе В.Ф.Петренко (1997) говорится о том, что при восприятии лю-

Factor 2

Рис. 6

дей и сказочных героев выделяется единая факторная структура. Мы предположили, что в нашем случае должны существовать различия в семантическом пространстве, заданном отдельно образами героев сказок и образами людей.

Для проверки предположения общая матрица девушек была разделена на две части по 15 объектов, и каждая часть подвергалась факторизации отдельно.

В результате факторизации матрицы образов героев пьесы «Снегурочка» и сказки «Машенька и медведь» были получены факторы, совпадающие в целом с факторами общей матрицы.

В первый фактор (29,4 %) вошли шкалы: свежий .83, красивый .81, ясный .80, легкий .79, плавный .78, тонкий .77, гладкий .76, открытый .75, блестящий .72, белый .71, правильный .68, добрый .68, прозрачный .66 и, с противоположным знаком, серый —.83, черный —.82, угловатый —.79, тяжелый —.76, хищный —.75, острый —.75, злой —.74, опасный —.68. Фактор аналогичен фактору «Совершенство» общей матрицы. На положительном полюсе расположены образы Снегурочки (1.94), Весны (1,73), Ярилы (0,91), Машеньки (0,47), а на отрицательном — мачехи (-2,02), дочери мачехи (-1,54), Мизгиря (-0,59), отца Машеньки (-0,59), медведя (-0,58).

Второй фактор (20 %) составили шкалы: сильный .85, гордый .85, опытный .79, свободный .77, индивидуалистичный .76, твердый .75, энергичный .72, прочный .71, быстрый .64 и на другом полюсе — зависимый —.86, беззащитный —.84, наивный —.80, хрупкий —.66,

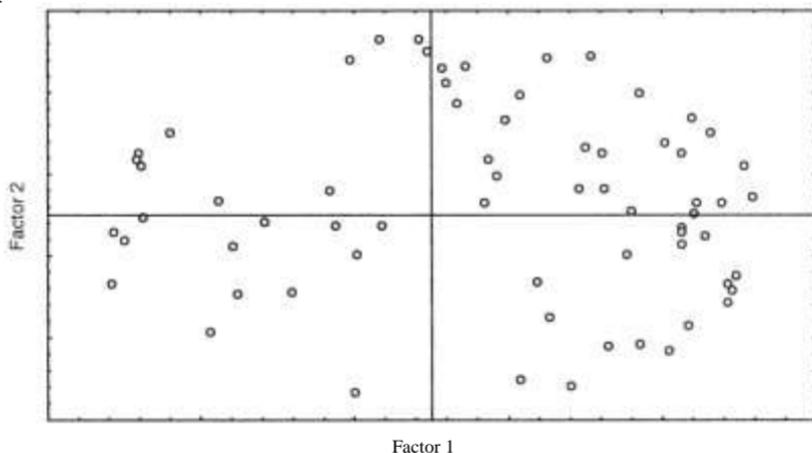

Рис. 7

тихий —.64, доверчивый —.63. По фактору, который можно интерпретировать как фактор «Силы», наибольший вес имеют образы Мороза (1,58), Ярилы (1,1), Ильи Муромца (1,41), Мизгиря (0,75) и наименьший — отца Машеньки (—1,69), Снегурочки (—1,57), дочери мачехи (—1,29), Машеньки (—1,1).

Третий фактор (16,7 %) образован шкалами: близкий .76, понятный .74, теплый .74, сладкий .71, естественный .70, обычный .68, русский .59 и, с отрицательным знаком, холодный —.82, дикий —.72, чужой —.70, далекий —.69, скрытный —.67, сложный —.62. Фактор близок фактору «Этноцентризма» общей матрицы, на положительном полюсе располагаются образы Машеньки (1,41), Купавы (1,03), Весны (0,9), отца Машеньки (0,85), а на отрицательном — Снегурочки (—2,52), Мороза (—1,39), Мачехи (—1,05).

В четвертый фактор (8,5 %) с положительной нагрузкой вошли шкалы: стабильный .69, ровный .60, правильный .57, прочный .52 и с отрицательной — хаотичный —.84, изменчивый —.82, расслабленный —.51. Положительный полюс фактора «Стабильности» занимают образы Ильи Муромца (1,53), отца Машеньки (1,4), Машеньки (1,28), а отрицательный — Леля (—1,91), Купавы (—0,9), дочери мачехи (—0,86), Мизгиря (—0,85). Образ Снегурочки расположен близко к нулю.

В пространстве первого и второго, второго и третьего факторов (рис. 7 и 8) шкалы распределяются достаточно равномерно, не образуя отмеченной ранее асимметрии. Это значит, что восприятие ска-

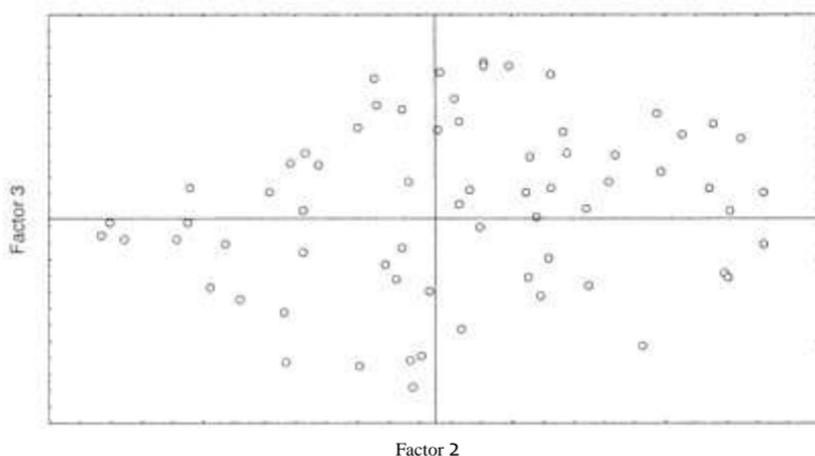

Рис. 8

зонных героев опирается на систему значений, более полно представленную в языке. Асимметрия распределения шкал образуется при сочетании параметров оценки, дающих при восприятии людей смысловые оттенки, не имеющие закрепленности в дискурсе. А смысловые оттенки, определяющие восприятие сказочных героев, вполне могут быть описаны существующей системой значений.

При факторизации матрицы, включающей образы реальных людей и социальных стереотипов выделилось 4 фактора; первые два сильных фактора — «Этноцентризма» и «Адаптивности» аналогичны результатам первой серии, а третий, слабый — близок по смыслу фактору «Совершенство», полученному при факторизации матрица оценок сказочных героев.

В **первый** фактор «Этноцентризма» (36%) вошли шкалы: открытый .89, добрый .84, теплый .84, близкий .84, мягкий .83, простой .82, естественный .81, широкий .78, сладкий .76, русский .75, ясный .75, белый .71, плавный .67 понятный .66, красивый .66, и с отрицательным знаком — холодный —.89, хищный —.87, далекий —.87, чужой —.83, сухой —.83, опасный —.83, черный —.83, скрытный —.82, злой —.82, острый -.76, узкий —.71, серый -.71, тяжелый -.69, угловатый —.66. На положительном полюсе фактора располагается образ «я в детстве» (1,66), «мама» (1,55), «счастливый человек» (0,73), «я» (0,62), «идеальный мужчина» (0,60), а на отрицательном — «человек, который не нравится» (—2,27), «человек, который не похож

на меня» ($-1,15$), «типичный человек» ($-1,03$), «человек, которого жаль» ($0,81$), «человек, достигший успеха» ($-0,72$).

Второй фактор «Адаптивности» (31%) составили шкалы: твердый .90, опытный .86, сильный .85, индивидуалист .80, прочный .80, стабильный .79, сексуальный .76, свободный .75, умный .74, ровный .73, уравновешенный .72, гордый .69 и с противоположным знаком, наивный $-.88$, беззащитный $-.88$, зависимый $-.82$, доверчивый $-.76$, хаотичный $-.75$, прозрачный $-.74$, расслабленный $-.73$, тихий $-.70$, хрупкий $-.68$. Наибольший вес по фактору имеет образ «человека, достигшего успеха» (1,48), «идеального мужчины» (1,32), «авторитетного человека» (1,2), «интеллигентного человека» (0,51), а наименьший — «человека, которого жаль» ($-1,2,24$), «я в детстве» ($-1,93$), «человека, который не похож на меня» ($-0,62$), «человека, который не нравится» ($-0,46$).

Третий, слабый фактор «Совершенства» (6,9%) включает в себя шкалы гибкий .52, тонкий .52, белый .50, легкий .50, плавный .48, хрупкий .45, блестящий .44, яркий .42 и с отрицательным знаком, обычный $-.53$, тяжелый $-.43$. На положительном полюсе фактора расположен с большим весом образ «идеальной женщины» (2,42) и на значительной дистанции — образ «интеллигентного человека» (0,67), «человека, достигшего успеха» (0,63), «счастливого человека» (0,50), а на отрицательном — «папы» ($-2,24$), «мамы» ($-0,64$), «идеального мужчины» ($-0,61$), «типичного человека» ($-0,55$).

Распределение шкал в пространстве первых двух факторов (рис. 9) имеет выраженную асимметрию.

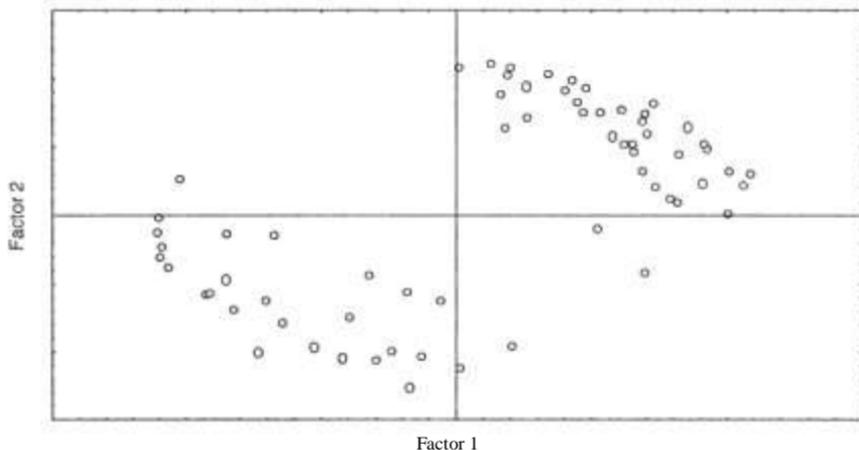

Рис. 9

Данные, полученные в группе юношей близки данным, полученным в группе девушек. При отдельной факторизации матриц оценки сказочных персонажей выделилось так же 6 факторов, из них значимых — 4.

В **первый** фактор (24,5 %) вошли шкалы: блестящий .84, красивый .83, плавный .83, белый .80, яркий .79, свежий .75, тонкий .73, правильный .72, ясный .70, умный .68 и с отрицательным знаком — угловатый —.79, черный —.76, серый —.76, хищный —.72, тяжелый —.62. Смысл фактора близок выделенному ранее фактору «Совершенство». На положительном полюсе фактора крайнее место занимает Снегурочка (2,15), далее располагается Весна (1,45), Ярило (0,73), Машенька (0,63), а на отрицательном находятся Мачеха (-1,76), дочь мачехи (-1,73), медведь (-0,87), отец Машеньки (-0,60).

Второй фактор (18,9%) составили шкалы: сильный .88, прочный .85, твердый .80, широкий .79, свободный .76, индивидуалист .75, опытный .75, гордый .74, энергичный .64, опасный .61 и с отрицательным знаком — зависимый —.82, беззащитный —.79, хрупкий —.73, доверчивый —.71, наивный —.70, тихий —.60. По второму фактору, интерпретированному как фактор «Силы», на положительном полюсе располагаются образы Ильи Муромца (1,54), Мороза (1,46), Ярилы (0,95), Медведя (0,80), а на отрицательном — Снегурочки (-1,59), Машеньки (-1,56), отца Машеньки (-1,39), дочери мачехи (-1,31) и со значительным отрывом — Купавы (-0,52).

Третий фактор (18 %) включал в себя шкалы: близкий .83, теплый .81, естественный .79, понятный .68, гибкий .62, сладкий .62, русский .56, добрый .55 и на другом полюсе — скрытый -.81, холодный —.81, сухой —.79, чужой —.79, далекий —.70, дикий —.58, злой —.56. Фактор соответствует ранее выделенному фактору «Этноцентризм», наибольший вес имеют Машенька (1,44), Иванушка-дурачок (1,03), Весна (1,01), Купава (0,96), отец Машеньки (0,69), а на противоположном полюсе располагаются Снегурочка (-2,3), мачеха (-1,50), Мороз (-1,16), дочь мачехи (-0,64), Ярило (-0,32).

Четвертый фактор (6 %) составили шкалы: стабильный .62, ровный .46 и с отрицательным знаком изменчивый —.82, сложный —.46, сладкий -.45, хаотичный —.44, сексуальный —.43. Фактор можно интерпретировать как фактор «Стабильности», на положительном полюсе располагаются Илья Муромец (1,93), Машенька (1,00), отец Машеньки (0,97), а на отрицательном — Лель (-2,00), Мизгирь (-1,75), Купава (-0,87).

Расположение шкал в пространстве первого и второго факторов, и второго и третьего не имеет выраженной асимметрии (рис. 10 и 11).

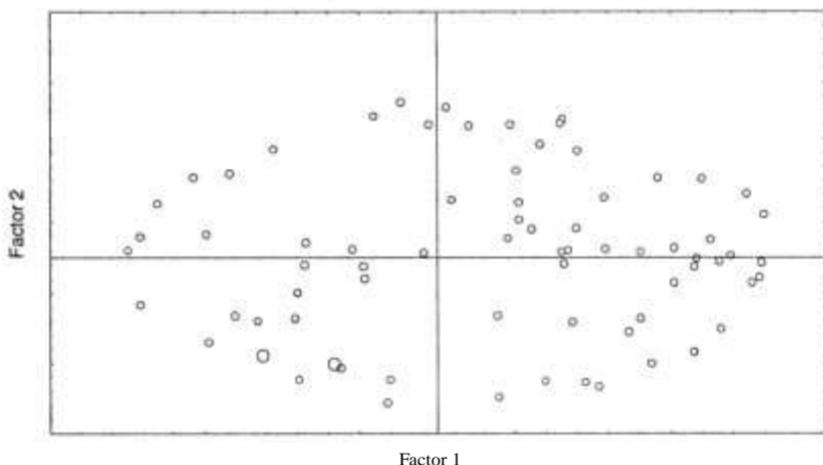

Рис. 10

При факторизации матриц оценок людей выделилось 4 фактора, из них два первых, самых мощных, соответствуют факторам «Этноцентризма» и «Силы».

В **первый** фактор (31 %) вошли шкалы: добрый .87, близкий .84, теплый .84, русский .80, открытый .80, мягкий .76, красивый .73, естественный .73 и, с противоположным знаком, сухой —.88, хищный —.88, черный —.88, далекий —.87, злой —.87, чужой —.85, холодный —.81, опасный —.81, угловатый —.73, дикий —.73, серый —.72. Фактор может быть интерпретирован как фактор «Этноцентризма», наибольший вес по нему имеют образы «мамы» (1,57), «я в детстве» (1,25), «идеальной женщины» (0,98), я (0,81) и по противоположному полюсу — «человека, не похожего на меня» (—1,96), «человека, который не нравится» (—1,51), «человека, которого жаль» (—1,06), «типичного человека» (—1,04), «успешного человека» (—0,77), «авторитетного человека» (—0,33).

В**второй** фактор (26,9 %) составили шкалы: сильный .88, прочный .85, твердый .85, опытный .81, стабильный .81, глубокий .78, уравновешенный .73, свободный .72, ровный .69 и, с отрицательным знаком, беззащитный —.89, зависимый —.85, наивный —.82,

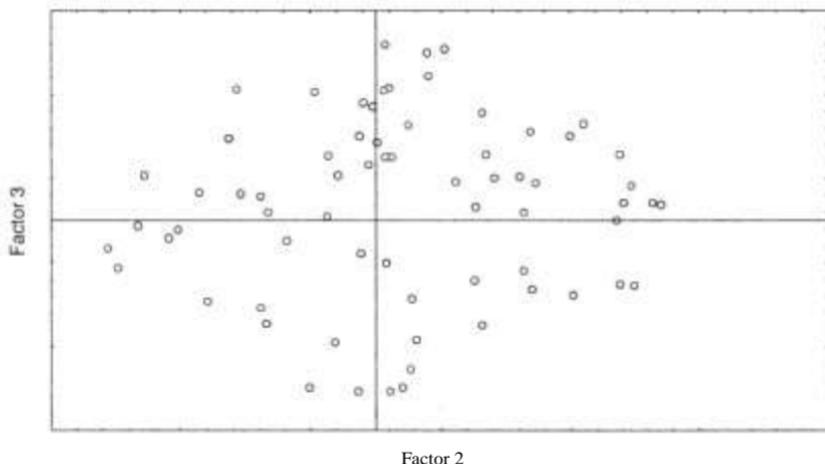

Рис. 11

грустный —.59. По фактору, который интерпретирован как фактор «Силы», крайние позиции на положительном полюсе занимают образы «идеального мужчины» (1,5), «человека, достигшего успеха» (1,48), «папы» (1,0), «авторитетного человека» (0,83), а на отрицательном — «я в детстве» (—2,08), «человека, которого жаль» (—1,95), «человека, который не нравится» (—0,47), «типичного человека» (—44).

Третий, слабый фактор (6,7%) включал в себя шкалы: гибкий .68, блестящий .55, быстрый .46, сексуальный .44, белый .42 и, с противоположным знаком, тихий —.68, грустный —.56, обычный —.40. В данном случае фактор гораздо менее похож на фактор «Совершенство», но определенное смысловое сходство все же присутствует, о чем свидетельствует и распределение ролей. На положительном полюсе крайнее место занимает образ «идеальной женщины» (1,44), далее следует образ «счастливого человека» (1,06), «идеального мужчины» (0,80), «человека, который не нравится» (0,68), «человека, достигшего успеха» (0,57), а на отрицательном полюсе находится образ «интеллигентного человека» (—1,77), «папы» (—1,75), «человека, которого жаль» (—1,57), «мамы» (—0,45).

Распределение шкал в пространстве первого и второго факторов представлено на рис. 12.

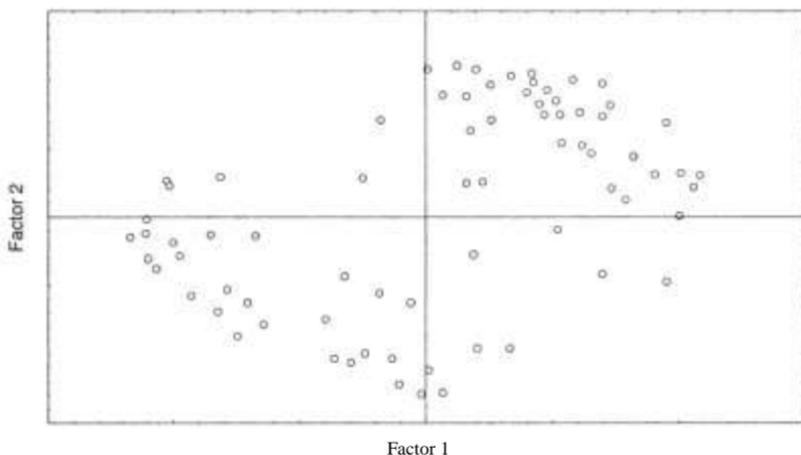

Рис. 12

Анализ результатов

Сравнение результатов, полученных при отдельной факторизации оценок сказочных героев и оценок людей, показывает наличие выраженного различия, что не совпадает с данными В.Ф.Петренко (1997). Возможно, использованный им набор сказочных героев в большей степени соответствовал характеристикам оцениваемых преподавателей, что позволило получить идентичную факторную структуру.

В нашем случае при оценке сказочных персонажей выделилось большее количество факторов, что свидетельствует о большей когнитивной сложности в данной области восприятия. Повышение сложности определяется, вероятно, более сложным составом объектов для оценки, требующих большего количества параметров восприятия.

Семантическое пространство сказочных героев не имеет выраженной асимметрии, обнаруженной в результатах первой серии экспериментов, и в нем наблюдается расщепление оценочного фактора на фактор «Этноцентризма» и фактор «Совершенства». Отсутствие асимметрии показывает, что неправильные тексты имеют представленность в языке, но эта представленность актуализируется лишь при восприятии определенных, в данном случае сказочных, образов. Возможно, относительно равномерное распределение шкал в факторном пространстве связано с расщеплением оценочного фактора. Более тонкая дифференциация оценки делает ее сочетание с адаптивностью более вариативной, позволяя строить образ мира, обла-

дающий большим количеством деталей. Но вместе с тем этот мир оказывается и более означенным, погруженным в дискурс, а значит и более предсказуемым, определенным. В этом мире «правильные» и «неправильные» тексты обладают равной представленностью в дискурсе. Можно предположить, что это семантическое пространство отражает более глубокие, архаические пласты языка. Для проверки данного предположения требуются дополнительные исследования.

В семантическом пространстве, образованном факторами «Силы» и «Этноцентризма», Снегурочка занимает положение в области хороших и слабых героев, как и в результатах предыдущей серии.

Это позволяет говорить об усложнении семантического пространства, заданного образами сказочных героев. Усложнение происходит за счет восприятия образа Снегурочки, который вносит наибольший вклад в формирование фактора «Совершенство» — положительной оценки, не имеющей этноцентрического характера. Именно Снегурочка оказывается выразителем ценностей субъекта, авторства в отношении к жизни.

Анализ результатов, полученных в других группах, показывает, что расщепление оценочного фактора происходит не всегда. Его можно наблюдать у филологов и психологов, в то время как в 2-х группах юношей и девушек — студентов технических специальностей политехнического университета — такого расщепления нет. Можно предположить, что ощущение противоречивости образа Снегурочки опирается либо на достаточно хорошее знание текста и общую филологическую подготовку, либо на присущее психологам внимание к внутриличностным проблемам. Однако при опоре на сам текст такое расщепление можно наблюдать и у студентов-математиков, чья специализация не предполагает углубленного проникновения в специфику сказочных образов. Особенности образа Снегурочки в обыденном сознании обычных людей, далеких от литературы, редуцируются, и она воспринимается как любая другая положительная героиня сказки, например Машенька, — как хорошая и слабая.

Анализ рассмотренных примеров иллюстрирует степень зависимости восприятия образа Снегурочки от характера знакомства с пьесой и от профессии и пола испытуемых.

Во всех рассмотренных случаях выделялось два оценочных фактора, по которым Снегурочка оценивалась противоположным образом. При отсутствии шкал, задающих параметр «Этноцентризма», Снегурочка оценивалась отрицательно по факторам «Социальной нормативности поведения» и «Прагматизма». В тех случаях, когда фактор «Этноцентризм» выделялся, то образ Снегурочки располагался на его отрицательном полюсе. Сочетание данных оценочных факторов с фактором «Силы» позволяет «вписывать» образ Снегурочки одновре-

менно в контекст и «правильного», и «неправильного» мира. При пересказе, возможно, актуализируется тот образ мира, который соответствует общей принимаемой на сознательном уровне картине мира.

Аналогичные данные, при некоторой вариативности, определяемой набором шкал и особенностями личности испытуемых, были получены в 4-х других группах студентов разных курсов специальностей «филология» и «психология». В результатах, полученных в группе студентов технических специальностей, расщепление оценочного фактора не наблюдалось.

В рассмотренных примерах представлены разные варианты выделения факторов и распределения ролей. На данном этапе работы для нас важно, не останавливаясь на анализе различий, выделить общие тенденции восприятия образа Снегурочки. Важнейшей тенденцией, подтвержденной и результатами 4-х других групп, является расщепление фактора «Этноцентризм» на два фактора, по которым Снегурочка оценивается противоположным образом.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ концепций развития личности и проявления субъектности позволяет говорить о существенной роли в этом процессе взаимодействия разных уровней психического отражения. Социальная природа личности зафиксирована прежде всего в языке, в системе общественно-исторических значений. И требуется опора на иной уровень отражения — уровень личностного смысла (А.Н.Леонтьев), бытийный уровень (В.П.Зинченко) для возможности проявления активности субъекта.

В рассмотренных концепциях формирование субъектности связывается с моментами преодоления границ разной модальности, выхода за пределы означенности, закреплённости представления о различных аспектах собственного Я в языке, соотнесения с системой социальных ролей и пр. Преодоление границ связано с изменением форм репрезентации знаний о себе. Информация, представленная в знаковой форме, имеющая дискретный характер, переводится в чувственную форму, имеющую континуальный характер, что приводит к изменению первоначального содержания. Такое же движение совершается и в обратном порядке. Возможность этих переводов обеспечивается символической, диалогической природой обыденного сознания, которая позволяет свободно осуществляться движению, соединять разные пласты бытия — непосредственно-чувственного и опосредствованного системой знаков. Неоднозначность символа дает возможность размывать, преодолевать четкую закреплённость систе-

мы значений, не теряя при этом связи с группой, опираясь на глубокие, архаические смысловые связи, объединяющие всех членов группы. Терпимость к противоречиям позволяет сосуществовать противоречивому субъективному отношению к развитию — стремлению к изменению и страху перед изменениями.

В предложенной Б.Д.Элькониним концепции развитие психики представлено через смену форм знакового опосредствования как превращения чего-то внешнего, существующего как предмет осознания, в нечто, уходящее из осознания, переходящее в автоматизм и существующее как реальность. Это переход имеет, как подчеркивает Б.Д.Эльконин, конфликтный характер, заключающийся в столкновении уже известных способов действия с новыми, и требует преодоления наличного, натурального перехода к тому, что представлено как идеальная форма. В качестве формы, моделирующей для ребенка переход на иную стадию развития, Б.Д.Эльконин называет волшебную сказку. Но сказка задает модель лишь адаптивной, удачной составляющей общей ситуации развития, совершающегося в «правильном» мире. В качестве дополнительной модели может быть рассмотрен сюжет сказки «Снегурочка», противоположный волшебной сказке по смыслу и воспроизводящий образ «неправильного» мира. В отличие от героев волшебной сказки, Снегурочка, приняв решение выполнить «что-либо» — перейти на следующий возрастной и социальный этап развития, гибнет.

Анализ результатов интерпретации сюжета сказки показывает, что исходная амбивалентность мифа, содержащаяся в обряде инициации и сохраняющаяся в сюжете сказки, преобразуется (расщепляется) при переводе на уровень обыденного сознания. Сюжет сказки о Снегурочке упрощается, позволяя совместить один из фрагментов целостного смысла с рациональной картиной мира, соответствующей либо «правильному», либо «неправильному» миру. В «правильных» текстах отражаются естественные страхи, связанные с изменением ситуации и обеспечивающие поддержание стабильности в жизни. «Неправильные» тексты позволяют проявиться агрессии по отношению к окружающему миру, который выглядит либо опасным, либо пошлым. В «правильных» текстах находят выражения ценности сохранения стабильности, единства с родом, социумом, а в «неправильных» — ценности развития, изменения, ценности индивидуальной жизни. Во всех вариантах в действиях Снегурочки выделяется момент перехода от «наличного» к «иному» в терминологии Б.Д.Эльконина, а имеющаяся жизнь видится как то, что нужно преодолеть.

Результаты психосемантического анализа восприятия образа Снегурочки показывают, что оценочный фактор расщепляется на два, по

которым Снегурочка оценивается противоположным образом. Кроме фактора «Этноцентризм» выделяется дополнительный фактор «Совершенство». При отсутствии шкал, задающих параметр «Этноцентризма», Снегурочка оценивалась отрицательно по факторам «Социальной нормативности поведения» и «Прагматизма». По фактору «Этноцентризм» образ Снегурочки располагается на его отрицательном полюсе. Снегурочка, которая в пьесе Островского изображена как обладающая холодным, нарциссическим характером, адекватно представлена в семантическом пространстве обыденного сознания. Но в то же время нарциссизм, сочетающийся с красотой и слабостью, вызывает сочувствие, что отражается в положительной оценке по другому оценочному фактору «Совершенство» или «Общей оценки». В результате ценности нарциссизма, отстраненности от социума получают эмоциональную поддержку и воспринимаются как привлекательные. Снегурочка оценивается испытуемыми как в целом хорошая, но противостоящая ценностям стабильного общества, и тем самым как выражающая ценности личности, субъектности. Сочетания данных оценочных факторов с фактором «Силы» позволяет «вписывать» образ Снегурочки одновременно в контекст и «правильного», и «неправильного» мира как связанный с системой языковых значений и воспринимающийся вне их. При пересказе, возможно, актуализируется тот образ мира, который соответствует общей его картине, принимаемой на сознательном уровне.

Анализ особенностей восприятия образа Снегурочки показывает, что при отсутствии посредников, в ситуации реальной опасности перехода границы возраста, смены социальной роли и пр. сам акт перехода приобретает не прагматичную ценность. В результате рядом с фактором «Этноцентризма» образуется еще один, дополнительный параметр положительной оценки, не связанной с признаками субъективной близости. По этому фактору образ может быть оценен как хороший, но не свой. Наличие такого фактора позволяет преодолеть приоритет родовых ценностей над индивидуальными и способствовать повышению значимости ценностей индивида.

Полученные данные иллюстрируют высказанную мысль о разделении функций образов «правильного» и «неправильного» мира, входящих в структуру обыденного сознания.

3.5. КАТЕГОРИЯ ВРОЖДЕННОГО И МЕСТО СУБЪЕКТА В ИМПЛИЦИТНОЙ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ

Опыт чтения лекций в разных аудиториях показывает, что темы, касающиеся всех аспектов наследственности, врожденного—приобретенного в личности всегда очень интересуют слушателей. И этот интерес имеет не общетеоретический, а конкретный, жизненный смысл. Можно предположить, что в его основе лежит проблема формирования идентичности, стремления субъекта ответить на вопрос — что я такое, стремления понять, что в самом себе зависит от собственных усилий, а что предопределено наследственностью и не подвластно контролю.

В науке проблема генотип-средовой детерминации вызывает пристальное внимание и инициирует множество сложных экспериментальных работ. Обыденное же представление о том, что и в какой степени в человеке зависит от врожденных задатков, остается практически не исследованным. Поэтому реконструкция и анализ имплицитной теории врожденного—приобретенного имеет важное значение для понимания природы личности и природы субъекта.

Быть субъектом — это значит инициировать активность, определять направление деятельности по отношению к миру и самому себе, в том числе и по отношению к себе как личности. Совпадение субъекта и личности, как указывал Б.Г.Ананьев, никогда не бывает абсолютным. «Совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой их продуктивности, а личность — совокупностью общественных отношений» (Ананьев, 1996. С.253). Зазор между личностью и субъектом активности определяет возможность продуктивного развития личности. Несовпадение субъекта и личности дает возможность человеку проявлять активность и по отношению к самому себе, по отношению к собственной личности. «Изучая личность как субъект деятельности, мы исследуем то, как личность преобразует, творит предметную действительность, в том числе и самое себя, вступая в активное отношение к своему опыту, к своим потенциальным мотивам, к своему характеру, способностям и продуктам деятельности» (Асмолов, 1996. С.88).

Особенность имплицитной теории личности определяется тем, что в сферу ее применения входит и сам носитель теории. Это существенно повышает пристрастность носителя и затрудняет доступ к

«объективной» информации, если в данном случае вообще возможна объективность.

Относительно той реальности, которая отражается в имплицитной теории личности, могут быть две противоположные точки зрения. С одной стороны, она создается с опорой на эмпирический опыт субъекта, и, значит, должна хоть в какой-то мере быть близка тому, что «есть на самом деле». Дж.Келли, не делавший принципиального различия между научными и обыденными теориями личности, отмечал их связь с жизненной практикой: «...в той степени, в какой человек может толковать свои обстоятельства, он способен освободиться от их господства над ним. Из этого следует, что он может сделаться рабом собственных представлений, а затем отвоевать себе свободу, истолковывая свою жизнь по-другому» (Келли, 2000. С.33). С другой — она порождает определенную практику, которая затрагивает сложившееся положение вещей. А значит, эта теория, как и любая другая, неизбежно подвержена сильному влиянию идеологии, искажающему реальность в нужном направлении, при сохранении стабильности внешнего и внутреннего мира. В этом случае речь идет не о соответствии реальности, а о том, что определяет конструирование представлений в области, где опыт слабо влияет на образ мира.

Один из значимых элементов имплицитной теории личности — это представление о врожденном—приобретенном. Представление о том, что и в какой степени в человеке зависит от врожденных задатков, для субъекта высоко значимо, но мало очевидно. Значимость определяется тем, что категория врожденного задает границы Я, границы ответственности субъекта за самого себя. Неочевидность этих границ позволяет проводить их достаточно произвольно. На уровне обыденного сознания существуют прямо противоположные точки зрения на роль врожденного в личности: от утверждения, что «все генетически детерминировано», все от наследственности, до уверенности, что при желании все можно изменить.

Рассмотрим подробнее проблему значимости. Врожденное в человеке — это то, что уже дано природой, а значит речь может идти лишь об относительной изменяемости и относительной власти субъекта над этими качествами. Сопротивляемость материала в себе самом как ограниченная возможность влиять на свои интеллектуальные, волевые или иные качества служит маркером границ Я внутри себя и таким образом участвует в формировании субъекта.

Субъект начинается в точке сопротивления материала (предмета) любой природы. «Сознание проявляет себя лишь в столкновении с *иным*, получая от него “возражение” в попытке его “поглотить” (“иное” не может быть предсказано, и именно граница этой независимости есть граница субъектно-объектного членения). Все, что при

этом оказывается по одну сторону этой границы, есть Я, а то, что лежит по другую, — иное» (Тхостов, 1994. № 2. С. 4). Таким образом представление о врожденном имеет прямое отношение к конструированию внутренних границ Я, создавая эффект сопротивления со стороны той или иной произвольной активности, направленной на изменение индивида. Однако в отличие от телесного сопротивления, «врожденное» не проявляет себя столь явным образом. В индивидуальном и общественном опыте есть подтверждение и возможности развивать личностные особенности в достаточно больших пределах, и неизбежной ограниченности влияния человека и культуры на природные задатки. И демаркационная линия может иметь лишь условный характер, совпадая либо не совпадая с реальностью генетической детерминации, образуя зону существования Я.

Проблема поиска независимых ни от самого субъекта, ни от внешних факторов врожденных особенностей относительно нова. Она была четко сформулирована Ф.Гальтоном именно в связи с необходимостью сознательного вмешательства человека в общий ход развития человечества. Усложнение культурной среды выдвигает все большие требования к адаптационным возможностям человека. «Появление цивилизации есть новое требование, наложенное на человека течением событий... Даже и мы, передовые работники в созидании этой цивилизации, начинаем чувствовать себя неспособными жить в мире с нашими собственным сознанием» (Гальтон, 1996. С.229). А значит, делал вывод Гальтон, необходимо воздействовать не только на дикую природу и общество, но и на самого человека, изменяя и его природу. «Мы могли бы в известной мере возвысить природу человека до уровня с новыми потребностями, стесняющими его существование; мы могли бы также в известной мере изменить самые потребности так, чтобы они как можно менее стесняли человека. Ясно, что нужно стремиться к тому и другому в одно время с целью поставить природу человека и условия его жизни в самую полную гармонию» (Гальтон, 1996. С. 230). Возвышение человеческой природы предполагалось осуществлять путем искусственного отбора — непосредственного вмешательства «несовершенного человеческого сознания» в естественный ход событий. То есть извне контролировать природу, признавая при этом ценность природы, «породы», но не доверяя ей. Для Гальтона вопрос; о том, в каком направлении нужно изменять человека, не стоял. Он искренне верил в общественный прогресс и абсолютно точно знал, каким должен быть совершенный человек. А значит полагал, что человек может более успешно направлять (корректировать) спонтанное развитие человечества и естественный отбор, и тем самым он будет более эффективным автором, чем природа.

Хотя евгеника не очень прижилась, скомпрометированная нацизмом, вопросы, поставленные Гальтоном, становятся все более актуальными и вне проблемы планирования деторождения и даже независимо от успехов геномной инженерии. Развитие культуры, связанное со все большим освобождением человека, делает более значимым поиск идентичности, поиск элементов, определяющих границы самого себя. Говоря, в частности, о феномене сексуальной идентичности, Ж.Бодрийяр отмечает, что после культуры запретов сформировалась культура размышлений о собственной природе: «Имею ли я пол? Какого я пола? Необходимо ли в конце концов иметь пол? В чем состоят половые различия?» (*Бодрийяр*, 2000а. С. 116). Но в действительности вопрос стоит гораздо шире — что я такое, я нахожусь там, где я себя сделал или я — это то, что лишь реализуется, а не искусственно создается?

Анализируя место категории врожденного в обыденном сознании, необходимо рассматривать его в контексте целого ряда оппозиций, задающих различные смысловые пространства данного понятия: в соотношении с нормой, в соотношении с другими факторами, от которых могут зависеть те или иные личностные особенности: полом, возрастом, воспитанием, успехом и неудачей, общественно-исторической ситуацией, влиянием семьи, влиянием собственной личности и эмоциональными оценками.

Проблема врожденного—приобретенного в имплицитной теории личности тесно связана с представлением о норме. Если на теоретическом уровне понятие нормы определить достаточно сложно, то на уровне обыденного сознания обычно имеется достаточно четкое субъективное представление о нормальном и ненормальном. Как и в теоретическом плане, норма может рассматриваться в большей или меньшей близости к врожденному или приобретенному. Работы М.Фуко показывают, как драматично проходило становление представления о норме психического здоровья, как, в зависимости от значимых оппозиций, менялось представление о разуме и безумии. На уровне обыденного сознания норма может быть рассмотрена как некоторое соответствие врожденным качествам, природе, и тогда отклонение от нормы воспринимаются как своеобразная порча, поломка естественного состояния. В противоположном случае норма — это некоторый заданный образец, по отношению к которому нужно преобразовывать данное природой.

Отдельный интерес представляет эмоциональная оценка врожденного в личности. Работы в области социальной психологии показывают, что в большинстве случаев люди склонны воспринимать себя «хорошо», выставлять себе более высокие оценки и пр. Существует ли связь между привлекательностью качеств и оценкой их как врожден-

ных или приобретенных? Считаем ли мы те «хорошие» качества, которыми обладаем, данными природой или приобретенными собственными усилиями? Можно предположить, что выделенная в социальной психологии тенденция проявится в том, что врожденные качества, безусловно «свои» будут оцениваться преимущественно как «хорошие».

Оппозиция врожденное—приобретенное со стороны приобретенного задана достаточно свободно. Приобретенным может быть то, что зависит от возраста, от семьи, от воспитания, от социально-исторических условий жизни, от самого субъекта. Субъект как автор по отношению к самому себе выступает только в последнем случае, а в иных — он лишь претерпевает воздействие внешних факторов. Существует ли специфика восприятия врожденного по отношению к другим, не подвластным субъекту формам воздействия?

Отдельный аспект вопроса составляет соотнесение представления о врожденном с представлениями о гендерной детерминации личностных свойств. Воспринимаются ли личностные особенности, связанные с полом, как врожденные или как сформированные социальными стереотипами, и в какой мере? При нынешнем интересе к гендерной тематике и актуальности проблемы гендерной идентичности такая постановка вопроса приобретает особое значение. Ответ на него показывает, в какой степени так называемый «человек с улицы» может принимать изменения половых стереотипов как естественные либо же будет видеть в них отклонение от природно обусловленной нормы.

Задачи исследования на данном этапе заключались в определении места представлений о врожденных личностных особенностях в субъективном семантическом пространстве, что позволит сделать выводы о личностном смысле категории врожденного, ее отношении к образу Я, месте относительно нормы.

Методика и испытуемые. Выборку составили 10 групп испытуемых, студентки 1—5 курсов гуманитарных факультетов СГУ, 264 человека. Исследование носило предварительный характер. Набор шкал и объектов в отдельных группах варьировался с целью проследить степень устойчивости выделяемой тенденции. Задача исследования межгрупповых различий на данном этапе не ставилась.

Шкалы семантического дифференциала составляли личностные прилагательные, а в качестве объектов были предложены наборы ролей, включающих (в разных сочетаниях) как отдельные ролевые позиции — «я», «я через 15 лет», «я в детстве», «типичная женщина», «типичный мужчина», «успешный человек», «неудачник» и пр., так и оценки степени зависимости личностных качеств от врожденных задатков, влияния семьи, социально-исторической ситуации, возра

ста, пола; степень личной ответственности за эти качества. В виде отдельной позиции в каждом наборе было предложено субъективное представление о норме каждого личностного качества. Выбор данных объектов был обусловлен стремлением определить место категории врожденного в ряду других возможных причин, от которых могут зависеть личностные особенности и которые в разной степени подвластны контролю со стороны субъекта и социума.

В качестве примера рассмотрим результаты факторизации групповой матрицы студенток 2—3 курсов различных факультетов (47 чел.).

Первый униполярный фактор (43 %) включает в себя шкалы: пунктуальность .95, деликатность .93, целеустремленность .92, аккуратность .90, интеллигентность .90, оптимизм .89, любознательность .89, сдержанность .89, настойчивость .89, склонность к компромиссам .88, общительность .88, успешность .88, смелость .87, уверенность в себе .87, лидерство .86, усидчивость .83, искренность .83, гордость .82, эмпатия .81, самолюбие .80, обучаемость .79, интеллект .78, обаяние .77, энергичность .75, доброта .74, сексуальность .69, демонстративность .68, совестливость .65. На противоположном полюсе с незначительным весом расположены шкалы: замкнутость —.49, глупость —.46, ригидность —.39.

Фактор образован понятиями, характеризующими личность со стороны способности к самоконтролю, самоорганизации, умения эффективно «вписываться» в предлагаемые обстоятельства, в социальную ситуацию — деликатность, целеустремленность, пунктуальность. Эти качества оцениваются испытуемыми как максимально социально значимые и подлежащие контролю со стороны личности — за них человек несет ответственность. Фактор можно интерпретировать как фактор «Силы Я».

Положительный полюс занимает оценка социальной значимости качеств 1.07, личная ответственность за них 1.02, я идеальное 0.95, образ успешного человека 0.84, я через 15 лет 0.80, счастливый человек 0.65, с большим отрывом — я 0.19, норма 0.06, типичный мужчина 0.04, представления о возможности изменить качества 0.03 и практически на нулевой отметке образ типичной женщины 0.003. Противоположную позицию занимают оценка степени зависимости качеств от врожденных задатков —2.32, образ неудачника -1.68, образ не похожего на меня человека —1.03 и я в детстве —0.62. Смысл фактора задается противопоставлением врожденного—приобретенного, поддающегося личному контролю. Врожденное рассматривается испытуемыми как противоположное социальной значимости и препятствующее успеху. Расположение ролей по фактору показывает представление испытуемых о личностном изменении — от образа «ребенка» к образу «я актуальное», «я в будущем» и «я

идеальное». По данному фактору идеальная идентичность связывается с обладанием социально значимыми и подвластными личности качествами, в противоположность образу «ребенка», как носителя врожденного. Образ «я актуальное» занимает на этой шкале достаточно нейтральное, близкое к нулю место.

Данный параметр полностью соответствует реальному развитию человека, включающему, в частности, и возрастающее овладение собой. «Личность... есть понятие социальное, она охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врождена, но возникает в результате культурного развития, поэтому “личность” есть понятие историческое. Она охватывает единство поведения, которое отличается признаком овладения...» (*Выготский*, 1983. Т.3. С.315). Обращает внимание своеобразие распределения шкал по фактору. Отрицательный полюс фактора практически не нагружен шкалами, т.е. качества, которые испытуемые считают зависящими от врожденных факторов, слабо представлены в сознании, но четко определено то, что зависит от самого субъекта. Таким образом получается, что изменение (построение) личности происходит путем включенности в язык — субъект, в прямом смысле, рождается в дискурс (Лакан). Человек строит себя по некоторой существующей в языке модели социально значимых свойств. «Субъект полагает себя как действующий, как человеческий, как я, лишь начиная с того момента, как появляется символическая система. И момент этот принципиально невыводим из любой модели индивидуальной структурной самоорганизации» (*Лакан*, 1999. Кн. 2. С. 78).

Второй фактор (28 %) имеет слабый положительный полюс, который образуют, по сути, две шкалы: красота .84 и эмоциональность .73, и сильный отрицательный, куда входят шкалы: грубость —.94, скупость -.92, лживость —.91, холодность -.90, эгоизм -.90, жадность -.89, агрессивность —.86, хвастливость -.82, эгоцентризм —.80, хладнокровие -.77, глупость —.68, замкнутость .68, ригидность -.66, лень —.66, вспыльчивость —.63, внушаемость —.57. Набор качеств на отрицательном полюсе достаточно разнообразен, сочетая холодность и хвастливость. Фактор можно интерпретировать как фактор «Моральной оценки» с достаточно большим допуском: отрицательным моральным свойствам — грубости, лживости — противопоставляются не исключающие их признаки — красота и эмоциональность. Данный параметр просто отделяет людей нравящихся от не нравящихся, наделяя нравящихся красотой, а не нравящихся — плохим характером и низкой нравственностью. Фактору соответствует достаточно архаический, примитивный уровень социальной перцепции, что подтверждает и размещение образов.

На положительном полюсе находятся: я идеальное 1.23, оценка врожденности качеств 1.16, образ счастливого человека 1.03, я в детстве 0.90, я через 15 лет 0.59, норма 0.39, социальная значимость 0.24, образ типичной женщины 0.29, успешного человека 0.14, я 0.07. Отрицательный полюс занимают оценка личной ответственности — 1.93, образ непохожего на меня человека — 1.82, возможность изменения — 1.05, образы типичного мужчины — 0.87 и неудачника — 0.44. Оценивая объекты по этому параметру, испытуемые ориентируются на представление о некоторых «вообще положительных» врожденных личностных качествах, характеризующих позитивную часть личной идентичности, то хорошее, что отличает Я от не-Я, и что не является приобретенным, за что субъект не несет личной ответственности. Стоит отметить, что «я в будущем» и «я в детстве» нравятся испытуемым гораздо больше, чем актуальное состояние: «Это я сейчас болею, а вообще-то я белый и пушистый». Все образы идентичности расположены на положительном полюсе фактора и связаны с врожденными качествами, тогда как образ «непохожего человека» соотносим с произвольной изменяемостью качеств и ответственностью за них — с властью над собой. Подлинное Я — это нечто просто хорошее, красивое и эмоциональное, данное от природы, тогда как отрицательные черты принадлежат непохожим на меня людям и они сами ответственны за появление этих качеств. Возможно, фактор отражает глубинную позитивную идентичность, лежащую на нерациональном уровне, обеспечивающую безусловное принятие себя. Относительно пустым снова оказывается полюс врожденного.

И первый, и второй асимметричные факторы задаются противопоставлением оценки степени врожденности качеств и степени личной ответственности за них, что вполне логично. В первом факторе положительный полюс составляют «хорошие», социально желаемые качества, подвластные собственному контролю. Во втором факторе сильный, наполненный шкалами полюс составляют так же подвластные контролю человека качества, но отрицательные. В обоих случаях полюс, связанный с врожденными качествами, оказывается пустым или почти пустым. Испытуемые очень хорошо понимают, что именно они могут контролировать в себе, за **какие** достоинства и недостатки человек несет личную ответственность. Однако ощущают, что есть нечто, за что они не отвечают, что некоторые качества в них самих являются врожденными, — но не представляют, какие именно.

Третий слабый фактор (9 %) составляют шкалы: доверчивый .83, зависимый .70, совестливый .48, внушаемый .44 и, с противоположным знаком, сексуальный -.57, хладнокровный —.38. Его можно проинтерпретировать как фактор «Пассивность».

На положительном полюсе расположены образы: я в детстве 2.9 и с большим отрывом — я 0.87, оценка личной ответственности 0.56, возможности изменения 0.55, образ неудачника 0.22 и счастливого человека 0.10. На отрицательном — оценка качеств как врожденных -1.15, образ успешного человека -0.86, типичного мужчины -0.86, я через 15 лет —0.61, норма -0.58, я идеальное -0.55, не похожий на меня человек —0.50, социальная значимость —0.05 и типичная женщина -0.03.

Третий фактор строится на достаточно парадоксальном противопоставлении собственных детских качеств врожденным. Положительный полюс составляют качества, которые определяют пассивную позицию в коммуникации — доверчивость, зависимость, внушаемость. Эти качества испытуемые видят в себе не только в прошлом, но и с большой вероятностью сейчас, считая, что сами несут за них ответственность. Противоположные качества, которые присущи успешному человеку и типичному мужчине, оцениваются ими как врожденные, но, однако, достижимые в будущем, через 15 лет. Похоже, этот фактор отразил в определенной мере желание компенсировать свою зависимость и пассивность формированием у себя в будущем мужских качеств. В факторе отразилось представление о собственной идентичности как атрибуте, выходящем за пределы врожденного в себе самом. Идентичность — это то, что создается субъектом, а не дается природой. И по данному параметру собственная сотворенная идентичность испытуемым не очень нравится.

Более детальные показатели связи объектов можно получить на основе анализа результатов интеркорреляции.

Данные интеркорреляции объектов, представленные в табл. 5, подтверждают этот вывод.

В таблицу включены только значимые на уровне .05 показатели. Представление о врожденном в максимальной степени коррелирует с образом типичной женщины (0,47), представлением о норме выраженности качеств (0,45) и образом счастливого человека (0,43), что гораздо меньше корреляции с образом ребенка (0,30). Данные позволяют говорить о позитивном в целом принятии врожденных качеств. Вместе с тем для всех объектов идентификации («я», «я в детстве», «я через 15 лет» и «я идеальное») корреляция с врожденными качествами хоть и значима, но не самая высокая. Образ «я актуальное» в максимальной степени коррелирует с образом «типичной женщины» (0,8), оценкой нормальной выраженности качеств (0,8), «я идеальным» и «я в будущем», социальной значимостью качеств, образами «счастливого» и «успешного» человека. Представление о себе строится в большей степени на тех качествах, которые оцениваются как со-

Таблица 5

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1я														
2 муж	0,63													
3 жен	0,8	0,6												
4 я идеал	0,76	0,74	0,79											
5 норма	0,8	0,79	0,87	0,96										
6 врожден	0,39	0,3	0,47	0,39	0,45									
7возм измен	0,32			0,38	0,31	-0,3								
8 соц знач	0,72	0,69	0,75	0,95	0,93	0,29	0,46							
9 ответств	0,32	0,39				-0,45	0,53	0,33						
10 успех	0,67	0,81	0,72	0,96	0,93	0,33	0,41	0,92	0,32					
11 неудачник	-0,33	-0,74	-0,44	-0,74	-0,67		-0,36	-0,69	-0,26	-0,83				
12 счаст	0,76	0,74	0,83	0,97	0,96	0,43	0,36	0,93	0,24	0,94	-0,72			
13 не похож	-0,84	-0,64	-0,69	-0,78	-0,79	-0,29	-0,33	-0,76	-0,37	-0,72	0,5	-0,79		
14 я в детст	0,65		0,56	0,46	0,49	0,3		0,49		0,37		0,5	-0,44	
15 я 15	0,78	0,79	0,8	0,98	0,96	0,36	0,37	0,93	0,31	0,96	-0,75	0,96	-0,79	0,42

циально значимые и связаны с позитивной перспективой развития. Корреляция и «я актуального», и «я в будущем» с оценкой личной ответственности относительно невелика, меньше чем с врожденным, а образ «идеального я» вообще не связан с уровнем личной ответственности. Получается, что я и то, чем я хочу быть — это не то, за что я отвечаю.

Для сравнения рассмотрим еще один вариант, отличающийся от описанного набором шкал и объектов оценки. Из него был исключен образ «я идеальное», вместо которого добавлены образы «нравящегося» и «не нравящегося» человека. Вместо оценки возможности произвольного изменения и личной ответственности было предложено оценивать зависимость качеств от возраста и от влияния семьи. Таким образом набор объектов приобретал более субъективный характер. В качестве испытуемых выступали также студентки 2—3 курсов гуманитарных факультетов (67 человек).

Первый фактор (38 %) составили шкалы: красивый .83, подвижный .81, любознательный .78, талантливый .77, энергичный .74, откровенный .70, веселый .69, общительный .68 и, с противоположным знаком, бессовестный -.90, высокомерный -.89, равнодушный -.87, грубый —.86, злой —.86, неряшливый -.80, скрытный —.80, ненадежный —.79, лживый -.79, пессимист —.78, эгоист —.77, опасный —.77, пассивный -.74, замкнутый —.71, примитивный —.68, глупый —.67.

Крайнее место на положительном полюсе занимает образ я в детстве 1.48, оценка зависимости от врожденных задатков 1.21, образ человека, который нравится 1.13, я 0.94, я через 15 лет 0.58, норма 0.33, образ типичной женщины 0.12 и образ успешного человека. На отрицательном полюсе находятся образ человека, который не нравится -1.70, оценка зависимости качеств от влияния семьи —1.40, образ человека, которого жаль -1.24, образ не похожего на меня человека -1.04, оценка зависимости качеств от возраста —.33 и образ типичного мужчины -0.14.

По содержанию шкал и размещению объектов его можно интерпретировать как фактор «Оценки», при этом положительная оценка связана с образом ребенка и рассматривается как в значительной степени врожденная. Представление о личностной динамике заключается в преодолении врожденного и общем «ухудшении», приближении к образу «не нравящегося человека». Стоит отметить, что «врожденное» в данном случае нейтрально по отношению к «успешности», и снижение положения образа «себя в будущем» по этому фактору не имеет прагматичного объяснения. По этому фактору отсутствует отмеченная ранее асимметрия расположения шкал и врожденное представлено в языке различными «хорошими» качествами — красотой,

подвижностью, любознательностью — своеобразной «позитивной витальностью». Противопоставление качеств, входящих в разные полюса фактора, основано лишь на эмоциональной оценке и не имеет логического подтверждения. Это отрицательные моральные черты, которые человек (и сами испытуемые) приобретает с возрастом, теряя красоту, талант, любознательность. Значимость данного фактора позволяет говорить о достаточно пессимистичном представлении о жизни, сложившемся у испытуемых. И врожденное в этой картине обладает безусловной ценностью.

Второй фактор (30 %) включает в себя шкалы: аккуратный .91, воспитанный .82, сдержанный .80, трудолюбивый .77, эрудированный .77, независимый .77, интеллигентный .77, уверенный в себе .76, добросовестный .75, терпеливый .75, обладающий вкусом .74, изящный .73, целеустремленный .72, старательный .70, усидчивый .70. Отрицательный полюс с небольшими нагрузками представлен шкалами: медлительный —.64, глупый —.60, неудачник —.60.

На положительном полюсе расположена с наибольшей нагрузкой оценка зависимости качеств от влияния семьи 1,24, образ я через 15 лет 1.15, оценка нормы выраженности качеств .98, образ успешного человека .94, образ типичной женщины .85, зависимость качеств от возраста .33, я .27 и образ нравящегося человека .23 На отрицательном полюсе находятся: оценка зависимости качеств от врожденных задатков —2.09, образ человека, которого жаль —1.42, образ человека, который не нравится -.91, я в детстве —.61, образ типичного мужчины —.52 и образ человека, который не похож на меня -.48. Фактор задает оппозицию зависимости качеств от врожденных задатков и от влияния семьи. Содержание шкал позволяет интерпретировать фактор как «Силу сверх-Я» или «Социализированность». От влияния семьи зависят, по мнению испытуемых, черты, ответственные за самоконтроль и соответствие требованиям культуры. Эти качества отличают успешного человека, они характеризуют представление о норме; такими испытуемые видят себя в будущем, но не сейчас. При том, что личностная динамика достаточно сильно связана с движением от отрицательного полюса к положительному, категория «Силы сверх-Я» находится вне эмоциональной оценки. Быть дисциплинированным — это не хорошо и не плохо, это полезно, нормально и приводит к успеху. Отметим, что качества, зависящие в большей степени от врожденных задатков, так же слабо представлены в языке.

Третий фактор (11%) составляют шкалы: доверчивый .89, внушаемый .87, зависимый .74, наивный .70, скромный .58 и на противоположном полюсе: лидер —.54, независимый —.46. Положительный полюс фактора представлен гораздо сильнее, чем отрицательный.

Положительный полюс занимают образы: я в детстве 1.54, человек, которого жаль 1.28, я 1.01, типичная женщина .79 и оценка зависимости качеств от влияния возраста .63 и семьи .57. На отрицательном полюсе расположились образы: типичного мужчины —1.64, успешного человека —1.61, оценка качеств как зависящих от врожденных задатков —.84, человека, который не похож -.70, я через 15 лет —.43, норма —.28, нравящегося —.26 и не нравящегося человека —.13.

Третий униполярный фактор «Сила» представлен признаками слабости — доверчивый, внушаемый. По этому параметру врожденное рассматривается как сила, характерная для образа «успешного человека» и «типичного мужчины», оно определяет динамику личности. Парадокс состоит в том, что изменение личности происходит в направлении к врожденному и к преодолению женской идентичности, близости с образом «типичной женщины». Можно предположить, что девушки ощущают типично «женские» качества — внушаемость и доверчивость — как привнесенные, навязанные, и свое взросление связывают с возвращением к природной силе, лидерству и независимости. Однако, к сожалению, это врожденное слабо представлено в языке — известно, какая я, но неизвестно, какой буду, что ставит вероятность изменений под сомнение.

По сравнению с первым случаем врожденное гораздо больше представлено в языке.

В данном случае врожденное гораздо больше связано с другими объектами оценки. Восприятие врожденных качеств в целом положительное, они имеют высокую корреляцию с образом «нравящегося человека» и высокую отрицательную — с образом «не нравящегося». По сравнению с первой группой гораздо сильнее связь с объектами идентичности, однако образ актуального Я как и ранее строится изначально с опорой на представление о норме, успехе, образе «типичной женщины» и «нравящегося человека». Корреляция с образом «успешного человека» несколько меньше, чем с образом «нравящегося». Девушки в большей степени хотят быть хорошими, чем успешными. Стоит отметить, что влияние семьи — единственный в данном наборе объектов фактор внешней детерминации развития — рассматривается испытуемыми как наименее связанное с образом «я», что, возможно, отражает возрастные особенности респондентов и их желание дистанцироваться от родительских образов и ценностей.

Анализ результатов факторизации этих и других групповых матриц показывает, что существует значительный межгрупповой разброс в представлении о степени врожденности тех или иных качеств, закономерность которого на данном этапе установить не удастся. Не выявлено общего для всех представления о наибольшей зависимости конкретных качеств от врожденных задатков.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1 я													
2 я дет	0,87												
3я 15	0,88	0,65											
4 норм	0,84	0,65	0,98										
5 врожд	0,61	0,63	0,55	0,56									
6 возр	0,47	0,3	0,57	0,57									
7 семья	0,39	0,28	0,39	0,35		0,33							
8 не похож	-0,7	-0,7	-0,6	-0,7	-0,6								
9 успех	0,73	0,5	0,95	0,94	0,47	0,56	0,34	-0,5					
10 жаль	-0,7	-0,5	-0,9	-0,9	-0,5	-0,5		0,53	-0,9				
11 муж	0,44		0,6	0,53		0,3	0,28		0,67	-0,6			
12 жен	0,87	0,68	0,9	0,88	0,53	0,63	0,37	-0,5	0,84	-0,8	0,53		
13 нрав	0,88	0,72	0,97	0,98	0,61	0,55	0,31	-0,7	0,92	-0,9	0,52	0,9	
14не нрав	-0,8	-0,7	-0,9	-0,9	-0,6	-0,5	-0,3	0,79	-0,8	0,83	-0,3	-0,8	-0,9

В большинстве групп (6 из 9) при факторизации выделяется два униполярных фактора, в которых не нагруженный шкалами полюс связан с категорией врожденного, т.е. можно говорить, что это понятие не имеет жесткой закрепленности в актуальном дискурсе. В других случаях полюс врожденного нагружен как позитивными качествами, интерпретируемыми как «Жизненная радость», «Позитивная витальность», так и, в гораздо меньшей степени, негативными. Можно сделать вывод, что представление о врожденном не закреплено в языке, и это дает возможность достаточно произвольно менять субъективные границы Я.

При различии содержательных представлений о врожденном существует устойчивая связь данной категории с другими параметрами имплицитной теории личности — представлением о динамике личностного развития, социальной желательности качеств, нормой, успешностью и пр. Это позволяет сделать на основе полученного материала некоторые выводы.

1. Согласно основной выделенной тенденции представление о развитии личности связано с движением от врожденного к социальной желательности и успеху, даже в тех случаях, когда противоположный врожденному полюс связан с отрицательной эмоциональной оценкой. Изменение, преобразование себя соответствует общей тенденции развития культуры. «Человек на протяжении тысячелетий последовательно адаптировал природную среду и вместе с тем свою внутреннюю природу к потребностям развивающейся культуры. Сегодня влияние человеческой деятельности достигло таких масштабов, что пора перенести акцент с представления о человеке как элементе биосферы на представление о биосфере как подсистеме планетарной цивилизации (ноосферы)» (Назаретян, 2000. С. 241). Однако, отмечает А.П.Назаретян, развитие цивилизации не может происходить безболезненно и в ближайшем будущем нам предстоит пережить очередной и достаточно крутой виток «денатурализации», связанной в том числе и с изменением физической и психической природы человека. Изложенные данные показывают, что обыденное сознание уже подготовлено к подобным изменениям, принимая их неизбежность.

На уровне субъективной семантики преобразование природы человека представлено как проявление тотального господства общества над личностью: «Социализация неизбежно включает в себя такого рода биологическую фрустрацию. Социальное существование зависит от продолжающегося господства над биологически заданным сопротивлением индивида» (Бергман, Лукман, 1995. С.293). Можно сказать, что респонденты видят себя становящимися в процессе развития сильнее и хуже.

Выявлена высокая положительная связь между оценкой качеств как врожденных, образом нравящегося человека и образом себя. Тем самым подтвердилось предположение о том, что собственные «неизменные» качества будут оцениваться положительно, создавая более привлекательное представление о себе. Это, возможно, позволяет уравновесить ощущение развития как социализации, усиливающейся социальной детерминации. «У полностью социализированного индивида существует непрерывная внутренняя диалектическая связь идентичности с ее биологическим субстратом. Индивид продолжает воспринимать себя как организм, обособленный, а иногда и противостоящий социально выводимым объективациям себя самого» (*Бергман, Лукман, 1995. С.294*). Можно предположить, что субъективно испытываемые ощущают противоречие (не оценочной модальности) между социальными нормами и теми качествами, которые оцениваются как врожденные, между социальным (нормой) и природным (уникальным) в личности. При кластеризации результатов врожденное ни в одном из случаев не входит в кластер с нормой, которая чаще всего объединяется с социальной желательностью, образом «я через 15 лет», образом «успешного человека» и образом «типичного мужчины». Происходит то, что в предельно заостренной форме описывал Бодрийяр, предсказывая вероятное будущее как тотальное вытеснение всевозможных «категорий» за пределы нормы: «Бедняки, слабо развитые страны, индивиды с низким коэффициентом умственного развития, извращенцы, транссексуалы, интеллектуалы, женщины — целая мифология террора и отлучения на основе все более и более расистского определения “нормального человека”. Квинтэссенция нормальности: в последнем итоге все “категории” подвергнутся исключению, сегрегации и проклятию, и тогда-то общество станет, наконец, универсальным, в нем, наконец, сольются воедино нормальность и универсальность...» (*Бодрийяр, 2000. С.233*).

Стоит обратить внимание на проявление устойчивой иллюзии «золотого детства», представления о том, что в детстве мы все были лучше, а с возрастом неизбежно становимся хуже — злее, эгоистичнее и пр. Эта иллюзия не имеет подтверждения ни в личном субъективном опыте, ни в объективных данных. Она противоречит и реальной практике воспитания, предполагающей, что ребенка необходимо научить быть добрым, честным, трудолюбивым, вежливым... Но если она существует, значит она зачем-то нужна. Первое и очевидное обоснование (достаточно внешнее) — таким образом мы защищаем слабых детей, окружая их ореолом чистоты и невинности, приписывая им отсутствие злобных и грешных мыслей. Возможно и другое обоснование — мы скорбим по утраченной свободе, натуральности, облекая скорбь в социально-приемлемые формы. В детстве было хоро-

шо, значит, и я был хорошим. Таким образом мы сопротивляемся изменениям и оправдываем возможный регресс, возвращение к детской зависимости и личностной незрелости, безответственности.

2. Студентки рассматривают свое развитие как движение в сторону соответствия социальной желательности, нормы и образа «типичного мужчины». Однако в факторах, заданных противопоставлением врожденного—приобретенного, образы «мужчины» и «женщины» либо находятся на одном полюсе, либо расположены близко к нулю. Противопоставление присутствует в факторе «Идентичности», по которому врожденное находится на одном полюсе с образом «мужчины», а развитие заключается в парадоксальном движении от образа «типичной женщины» к образу «типичного мужчины». Возможно, девушки ощущают «типичную женственность» как социально детерминированное образование, которое необходимо преодолеть на пути к успеху и возвращению к собственной природе, более сильной и активной, чем то предписывается стереотипом. Таким образом, категория врожденного в данном случае выступает как некоторое «плотное», устойчивое основание, способное выдержать давление внешней социальной среды.

3. Во всех случаях в структуре субъективного семантического пространства присутствует два отдельных, не совпадающих параметра, представленных двумя факторами: 1-м, заданным противопоставлением врожденного—приобретенного, и 2-м, фактором «Идентичности», заданным противопоставлением я — не я, по которому оценка врожденного близка к нулю. Таким образом, в имплицитной теории личности, во-первых, есть некоторое представление о Я и, во-вторых, есть представление о нечто, зависящем от Я, о качествах, за которые субъект считает себя ответственным, и эти представления не сливаются друг с другом. Образ Я не поглощается, не перекрывается отсылкой к тем личностным качествам, за которые субъект несет ответственность, и к тем, которые оцениваются как врожденные. Я как непосредственное чувство самого себя располагается вне плоскости врожденного—приобретенного в личности, что позволяет индивиду сохранять субъектную позицию, быть субъектом собственного формирования.

Согласно положению большинства психологических теорий, именно так и осуществляется развитие субъекта в мире, заполненном словами, смыслами и значениями, которые он должен «наложить» на собственное тело, на телесные ощущения, чтобы создать и субъективный образ своего тела, и образ самого себя, и в то же время избежать соблазна быть полностью поглощенным миром слов. В балансе между тотальной означенностью (оговоренностью в терминологии М.М.Бахтина) и природной бессловесностью происходит развитие

субъекта: между отсутствием субъектности как отсутствием осознанности самого себя и, с другой стороны, потерей субъекта в объективациях дискурса.

При рождении мы имеем только слабо дифференцированные ощущения и не имеем слов или других средств ни для их категоризации, ни для их выражения. От других, от мамы мы получаем имена — имя для себя, имя для предметов, имя для телесных ощущений. Слова, которые мы присваиваем, изначально принадлежат другим и несут следы их употребления, использования. Они нагружены «общественно-историческим опытом», который мы постепенно осваиваем, приучаемся соотносить его с субъективными ощущениями, которые только через этот опыт и могут стать нашими собственными, стать предметом владения. Но это владение совместное. Как формулирует В.Подорога, «Я поверхностно по отношению к Оно, которое залегает в других слоях душевной жизни, под поверхностью, управляемой Я. ...Наше Я (это картезианское Я) является единственно возможным условием нашего сознательного присутствия в мире, и в то же время я не могу сказать, что оно принадлежит мне, скорее, если можно так выразиться, оно принадлежит всем мыслящим и никому в отдельности» (Подорога, 1995. С. 34—35).

Полученные данные позволяют говорить о высокой идеологической, смысловой нагруженности категории врожденного. В субъективном опыте нет общего представления о том, что именно является врожденным, но есть достаточно устойчивая оценка врожденного как преодолеваемого в процессе динамики личности на пути к успешности и социальной желательности. Это дает возможность гибко подгонять границы субъекта под идеологию и одновременно, при отрицательной оценке социальной желательности, сопротивляться идеологии.

Можно сделать предварительный вывод о том, что обыденная семантика категории врожденного входит в состав механизма, который делает субъекта производным от идеологии, от дискурса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сознание представляет собой многоуровневую гетерогенную структуру. В контексте данной работы важно подчеркнуть различие природы отдельных элементов структуры сознания, их функциональное и содержательное несовпадение и различие форм репрезентации информации, существующих на уровне каждого компонента. Уровни сознания различаются характером связи со знаком и характером включенности в общественно-исторический опыт (интегрированности с общественно-историческим опытом). Рефлексивное сознание и бессознательное могут быть рассмотрены как формы, в которых определяющими являются различные составляющие структуры индивидуального сознания: в рефлексивном сознании — значение (уровень знака по классификации Ф. де Соссюра), в бессознательном — чувственная ткань (или, по Ф. де Соссюру, уровень индексов, в котором означаемое выступает в неразрывном единстве с означающим). С этой точки зрения обыденное сознание может быть охарактеризовано через личностный смысл, на котором доминирует уровень символа, что позволяет преодолеть единство означаемого и означающего, но сохранить при этом связь плана выражения и плана содержания.

В индивидуальном сознании присутствуют элементы всех уровней

— мифа, обыденного сознания, рационального знания, выполняющие собственные функции. Механизмом развития сознания и механизмом формирования личности, субъекта является взаимодействие между разными уровнями сознания, диалог, в процессе которого происходит изменение, трансформация исходного содержания. Диалог осуществляется при передаче информации, выраженной в носителях различной природы. Диалогическая природа индивидуального созна-

ния, как предполагается, в максимальной степени реализуется через уровень обыденного сознания.

Проведенный теоретический анализ позволяет определить обыденное сознание как уровень индивидуального сознания, занимающий положение посредника по отношению к общественному и индивидуальному сознанию, а также к бессознательному и рефлексивному, к мифологическому отражению и рациональному, научному знанию. Доминирующей формой опосредствования отражения на уровне обыденного сознания становится символ, что обеспечивает терпимость к противоречиям, возможность диалогического взаимодействия и развития.

Терпимость к противоречиям проявляется в том, что в содержательном плане на уровне обыденного сознания единая картина мира личности включает в себя, в частности, дополнительные образы «правильного» мира, утверждающего ценности стабильности, социума и «неправильного», утверждающего ценности развития, индивидуальности.

Функции обыденного сознания, связанные с особенностями символа, заключаются в следующем: а) по отношению к особенностям отражаемой информации — в расщеплении амбивалентности нижележащих уровней (бессознательного, мифа) и фиксации противоположностей, а значит и толерантности к противоречиям; б) по отношению к выше- и нижележащим уровням отражения — в осуществлении контакта между ними, обеспечении автокоммуникации системы; в) по отношению к самой личности как члену социума — в обеспечении условий формирования субъектности, обеспечении условий личностной автономии без потери связи с социумом.

На основе анализа данных личностного семантического дифференциала было получено семантическое пространство, заданное факторами «Этноцентризм» и «Адаптивность», иллюстрирующее построенную теоретическую модель обыденного сознания, включающую в себя образы «правильного» и «неправильного» мира. Архаичный характер выделенного пространства подтверждается наличием фактора «Этноцентризм», связанного с доминированием общественного, массового сознания и близостью результатов, полученных при использовании отдельно денотативных и коннотативных шкал.

Расположение объектов в семантическом пространстве, образованном факторами «Этноцентризм» («Оценка») и «Адаптированность» («Сила»), соответствует ценностям, закрепленным в образах «правильного» и «неправильного» мира — ценностям общества и ценностям индивида. В пространстве, образованном одноименными полюсами факторов «Этноцентризм» и «Адаптированность», распо-

лагаются образы, воплощающие ценности устойчивости, сохранения стабильности общества, а в пространстве, образованном разноименными полюсами данных факторов — образы, связанные с ценностями развития, изменения. Образ человека, достигшего успеха, располагается в пространстве «неправильного» мира и оценивается испытуемыми как сильный, но далекий и опасный. Данная закономерность проявляется и в отношении успешности в сфере карьеры и сексуальной активности.

Полученный экспериментальный материал позволяет говорить о наличии закономерностей размещения в семантическом пространстве образов, связанных с представлением о развитии личности — «я в детстве», «я в настоящем», «в будущем», образов «идеальных» и «успешных» людей, образов «родителей».

Проведенный анализ концепций развития личности и проявления субъектности позволяет говорить о существенной роли в этом процессе взаимодействия разных уровней психического отражения. Формирование субъектности связано с моментами преодоления границ разной модальности, выхода за пределы означенности, закреплённости представления о различных аспектах собственного Я в языке, соотнесения с системой социальных ролей и пр. Реальное Я человека, субъектность как свойство личности формируется и существует при сопротивлении давлению социальных норм и при управлении собственными физическими и психическими функциями.

Формирование субъектности связано с изменением форм репрезентации знаний о себе. Информация, представленная в знаковой форме, имеющая дискретный характер, переводится в чувственную форму, имеющую континуальный характер, что приводит к изменению первоначального содержания. Такое же движение совершается и в обратном порядке. Возможность этих переводов обеспечивается символической, диалогической природой обыденного сознания. Неоднозначность символа дает возможность преодолевать четкую закреплённость системы значений, не теряя при этом связи с группой, опираясь на архаические смысловые связи, объединяющие всех членов группы. Терпимость к противоречиям позволяет сосуществовать противоречивому субъективному отношению к развитию — стремлению к изменению и страху перед изменениями.

В предложенной Б.Д.Элькониным концепции развитие психики представлено через смену форм знакового опосредствования. Жизнь знака, его реализация заключается в превращении опосредствования как чего-то внешнего, существующего как предмет осознания, в нечто, уходящее из осознания, переходящее в автоматизм и существующее как реальность. Этот переход имеет, как подчеркивает

Б.Д.Эльконин, конфликтный характер, заключающийся в столкновении уже известных способов действия с новыми, и требует преодоления наличного, натурального и перехода к тому, что представлено как идеальная форма. В качестве формы, моделирующей для ребенка переход на иную стадию развития, Б.Д.Эльконин называет волшебную сказку. Но сказка задает модель лишь адаптивной, удачной составляющей общей ситуации развития, совершающегося в «правильном» мире. В качестве дополнительной модели может быть рассмотрен сюжет сказки «Снегурочка», противоположной волшебной сказке по смыслу и воспроизводящей образ «неправильного» мира. В отличие от героев волшебной сказки. Снегурочка, приняв решение выполнить «что-либо» — перейти на следующий возрастной и социальный этап развития, — гибнет.

Анализ результатов интерпретации сюжета сказки показывает, что исходная амбивалентность мифа, содержащаяся в обряде инициации и сохраняющаяся в сюжете сказки, преобразуется при переводе на уровень обыденного сознания. Сюжет сказки о Снегурочке трансформируется, упрощается, позволяя совместить один из фрагментов целостного смысла с рациональной картиной мира, соответствующей либо «правильному», либо «неправильному» миру. В «правильных» текстах отразились естественные страхи, связанные с изменением ситуации и обеспечивающие поддержание стабильности в жизни. «Неправильные» тексты позволяют проявиться агрессии по отношению к окружающему миру, который выглядит либо опасным, либо пошлым. В «правильных» текстах находят выражение ценности сохранения стабильности, единства с родом, социумом, а в «неправильных» — ценности развития, изменения, ценности индивидуальной жизни. Во всех вариантах в действиях Снегурочки выделяется момент перехода от «наличного» к «иному», в терминологии Б.Д.Эльконина, а имеющаяся жизнь видится как то, что нужно преодолеть.

Результаты психосемантического анализа восприятия образа Снегурочки показывают, что оценочный фактор расщепляется на два, по которым она оценивается противоположным образом. В результате ценности нарциссизма, отстраненности от социума получают эмоциональную поддержку и воспринимаются как привлекательные. Сочетание данных оценочных факторов с фактором «Силы» позволяет «вписывать» образ Снегурочки одновременно в контекст и «правильного» и «неправильного» мира, как связанный с системой языковых значений и воспринимающийся вне их.

Анализ особенностей восприятия образа Снегурочки показывает, что при отсутствии посредников, в ситуации реальной опасности пе-

рехода границы возраста, смены социальной роли и пр. сам акт перехода приобретает не прагматичную ценность. В результате рядом с фактором «Этноцентризм» образуется еще один, дополнительный параметр положительной оценки, не связанной с признаками субъективной близости. По этому фактору образ может быть оценен как хороший, но не свой. Наличие такого фактора позволяет преодолеть приоритет родовых ценностей над индивидуальными и способствует повышению значимости ценностей индивида.

Данная работа реализует лишь один из возможных подходов к изучению такого сложного и многомерного феномена, как обыденное сознание, и не претендует на окончательное решение. Требуются дальнейшие исследования, которые позволят подтвердить сделанные в работе выводы и выделить новые аспекты анализа проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абульханова-Славская К.А.* Стратегия жизни. М., 1991.
- Абульханова-Славская К.А.* Социальное мышление личности: проблемы и стратегии исследования // Психологический журнал. 1994. № 4. С. 39—55.
- Абульханова-Славская К.А.* Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подход // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997а. С.7—78.
- Абульханова-Славская К.А.* Проблема личности в психологии // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 19975. С. 270-373.
- Абульханова К.А., Воловикова М.И., Елисеев В.А.* Проблемы исследования индивидуального сознания // Психологический журнал. 1991. № 4. С. 27—40.
- Аверинцев С.С.* Символ // Краткая литературная энциклопедия. Т.6. М., 1971. С. 826-831.
- Агеев В. С.* Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 95—101.
- Агеев В.С.* Механизмы социального восприятия // Психологический журнал. 1989. № 2. С. 63-70.
- Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 1990.
- Алексеев К. И.* Метафора как объект исследования в философии и психологии // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 73—85.
- Ан Нгуен-Куан.* Ментальные модели физических явлений, связанных с повседневной жизнью (на примере электричества) // Иностранная психология. 1996. № 6. С.7—13.
- Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания: Избранные труды. М.; Воронеж, 1996.
- Андреева Г.М.* Психология социального познания. М., 1997.
- Антонова Н.В.* Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131—142.
- Антонова Н.В.* Личностная идентичность и общение современного педагога // Вопросы психологии. 1997. № 6. С. 32—30.
- Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды: В 2 т. М., 1995. Т. 2. С. 629—650.
- Арестова О.Н., Шильштейн Е.С.* Проективный вариант техники репертуарных решеток в исследовании структуры «Я» // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1998. № 1. С. 8—18.

- Арлычев А.Н.* Саморегуляция, деятельность, сознание. СПб., 1992.
- Артемова Е.Ю.* Психология субъективной семантики. М., 1980.
- Асмолов А.Г.* Психология личности. Принципы общепсихологического анализа. М., 1990.
- Асмолов А. Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.; Воронеж, 1996.
- Асмолов А.Г.* Историко-эволюционный подход в психологии личности: Автореф. дисс.... д-ра психол. наук. М., 1996.
- Афанасьев А.Н.* Народные праздники // Живая вода и вещее слово. М., 1988.
- Афанасьев А.Н.* Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым. 1857—1862. М., 1997.
- Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 114-163.
- Барт Р.* Мифологии. М., 1996.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979а.
- Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979б.
- Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984—1985. М., 1986.
- Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.
- Бахтин М.М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5.
- Белицкая Г.Э.* Типология проблемности социального мышления: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1991.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. М., 1995.
- Берзина Т.Н.* Жизненный путь личности: осознаваемые и неосознаваемые аспекты // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997. С. 313—322.
- Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М., 1988.
- Бессонова О.М.* Референция, метафора и критерий метафоричности // Логико-семантический анализ структур знания: Основания и применения. Новосибирск, 1989. С. 31—63.
- Блюм Г.* Психоаналитические теории личности. М., 1996.
- Бобрышева Т.В.* Социальные представления как объект психологического исследования: Дис.... канд. психол. наук. М., 1996.
- Богатырева Е.А.* М.М.Бахтин: этическая онтология и философия языка // Вопросы философии. 1993. № 1. С. 51—59.
- Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В.* Фокус-группы как метод социально-психологического исследования. М., 1997.
- Бодалев А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.
- Бодрийяр Ж.* Америка. М., 2000а.
- Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть. М., 2000б.

- Борисов С. Б.** Девичий рукописный любовный рассказ в контексте школьной фольклорной культуры // Школьный быт и фольклор. Ч. 2. Таллинн, 1992.
- Борисов С.Б.** Прозаические жанры девичьих альбомов // Новое литературное обозрение. 1996. № 22.
- Борневассер М.** Социальная структура, идентификация и социальный контакт // Иностранная психология. 1993. № 1. С. 68—72.
- Бороденке М.В.** Два лица Януса—смеха. Ростов н/Д., 1995.
- Братусь Б. С.** Аномалии личности. М., 1988.
- Брунер Дж.** Психология познания. М., 1977.
- Брушлинский А. В.** Проблема субъекта в психологической науке(статья первая) // Психологический журнал. 1991. № 6. С. 3—10.
- Брушлинский А. В.** Проблема субъекта в психологической науке (статья вторая) // Психологический журнал. 1992. № 6. С. 3—12.
- Брушлинский А. В.** Проблема субъекта в психологической науке (статья третья) // Психологический журнал. 1993. № 6. С. 3—15.
- Брушлинский А.В.** Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
- Брушлинский А. В.** Ментальность российская и региональная (провинциальная) // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997а. С. 38—43.
- Брушлинский А.В.** Исходные основания психологии субъекта и его деятельности // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М., 1997б. С. 208—260.
- Бугрименко Е.А., Эльконин Б.Д.** Знаковое опосредствование в процессах формирования и развития // Вести. Моск, ун-та. Сер. 14, Психология. 1994. № 4. С. 27-35.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.** Языковая концептуализация мира. М., 1997.
- Бужак Т.М., Зевина О.Г.** Опыт утверждения общечеловеческих ценностей—культурных символов—в индивидуальном сознании // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 44—55.
- Бызова В.М.** Психология этнических различий: проблемы менталитета, отношений, понимания: Автореф. дис. ...д-ра психол. наук. СПб., 1998.
- Быстрицкий Е.К.** Понимание и практическое сознание // Загадка человеческого понимания. М., 1991. С. 25—38.
- Бэкон Ф.** Новый органон // Сочинения: В 2 т. М., 1978. Т. 2. С. 5—213.
- Варга А.Я.** О некоторых особенностях российской ментальности и их проявлениях в процессе семейной психотерапии // Вести. Моск, ун-та. Сер. 14, Психология. 1996. № 3. С. 68—77.
- Васильюк Ф.Е.** Структура образа // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 5—20.
- Васильюк Ф.Е.** Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. № 3. С. 90—101.
- Визгина А.В., Столин В.В.** Внутренний диалог и самоотношение // Психологический журнал. 1989. № 6. С. 50—57.
- Виноградова Л. И.** Человек/нечеловек в народных представлениях // Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995.

- Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1982—1984. Т. 1—6.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993.
- Галам С., Московичи С.* Теория принятия коллективных решений в иерархических и неиерархических группах // Психологический журнал. 1992. №6. С. 93-104.
- Гальтон Ф.* Наследственность таланта, ее законы и последствия. М., 1996.
- Гегель Г.* Лекции по истории философии. Книга вторая. СПб., 1994.
- Гегель Г.* Философия духа // Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т.3.
- Генон Р.* Заметки об инициации // Контекст—9. М., 1997. С. 36—58.
- Глотова Г.А.* Человек и знак: Семиотико-психологические аспекты онтогенеза человека. Свердловск, 1990.
- Голдберг Л.Р., Шмелев А.Г.* Межкультурное исследование лексики личностных черт: «Большая пятерка» факторов в английском и русском языках // Психологический журнал. 1993. № 4. С. 32—40.
- Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. Киев, 1984.
- Голосовкер Я.Э.* Логика мифа. М., 1987.
- Гордеева О. В.* О некоторых ограничениях разработки проблемы сознания в марксистской психологии (на материале трудов С.Л. Рубинштейна) // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1996а. № 3; 1997. № 1.
- Гордеева О.В.* Представления Л.С. Выготского о самосознании и марксизм // Психологический журнал. 19965. № 5. С. 31—42.
- Горшков М., Тихонова Н.* О социальных тенденциях в пореформенной России: диагноз социолога // Власть. 1995. № 4. С. 25—36.
- Грачева А.М., Нистратов А.А., Петренко В.Ф., Собкин В. С.* Психосемантический анализ понимания мотивационной структуры поведения киноперсонажа // Вопросы психологии. 1988. № 5. С. 123—131.
- Грачева А.М., Нистратов А.А., Собкин В. С.* Персонажи фильма в пространстве театральных амплуа // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1990. № 1. С.24—33.
- Гриндель О.М.* Межцентральные отношения в коре большого мозга по показателю когерентности ЭЭГ при восстановлении сознания и речи после длительной комы // Журнал высшей нервной деятельности. 1985. Т. 35. № 1. С. 60-87.
- Гринсон Р.Р.* Техника и практика психоанализа. Воронеж, 1994.
- Грумес У.* Значение сказки для психоанализа // Энциклопедия глубинной психологии. Т.1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. М., 1998. С. 569-586.
- Грушин Б.А.* Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М., 1987.
- Грязнов А.Ф.* Проблема ментальных понятий в западной философии психологии // Психологический журнал. 1996. № 4. С. 12—20.
- Гудков Л.Д.* Массовая литература как проблема. Для кого? // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 78—101.

- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Гуревич П.С.* Социальная мифология. М., 1983.
- Гусев С.С., Пумпянский Б.Я.* Обыденное мировоззрение. Структура и способы организации. СПб., 1994.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1980. Т. 4.
- Данилова Н.Н., Крылова А.Л.* Физиология высшей нервной деятельности. М., 1997.
- Дашевский В. В.* Социально-психологические особенности мифологизации политического сознания: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1997.
- Девис Дж.* Ритуалы инициации и обновления в природных условиях // Иностранная психология. 1994. № 1 (3). С. 73—79.
- Джерелиевская М.А., Шмелев А.Г.* Личностные конструкты в семантике фотопортретов Сонди // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1991. № 2. С. 31-41.
- Джидарьян И.А.* Представления о счастье в русском менталитете // Психологический журнал. 1997. № 3. С. 13—25.
- Диттмар Х.* Экономические представления подростков // Иностранная психология. 1997. № 9. С. 25—36.
- Доброхотова Т.А., Брагина Н.Н.* Асимметрия мозга и асимметрия сознания человека // Вопросы философии. 1993. № 4. С. 125—134.
- Донцов А.И., Баксанский О.Е.* Схемы понимания и объяснения физической реальности // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 75—90.
- Донцов А.И., Емельянова Т.П.* Концепция социальных представлений в современной французской психологии. М., 1987.
- Донцов А.И., Емельянова Т.П.* Социальные представления как предмет экспериментального исследования в современной французской психологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1985. № 1. С. 45—54.
- Дружинин В.Н., Гребенюк Г.А., Самсонова Е.Ю.* Исследование психосемантической репрезентации общих умственных способностей // Психологический журнал. 1993. № 3. С. 42—55.
- Дружинин В.Н., Савченко И.А.* Анекдот как зеркало русской семьи // Психологическое обозрение. 1996. № 1. С. 18—21.
- Дуаз В.* Явление анкерки в исследовании социальных представлений // Психологический журнал. 1994. № 1. С. 19—26.
- Дубин Б.В., Толстых А.В.* Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 77—80.
- Дубов И.Г.* Феномен менталитета // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 20—29.
- Дубровский Д.И.* Информация, сознание, мозг. М., 1980.
- Дубровский Д. И.* Психика и мозг: результаты и перспективы исследований // Психологический журнал. 1990. № 6. С. 3—15.
- Дьяченко О.М., Веракса Н.Е.* Элементы «карнавальной культуры» в развитии ребенка-дошкольника // Вопросы психологии. 1994. № 2. С. 77—87.
- Дюркгейм Э.* Представления индивидуальные и представления коллективные // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.

- Ерина Н.А.* Психологические особенности профессионального менталитета государственных служащих: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
- Ермакова Е.В.* Взаимодействие обыденного и теоретического общественного сознания: Дис. ... канд. филос. наук. Новгород, 1994.
- Жуков Н.И.* Проблема сознания. Минск, 1987.
- Жукова А.* Русалочка — немота роста // Московский психотерапевтический журнал. 1994. № 3. С. 201—210.
- Заводнюк В.Г.* Политический миф (Инвариант и процессы трансформации): Дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 1996.
- Закиров А.* Психосемантический анализ обыденного сознания: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1994.
- Занковский А.Н.* Анализ базовых координат организационных культур: когнитивные репрезентации организационных понятий в сознании российских и японских менеджеров // Психологический журнал. 1996. № 3. С. 26-36.
- Зинченко В.П.* Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. 1991. № 2. С. 15-36.
- Зинченко В.П.* От классической к органической психологии // Вопросы психологии. 1996. № 5—6.
- Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.* Изучение высших психических функций и категория бессознательного // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 34-41.
- Зинченко В.П., Моргунов Е.Б.* Человек развивающийся: Очерки российской психологии. М., 1994.
- Знаков В. В.* Психологический портрет участника войны в Афганистане в мас-совом сознании // Психологический журнал. 1991. № 6. С. 26—39.
- Знаков В. В.* Неправда, ложь и обман как проблемы психологии понимания // Вопросы психологии. 1993. № 2. С. 9—16.
- Знаков В.В.* Половые различия в понимании неправды, лжи и обмана // Психологический журнал. 1997. № 1. С. 38—49.
- Зоркая Н.* Проблемы изучения детектива // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 65-78.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965. С. 156—165.
- Яшкова М.А.* Феномен границы в детерминации активности ребенка: Автореф. ... канд. психол. наук. М., 1998.
- Калиниченко В.* Язык и трансценденция // Логос. 1995. № 6. С. 7—46.
- Келли Г.* Процесс каузальной атрибуции // Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М., 1984. С. 127—137.
- Келли Дж.* Теория личности. Психология личных конструктов. СПб., 2000.
- Климов Е.А.* Об одном ходе мысли, полезном для психолога // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1991. № 2. С. 3—12.
- Климов Е.А.* Идеи системного подхода в народном сознании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1993. № 3. С. 3—11.

- Кляйн М.* Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни ребенка // Психоанализ в развитии: Сборник переводов. Екатеринбург, 1998.
- Ковалев Г.А., Радзиховский Л.А.* Общение и проблемы интериоризации // Вопросы психологии. 1985. № 1. С. 110—120.
- Ковалев Г.А., Радзиховский Л.А.* Проблема общения и детерминации психического в работах советских психологов // Общение и развитие психики. М., 1986. С. 7—21.
- Козлова И.И.* Личность как система конструкторов // Системные исследования: Ежегодник. М., 1976. С. 128—146.
- Корее Е.И.* Теоретико-методологические проблемы исследования социально-политической мифологии: Дис... канд. филос. наук. Новосибирск, 1995.
- Костандов Э.А.* Функциональная асимметрия полушарий и неосознаваемое восприятие. М., 1983.
- Костандов Э.А.* Сознание и бессознательное как проблема высшей нервной деятельности человека // Журнал высшей нервной деятельности. 1984. Т. 34. №3. С. 403-411.
- Коул М.* Культурно-историческая психология. М., 1997.
- Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление: Психологический очерк. М., 1977.
- Кряж И. В.* Психосемантическое исследование обыденных экологических представлений // Вопросы психологии. 1998. № 1. С. 65—75.
- Кутнер П.* Современный психоанализ. СПб., 1997.
- Кэмбелл Д.Т.* Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: эволюционный аспект // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С. 76—102.
- Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
- Лакан Ж.* Значение фаллоса // Комментарии. М., 1996а. № 8. С. 13—23.
- Лакан Ж.* Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда // Московский психотерапевтический журнал. 1996б. № 1. С. 25-54.
- Лакан Ж.* Стадия зеркала как образующая функцию Я, какой она раскрылась нам в психоаналитическом опыте // Комментарии. М., 1996в. № 8. С. 6-12.
- Лакан Ж.* Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М., 1997.
- Лакан Ж.* Семинары, Книга 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1954/53). М., 1998.
- Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
- Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. М., 1996.
- Лебедева Н.М.* Новые возможности одной известной концепции // Психологический журнал. 1989. № 2. С. 56—62.
- Лебедева Н.М.* Русская диаспора: диалог цивилизаций и кризис социальной идентичности // Психологический журнал. 1996. № 4. С. 32—42.

- Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995.
- Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
- Левин Ю.И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998.
- Леви-Строс К.* Структурная антропология. М., 1985.
- Леви-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1994.
- Левкович В.П., Андрущак И.Б.* Этноцентризм как социально-психологический феномен (на материале исследования этнических групп Узбекистана) // Психологический журнал. 1995. № 2. С. 70—81.
- Леонтьев А.А.* Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1997.
- Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1972.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность // Собр. соч.: В 2 т. М., 1983. Т. 2. С. 94-232.
- Леонтьев Д.А.* Субъективная семантика и смыслообразование // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1990. № 3. С. 33—42.
- Леонтьев Д.А.* Значение и личностный смысл: две стороны одной медали // Психологический журнал. 1996. № 5. С. 19—30.
- Леонтьев Д.А.* Динамика смысловых процессов // Психологический журнал. 1997. №6. С. 13-27.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М., 1999.
- Лобок А.М.* Антропология мифа. Екатеринбург, 1997.
- Лобырев А.А.* Социально-психологический анализ мифа: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
- Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы развития психики. М., 1984.
- Лоренц К.* Агрессия (так называемое зло). М., 1994.
- Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. М., 1982.
- Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 21-186.
- Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
- Лосев А. Ф., Тахо-Годи А.А.* Платон. Аристотель. М., 1993.
- Лосева И.Н.* Миф и религия в отношении к рациональному познанию // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 64—76.
- Лотман Ю.М.* Феномен культуры // Семиотика культуры. Труды по знаковым системам. Вып. X. Тарту, 1978.
- Лотман Ю.М.* О редукции и развертывании знаковых форм //Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т.1. С. 381—385.
- Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. М., 1996.
- Лотман Ю.М., Мицц З.Г., Мелетинский Е.М.* Литература и мифы // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1988. Т. 2.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф—Имя—Культура // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин, 1992. Т.1. С. 58—75.
- Лоули Д., Максвелл А.* Факторный анализ как статистический метод. М., 1967.

- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
- Лях Н.Ю.* Особенности восприятия слов в шуме и функциональная асимметрия мозга: роль лингвистических факторов: Автореф. дис.... канд. психол. наук. СПб., 1996.
- Майерс Д.* Социальная психология. СПб., 1997.
- Макарова Е.К.* Обыденное сознание. Его роль в общественной жизни: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1998.
- Мамардашвили М.К.* Сознание как философская проблема // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 3-18.
- Мамардашвили М. К.* О психоанализе. Лекция // Логос. 1994. № 5. С. 123—141.
- Мамардашвили М.К.* Лекции о Прусте. М., 1996.
- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М.* Символ и сознание. М., 1997.
- Маркова И.* Социальные репрезентации демократии в обыденном и рефлексивном мышлении // Психологический журнал. 1996. № 5. С. 56—68.
- Мелетинский Е.М.* Сказки и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1988. Т. 2.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1995.
- Ментальность россиян: специфика сознания больших групп населения России. М., 1997.
- Мерло-Понти М.* Феноменология языка // Логос. 1995. № 6. С. 179—193.
- Миронов М.Е.* О соотношении идеологии, общественной психологии и обыденного сознания // Психологический журнал. 1987. № 4. С. 31—41.
- Митькин А.А.* На пути к системной психологии развития // Психологический журнал. 1997. № 3. С. 3—12.
- Михайлов Ф.Т.* Общественное сознание и самосознание индивида: Автореф. дис.... д-ра филос. наук. М., 1987.
- Молнар М.* Лука Синьорелли: луч улики // Комментарии. № 7. М., 1995.
- Молоканов М.В.* О соответствии специфики адаптации личности ее знаниям об особенностях своего рождения // Психологический журнал. 1996. № 5. С. 42-55.
- Молчанов В.* Парадигмы сознания и структуры опыта // Логос. 1992. № 3. С. 7-36.
- Моррис Ч.У.* Основания теории знаков// Семиотика. М., 1983. С. 37—89.
- Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1—2.
- Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1996.
- Московичи С.* Машина, творящая богов. М., 1998.
- Муздыбаев К.* Психология зависти // Психологический журнал. 1997. № 6. С. 3-12.
- Муммендей А.* Как преодолеть негативную социальную идентификацию // Иностранная психология. 1993. № 1. С. 72—73.
- Мухелишвили Н.Л.* Психология отношения к нумеральному (личностные предпосылки религиозного опыта): Дис.... д-ра психол. наук. М., 1993.

- Мухелишвили Н.Л., Сергеев В.М., Шрейдер Ю.А.* Дискурс отчаяния и надежды: внутренняя речь и депрагматизация коммуникации // Вопросы философии. 1997. № 10.
- Мухелишвили Н.Л., Шрейдер Ю. А.* Значение текста как внутренний образ // Вопросы психологии. 1997. № 3.
- Мухина В. С.* Проблемы генезиса личности. М., 1975.
- Мухина В. С.* Этнопсихология: настоящее и будущее // Психологический журнал. 1994. № 3. С. 42-49.
- Назаретян А.П.* Универсальная эволюция субъектности: от ретроспекции к прогностике // Мир психологии. 2000. № 1. С. 230—242.
- Найдыш В.М.* Мифотворчество и фольклорное сознание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 45-53.
- Найсер У.* Познание и реальность: смысл и принципы когнитивной психологии. М., 1981.
- Напешивили Б.Д.* Исследование восприятия ведущих телевизионных программ молодежной аудиторией // Вестн. Моск. ун-та. Психология. 1995. № 3. С. 20-29.
- Насонова Л. И.* Мифотворчество обыденного сознания // Философские исследования. 1993. № 1. С. 46—60.
- Некрасов С.Н., Возилкин И. В.* Жизненные сценарии женщин и сексуальность. Свердловск, 1991.
- Николаева О.П.* Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: Автореф. дис.... канд. психол. наук. М., 1992.
- Оборина Д. В.* Об особенностях ментальности будущих педагогов и психологов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1994. № 2. С. 41—49.
- Ожиганов Э.Н.* Психология и социология коллективного бессознательного // Психологическое обозрение. 1996. С. 6—13.
- Ойзерман Т.М.* Философия и обыденное сознание // Вопросы философии. 1967. №4. С. 119-130.
- Окунь Я.* Факторный анализ. М., 1974.
- Олкер Х.Р.* Волшебные сказки, трагедии и способы изложения мировой истории // Язык и моделирование социального взаимодействия. Благовещенск, 1998. С. 408-440.
- Ольшанский Д. В.* Психология массовых политических настроений // Психологический журнал. 1989. № 6. С. 40—50.
- Ольшанский Д.В.* Б.Н.Ельцин на фоне массового сознания (политико-психологический портрет) // Психологический журнал. 1992. № 4. С. 45—57.
- Орбан П.* О процессе символизации // Энциклопедия глубинной психологии. М., 1998. Т. 1. С. 532-568.
- Осгуд Ч., СусиДж., Танненбаум П.* Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам // Семиотика и искусствоведение. М., 1972.
- Осницкий А.К.* Проблемы исследования субъектной активности // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 5—19.

- Островский А.Н.* Поли. собр. соч.: В 12 т. М., 1977. Т. 7.
- Павленко В.Н., Корж Н.Н.* Трансформация социальной идентичности в посттоталитарном обществе // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 75—88.
- Пауэр Ф.К., Хиггинс Э., Кольберг Л.* Подход Лоуренса Кольберга к нравственному воспитанию // Психологический журнал. 1992. № 3. С. 175—182.
- Петренко В.Ф.* Идеи Л.С. Выготского и теория глубинных семантических ролей // Научное наследие Л.С.Выготского и современная психология: Тезисы докладов всесоюзной конференции. М., 1981. С. 117—119.
- Петренко В. Ф.* Семантический анализ профессиональных стереотипов // Вопросы психологии. 1986. № 3.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1988.
- Петренко В.Ф.* Личность человека — основа его картины мира // Модели мира. М., 1997. С. 9—27.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. Смоленск, 1997.
- Петренко В.Ф., Митина О. В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. Смоленск, 1997.
- Петренко В.Ф., Нистратов А.А., Романова Н.В.* Рефлективные структуры обыденного сознания на материале семантического анализа фразеологизмов // Вопросы языкознания. 1989. № 2. С. 26—39.
- Петренко В.Ф., Собкин В. С., Нистратов А.А., Грачева А.В.* Психосемантический анализ зрительского восприятия персонажей фильма // Мотивационная регуляция поведения и деятельности личности. М., 1988.
- Петренко В.Ф., Сурманидзе Л.Д.* Психосемантический анализ грузинских этнических стереотипов // Духовная культура и этническое самосознание. М., 1993.
- Петровский А.В.* Проблема развития личности с позиций социальной психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 151 — 157.
- Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. Ростов н/Д., 1996. Т.2.
- Петровский В.А.* Личность в психологии. Ростов н/Д., 1996.
- Петровский В.А.* Психология неадаптивной активности. М., 1992.
- Петровский В.А.* Феномены субъектности в развитии личности. Самара, 1997.
- Петухов В. В.* Природа и культура // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1991. № 4; 1992. № 3; 1993. № 3; 1994. № 3; 1995. № 3; 1997. № 1.
- Пиаже Ж.* Теория Пиаже // История зарубежной психологии. 30—60-е годы XX века: Тексты. М., 1986.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М.: Международная педагогическая академия, 1994.
- Пиаже Ж.* Аффективное бессознательное и когнитивное бессознательное // Вопросы психологии. 1996. № 6.
- Пибоди Д., Шмелев А.Г., Андреева М.К., Граменицкий А.Е.* Психосемантический анализ стереотипов русского характера: кросс-культурный аспект // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 101—111.
- Пивов В.М.* Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск, 1991.

- Пивоев В.М. Функция мифа в культуре // Вести. Моск. ун-та. Сер. 7, Философия. 1993. № 3. С. 37–45.
- Подорога В. Феноменология тела. М., 1995.
- Поливанова К.Н. Психологическое содержание подросткового возраста // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 20–33.
- Попова И.М. Социальные представления в обыденном сознании // Социологические исследования. 1991. № 11. С. 66–76.
- Попова Л.В., Шенковец Е.В. Начальные этапы развития личности в подходах современного психоанализа // Механизмы формирования ценностных ориентаций и социальной активности личности. М., 1985. С. 6–18.
- Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
- Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993.
- Пропп В. Морфология сказки. Л., 1928.
- Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб., 1996.
- Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998.
- Пятигорский А.М. Некоторые замечания о мифологии с точки зрения психолога // Труды по знаковым системам. Вып. 181. Тарту, 1965. С. 38–49.
- Пятигорский А.М. Мифологические размышления. М., 1996.
- Радзиховский Л.А. Проблема диалогизма в трудах М.М. Бахтина // Вопросы психологии. 1985. № 6.
- Райкрофт Ч. Критический словарь психоанализа. СПб., 1995.
- Ранк О. Миф о рождении героя. М.; Киев, 1997.
- Рейтблат А. Цензура народных книг в России во второй четверти XIX в. // Новое литературное обозрение. 1996. № 22.
- Родионова Е.А. Способы описания личности и «сценическая модель» // Социальная психология личности. М., 1979а. С. 300–324.
- Родионова Е.А. Формирование представлений о личности и социальных механизмах регуляции поведения: культурно-исторический аспект // Психологические механизмы социального поведения. М., 1979б. С. 128–150.
- Рождественская Н.А. Роль стереотипов в познании человека человеком // Вопросы психологии. 1986. № 4. С. 69–76.
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988.
- Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1946.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
- Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М., 1959.
- Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
- Русина Н.А. Изучение оценочных эталонов и социальных стереотипов с помощью семантических измерений // Вопросы психологии. 1981. № 1. С. 96–108.
- Русские народные сказки о мачехе и падчерице / Отв. ред. Ю.И.Смирнов. Новосибирск, 1993.

Литература

Русский школьный фольклор. М., 1998.

Рыбаков Б.А. Рождение богов и богинь // Мифы древних славян. Саратов, 1993.

Савеленко В.М. Динамика профессионального самосознания курсантов высших военных авиационных инженерных учебных заведений: Автореф. дис.... канд. психол. наук. Ставрополь, 2000.

Салмина Н.Г. Знак и символ в обучении. М., 1988.

Самсонова Е.Ю. Репрезентация общих умственных способностей в индивидуальном и групповом сознании: Дис.... канд. психол. наук. М., 1994.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.

Симонов П.В. Категория бессознательного, подсознания и сверхсознания в творческой системе К.С.Станиславского // Бессознательное. Тбилиси, 1978. Т.2. С. 518-528.

Симонов П.В. Мозг и творчество // Вопросы философии. 1992. № 11. С. 3—24.

Симонов П.В. Сознание и сопереживание // Психологический журнал. 1996. № 3. С. 3-8.

Слуцкий В.М. Формирование жизненных планов детей в условиях резких социальных изменений // Психологический журнал. 1995. № 2. С. 60—69.

Смирнов И., Безносюк Е., Журавлев А. Психотехнологии: Компьютерный психосемантический анализ и психокоррекция на неосознаваемом уровне. М., 1996.

Смирнов С.Л. Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.

Смирнова Н.Л. Исследование имплицитных концепций интеллекта // Психология личности в условиях социальных изменений. М., 1993. С. 97—103.

Смирнова Н.Л. Социальные репрезентации интеллектуальности (на примере российской выборки) // Психологический журнал. 1994. № 6. С. 51—60.

Смирнова Н.Л. Образ умного человека: российское исследование // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997а. С. 112-129.

Смирнова Н.Л. Психологические особенности русской волшебной сказки // Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики. М., 1997б. С. 281-312.

Снегирева Т.В. Смысл и символ в проективном рисунке // Вопросы психологии. 1995. № 6. С.20—32.

Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. М., 1996.

Соколов Д.Ю. Сказки и сказкотерапия. М., 1997.

Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. М., 1989.

Соломоник А. Язык как знаковая система. М., 1992.

Соснин В.А. Культура и межгрупповые процессы: этноцентризм, конфликты и тенденции национальной идентификации // Психологический журнал. 1997. № 1. С. 50—60.

Соснин В.А. Психолого-педагогический анализ профессионального менталитета учителя: Автореф. дис.... д-ра психол. наук. М., 1998.

- Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Социально-психологические проблемы ментальности. Смоленск, 1993.
- Спиркин А.Г.* Сознание и самосознание. М., 1972.
- Столин В.В.* Самосознание личности. М., 1983.
- Столин В.В., Кальвиньо М.* Личностный смысл: строение и форма существования в сознании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1982. № 3.
- Субботский Е.В.* Некоторые особенности представлений ребенка о психике человека // Вопросы психологии. 1986. № 5. С. 45—53.
- Субботский Е.В.* Суждения ребенка о существовании // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1986. № 4. С. 8—12.
- Субботский Е.В.* Онтогенез сознания и основы рациональности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1989. № 1. С. 63—74.
- Субботский Е.В.* Индивидуальное сознание как система реальностей // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии. Школа А.Н. Леонтьева. М., 1999. С. 125—160.
- Субъективная оценка в структуре деятельности: Научно-тематический сборник. Саратов, 1987.
- Тарасенко Е.И.* Особенности социальной регуляции в клинике алкоголизма // Психологический журнал. 1990. № 4.
- Татенко В. О.* Субъект психической активности: поиск новой парадигмы // Психологический журнал. 1995. № 3. С. 23—35.
- Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ: В 2 т. М., 1996.
- Топоров В.Н.* О ритуале // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988.
- Троссей Б., Розенцвейг П.* Знания и решение задачи: репрезентация научных понятий // Когнитивное обучение: современное состояние и перспективы. М., 1997. С. 165-189.
- Трушкова С. В.* Анализ матрицы интеркорреляций как метод локализации структурного ядра социальных представлений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1998. №1. С. 52—57.
- Тхостов А.Ш.* Болезнь как семиотическая система // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1993. № 1. С. 3—16; № 4. С. 13—14.
- Тхостов А.Ш.* Типология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1994. № 2—3.
- Тэрнер Дж. С., Оукс П. Дж., Хэслем С.А., Дэвид В.* Социальная идентичность, самокатегоризация и группа // Иностранная психология. 1994. № 2. С. 8—17.
- Уледов А.К.* Структура общественного сознания. М., 1968.
- Улыбина Е.В.* Диалог: Бахтин и Фрейд // Философия, методология, культура: Альманах. Вып. 1. Ставрополь, 1994а. С. 32—39.
- Улыбина Е.В.* Психоанализ и теория текста М.М.Бахтина // Исследования по художественному тексту. Саратов, 19945. С. 94—95.
- Улыбина Е.В.* Работа с репертуарными решетками: Методические рекомендации по развитию и совершенствованию основ межличностного общения. Ставрополь, 1994в.

- Улыбина Е.В.* Особенности отражения календарных обрядов в пьесе А.Н.Островского «Снегурочка» // Анализ художественного текста на школьном уроке: теория и практика. Ставрополь, 1995. С. 115—123.
- Улыбина Е.В.* Анализ результатов различных вариантов факторного вращения ролевого семантического дифференциала // Вести. Ставроп. гос. ун-та. Ставрополь, 1996а. № 8. С. 89—97.
- Улыбина Е.В.* Выготский и Фрейд о роли знака в развитии психики // Место психоанализа в современной науке и практике. Ставрополь, 19965. С. 3—6.
- Улыбина Е.В.* Личность и чужое слово. Ставрополь, 1997а.
- Улыбина Е.В.* Этноцентризм как элемент семантической структуры обыденного сознания // Психолого-педагогические проблемы развития, образования и воспитания личности: Материалы научной конференции «Университетская наука — региону». Ставрополь, 19975.
- Улыбина Е.В.* Обыденное сознание: структура и функции. Ставрополь, 1998а.
- Улыбина Е. В.* Снегурочка как символ не преодоленного нарциссизма // Человек в контексте культуры. Вып. 1. Ставрополь, 19985. С. 164—177.
- Улыбина Е.В.* Психологические основы образов правильного и неправильного мира // Человек в контексте культуры. Вып. 1. Ставрополь, 1998в. С. 157-163.
- Улыбина Е.В.* Правильные и неправильные тексты // Текст как объект многоаспектного исследования: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». Вып. 3. Ч. 1. Ставрополь, 1998г. С. 66—74.
- Улыбина Е.В.* Психосемантический анализ персонажей сказки «Снегурочка» // Вести. Ставроп. гос. ун-та. Ставрополь, 19985. № 16.
- Улыбина Е.В.* Исследование семантики полоролевых стереотипов // Психологические проблемы развития, образования и воспитания личности: Материалы научной конференции «Университетская наука — региону». Ставрополь, 1998е. С. 23—28.
- Улыбина Е.В.* Простые и сложные образы в структуре обыденного сознания // Пасхи. Научный психологический журнал. Екатеринбург, 1998ж. С. 88-99.
- Улыбина Е.В.* Образы правильного и неправильного мира в обыденном сознании // Социально-психологические проблемы ментальности. Материалы 3 международной научной конференции. Смоленск, 1998з. С. 56—61.
- Уорф Б.Л.* Лингвистика и логика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С.190—191.
- Уорф Б.Л.* Наука и языкознание // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 169-182.
- Успенский Б.А.* История и семиотика // Избранные труды. М., 1994. Т. 1.
- Успенский Б.А.* «Заветные сказки» А.Н.Афанасьева // Избранные труды. М., 1994. Т. 2.
- Федоркина А.П.* Феномен сознания в контексте социального психоанализа. М., 1997.

- Федорова Т.Л.** Методика семантического дифференциала и возможность ее применения в клинической психологии // Психологические методы исследования личности в клинике. Л., 1997. С. 80—82.
- Фейнгенберг Е.И., Асмолов А.Г.** Некоторые аспекты невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психологический журнал. 1989. № 6. С. 58-66.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Флоренская Т.А.** Проблема психологии катарсиса как преобразования личности // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С. 151-174.
- Флоренская Т.А.** Психологическая проблема диалога в свете идей М.М.Бахтина и А.А.Ухтомского // Общение и развитие психики. М., 1986. С. 21—31.
- Флоренская Т.А.** Диалогическое общение как путь самораскрытия сущности человека // Применение концепции С.Л.Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М., 1989. С.143—164.
- Фоломеева Т.В.** Метод фокус-групп в исследовании московской радиоаудитории «Би-би-си» // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1994. № 3. С. 45-52.
- Фоше К., Московичи С.** К психосоциологии языка // Психоллингвистика за рубежом. М., 1972. С. 102-113.
- Франселла Ф., Баннистер Д.** Новый метод исследования личности. М., 1987.
- Фреге Г.** Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977. С. 181-210.
- Фреге Г.** Избранные работы. М., 1997.
- Фрейд З.** Введение в психоанализ. М., 1989а.
- Фрейд З.** Психология бессознательного. М., 1989б'.
- Фрейд З.** Методика и техника психоанализа // Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск, 1991а.
- Фрейд З.** «Я» и «Оно»: Труды разных лет: В 2 кн. Тбилиси, 19915. Кн. 1.
- Фрейд З.** Человек Моисей и монотеистическая религия // Психоанализ. Религия. Культура. М., 1992. С. 135—256.
- Фуко М.** Воля к истине. М., 1996.
- Харре Р.** Грамматика и лексика — факторы социальных представлений // Вопросы социологии. 1993. № 1—2. С. 118—128.
- Хащенко В.А., Турецкая Т.В.** Социально-психологический портрет деловой женщины // Психологическое обозрение. 1996. № 1. С. 14—17.
- Хензелер Х.** Теория нарциссизма // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1: Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. М., 1998. С. 463—482.
- Холдер А.** Фрейдовская теория психического аппарата // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 1. Зигмунд Фрейд: жизнь, работа, наследие. М., 1998. С. 226-266.
- Худобина Е.Ю.** Психология внутреннего диалога. Ульяновск, 1996.
- Хьюбнер К.** Истина мифа. М., 1996.
- Цапкин В.Н.** Семиотический подход к проблеме бессознательного // Бессознательное. Многообразие видения. Новочеркасск, 1994. С. 81—91.

- Черниговская Т.В., Делегин В.Л.* Проблема внутреннего диалогизма (нейрофизиологическое исследование языковой компетенции) // Труды по знаковым системам. Вып. 17. Тарту, 1984.
- Черняк В.А.* Мифологические истоки научной рациональности // Вопросы философии. 1994. № 9. С. 37—52.
- Черняк В.А., Теминов К.Т.* Диалектика теоретического и обыденного сознания. Алма-Ата, 1985.
- Чертов Л.Ф.* Знаковость. СПб., 1993.
- Чирикова А.Е.* Человек и богатство: парадоксы российской ментальности // Россия. 1997. № 4. С. 37—39.
- Чирикова А.Е.* Психологические особенности личности российского предпринимателя // Психологический журнал. 1998. № 1. С. 62—74.
- Чудова Н.В.* Модели мира авторских сказок // Модели мира. М., 1997. С. 147—157.
- Чуприкова Н.И.* Сознание как высшая расчлененная и системно упорядоченная форма отражения и его мозговые единицы // Психологический журнал. 1982. № 5. С. 13—26.
- Шабес В.Я.* Соотношение когнитивного и коммуникативного компонентов в речемыслительной деятельности. Событие и текст: Автореф. дис.... д-ра психол. наук. Л., 1990.
- Шагун Г., Павлов В.И., Рыженков П.Е.* Исследование экологического сознания детей и подростков // Психологический журнал. 1994. № 1. С. 41—49.
- Шариков А.В., Кузнецова Ю.Н.* Особенности восприятия телесериала «Элен и ребята» московскими школьниками // Психологический журнал. 1998. №2. С. 105-118.
- Шахзадеян М.А.* Обыденное сознание: Философско-методологические проблемы исследования повседневного практического сознания масс. Ереван, 1984.
- Шенкао Г.Х.* Мифо-эпическое сознание и современная псевдомифология: Автореф. дис.... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 1997.
- Шефер Б., Шлендер Б.* Социальная идентичность и групповое сознание как медиаторы межгруппового поведения // Иностранная психология. 1993. № 1. С. 74-83.
- Шиверских А.А.* Психологические особенности проявления ритуала и ритуального поведения в политической сфере: Дис.... канд. психол. наук. М., 1995.
- Шихирев П.Н.* Проблемы исследования межгрупповых отношений // Психологический журнал. 1992. № 1. С. 15—23.
- Шкуратов В.А.* Историческая психология. М., 1997.
- Шмелев А. Г.* Психологическая обусловленность индивидуальных различий в понимании значения слова // Исследование проблемы речевого общения. М., 1979.
- Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: Теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.

- Шмелев А. Г.** Семантический код и возможности матричной психодиагностики // Вести. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1990. № 3. С. 23—28.
- Шмелев А.Г.** Психосемантика и психодиагностика личности: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994.
- Шмелев А.Г., Похилько В.И.** Л.С. Выготский и динамическая концепция субъективных семантических пространств // Научное наследие Л.С.Выготского и современная психология: Тезисы докладов всесоюзной конференции. М., 1981. С. 168-171.
- Шмелев А.Г., Похилько В.И., Козловская-Тельнова А.Ю.** Репрезентативность личностных черт в сознании носителя русского языка // Психологический журнал. 1991. № 2. С. 27—44.
- Шоттер Дж.** М.М.Бахтин и Л.С.Выготский: интериоризация как феномен «границы» // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 107—117.
- Шрейдер Ю.А.** Ритуальное поведение и формы косвенного целеполагания // Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979. С. 103—128.
- Шрейдер Ю.А.** Некоторые особенности знаковых выражений явлений сознания // Научное наследие Л.С. Выготского и современная психология: Тезисы докладов всесоюзной конференции. М., 1981. С. 171 — 173.
- Щербаков Р.Н.** Здравый смысл учащегося и научные знания // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 53—61.
- Щюц А.** Структура повседневного мышления // Социологические исследования. М., 1988. № 2. С. 129-137.
- Элиаде М.** Аспекты мифа. М., 1996.
- Эльконин Б.Д.** О феноменах переходных форм действия // Вопросы психологии. 1994. № 1. С.47—53.
- Эльконин Б.Д.** Введение в психологию развития: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1995.
- Эльconiнова Л., Эльконин Б.Д.** Знаковое опосредование, волшебная сказка и субъектность действия // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. 1993. № 2. С. 62-70.
- Эриксон Э.** Детство и общество. СПб., 1996а.
- Эриксон Э.** Идентичность: юность и кризис. М., 1996б.
- Эткинд А.М.** Опыт теоретической интерпретации семантического дифференциала // Вопросы психологии. 1979. № 1. С. 17—27.
- Юнг К.Г.** Архетип и символ. М., 1991.
- Юревич А. В.** Социально-психологический анализ научного и обыденного объяснения: Дис.... д-ра психол. наук. М., 1993.
- Якобсон Р.** Язык и бессознательное. М., 1996.
- Яковлева Е.С.** Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994.
- Яковлева Е. С.** О некоторых особенностях концептуализации личностного начала в русской лексике и грамматике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1997. № 3. С. 96—104.

- Billig M., Condor S., Edwards D., Gane M., Middleton D., and Redley A.* Ideological Dilemmas: A Social Psychology of Everyday Thinking. L., 1988.
- Breakwell G. M.* Coping with threatened identities. L.; N.Y., 1986.
- Doise W., Moscovici S.* (Ed.) Current issue in European social psychology. Cambridge; N.Y.; Paris, 1987.
- Fogelson R.D.* Person, self and identity. Some anthropological retrospects, circumspets and prospects // Lee B. (ed.) Psychosocial theories of the self: Proc. Of on new approaches to the self, held March 29—Apr. 1 1979, by the Center for psychosocial studies, Chicago, 3. N.Y.; L., 1982.
- Forgas J.P., Morris S.L., Furnham A.* Lay explanations of wealth: Attributions for economic success // Journal of Applied Social Psychology. 1982. 12 (5). P. 381-397.
- Furnham A., Stacey B.* Young People's Understanding of Society. London, 1991.
- Goffman E.* The neglected situation // Amer. Antropol. 1964. Vol. 66. № 5. Part. 2.
- Heider F.* The psychology of interpersonal relation. N.Y., 1958.
- Jones E.E., Davis K.E.* From acts to dispositions: The attributions process in person perceptions // Advances in experimental social psychology. N.Y., 1965. Vol. 2. P.219-266.
- Kelley H.H.* The process of causal attribution. N.Y.: American psychologist. 1973. Vol. 28. №2. P. 107-128.
- Lerner M.J.* The belief in a just world: A fundamental delusion. N.Y., 1980.
- Marcia J.E.* Identity in adolescence // Adelson J.(ed.) Handbook of adolescent psychology. N.Y., 1980.
- Markova I.* Paradigms, thought and language. Chichester. N.Y., 1982.
- Mead G.H.* Mind, self and Society. Chicago, 1946.
- Moscovici S.* The phenomenon of social representations // Soc. Representations / Eds. R.M. Farr, S. Moscovici. Cambridge, 1984. P. 3—69.
- Moscovici S.* Notes towards a description of Social Representation // European Journal of Social Psychology. 1988. Vol. 18. P. 211—250.
- Osgood Ch.* Semantic Differential Technique in the comparative Study of cultures // American Anthropology. 1964. Vol. 66.
- Osgood Ch., Susi C.J., Tannenbaum P.H.* The measurement of meaning. Urbana, 1957.
- Paivio A.* Imagery and verbal processes. N.Y., 1971.
- Peabody D.* National characteristics. Cambridge (MA), 1985.
- Peabody D.* Personality dimensions through trait interences // Journal of Personality and Social Psychology. 1984. 46. № 2. P. 383—403.
- Peabody D., Goldberg L.R.* Some determinants of factor structures from personality-trait descriptors // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. 57. P.552-567.
- Social representations / Ed. By Farr R.N., Moscovici S. Cambridge, 1984.
- Tajfel H.* Social identity and intergroup relations. Cambridge, 1982.
- Tajfel H.* (ed) Social Identity and Intergroup Relations. Cambridge, 1984.

- Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict // Austin W.C., Worchel S. (eds.) The social psychology of intergroup relations. Montrey, 1979.
- Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago, 1986. P. 7—24.
- Theng J., French P.* The comparability of verbal and nonverbal differential scales in joint semantic space // Journal of Psycholinguistic Research. 1986. Vol. 15 (2).
- Turner J. C.* Social categorization and the self-concept: A social theory of group behavior // Lawler E.J.(ed.) Advances in group process. Theory and research. Vol. 2. Greenwich: Connect., 1985.
- Turner J. C.* A self-categorization theory // Rediscovering the Social Group: A Self-categorization theory. Oxford, 1987. P. 42—67.
- Walster E.* Assignment of responsibility for an accident // Journal of Personality and Social Psychology. 1966. Vol. 3. № 1. P. 73—79.
- Waterman A. S.* Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review // Development of Psychology. 1982. Vol. 18. № 3. P. 341-358.

Елена Викторовна Улыбина

**Психология
ОБЫДЕННОГО СОЗНАНИЯ**

Редактор *Н.В.Крылова*

Корректор *Т.П.Толстова*

Компьютерная верстка *О.В.Кокоревой*

Издательство «Смысл», 103050, Москва, 50, а/я 158.

Тел./факс (095) 195 9328, 195 0308,

e-mail: info@smysl.ru,

<http://www.smysl.ru>

Лицензия ЛР № 064656 от 24.06.1996.

Подписано в печать 27.03.2001. Бумага офсетная №1.

Печать офсетная. Формат 60х90/16. Гарнитура TimesET.

Усл. печ. л. 16,5. Тираж 1500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством

предоставленных диапозитивов

в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

**ПСИХОЛОГИЯ
ОБЫДЕННОГО
СОЗНАНИЯ**

ISBN 5-89357-091-X

9 785893 570915